

**Образовательное частное учреждение высшего образования
«Православный Свято-Тихоновский Гуманитарный университет»**

На правах рукописи

ПРУЦКОВА ЕЛЕНА ВИКТОРОВНА

**Связь религиозности с базовыми ценностями и субъективными нормами
населения России и других европейских стран**

Специальность: 5.7.9 — Философия религии и религиоведение

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук**

**Научный руководитель:
кандидат психологических наук, доцент
Магун Владимир Самуилович**

Москва - 2021

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ И ИХ ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ	26
1.1. Понятие индивидуальной религиозности и многомерный подход к его операционализации.....	26
1.1.1. Теоретические основы многомерного подхода к феномену религиозности — пять измерений религиозности Ч. Глока.....	30
1.1.2. Первые попытки эмпирического анализа религиозности как многомерного понятия	31
1.1.3. Построение шкал религиозности как многомерного явления	32
1.1.4. Дискуссия о количестве измерений религиозности	35
1.1.5. «Внешняя» и «внутренняя» религиозная ориентация, религиозность как «поиск»	39
1.1.6. «Центральность» религиозности	41
1.1.7. Иерархический подход к понятию «религиозность».....	42
1.2. Связь религиозности с субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни	47
1.3. Связь религиозности с базовыми ценностями.....	69
1.4. Религиозная социализация как фактор, влияющий на связь религиозности с базовыми ценностями и субъективными нормами.....	94
1.4.1. Влияние ранней социализации	95
1.4.2. Понятие религиозной социализации	96
1.4.3. Влияние родителей на детей.....	98
1.4.4. Влияние детей на родителей.....	98
1.4.5. Влияние расширенной семьи	101
1.4.6. Влияние супругов	101
1.4.7. Влияние образования.....	102
1.4.8. Влияние друзей.....	104
1.4.9. Влияние религиозных организаций и институтов.....	104
1.5. Основные выводы	104
1.6. Гипотезы исследования	106
ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЯ, ПРОЦЕДУРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ БАЗЫ ДАННЫХ	113
2.1. Методология межстрановых сравнительных исследований	113
2.2. Базы данных, используемые в настоящем исследовании	118
2.3. Операционализация индивидуальных базовых ценностей	123
2.4. Показатели религиозной социализации	126
2.4.1. Первичная и вторичная религиозная социализация	126
2.4.2. Режимы социализации.....	128
2.5. Методы анализа данных, применяемые в исследовании	131
ГЛАВА 3. СВЯЗ РЕЛИГИОЗНОСТИ С БАЗОВЫМИ ЦЕННОСТЯМИ И СУБЪЕКТИВНЫМИ НОРМАМИ ОТНОСИТЕЛЬНО ВОПРОСОВ НАЧАЛА И ОКОНЧАНИЯ ЖИЗНИ: РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА	133
3.1. Связь религиозности и субъективных норм относительно вопросов начала и окончания жизни	133
3.1.1. Субъективные нормы на вопросы начала и окончания жизни в России и европейских странах.....	134
3.1.2. Религиозность и субъективные нормы относительно вопросов начала и окончания жизни в целом и в отдельных странах.....	137
3.1.3. Причины межстрановых различий в силе связи религиозности с субъективными нормами: гипотеза об уровне религиозности как социальном контексте.....	143
3.1.4. Причины межстрановых различий в силе связи религиозности с субъективными нормами: гипотеза об уровне первичной религиозной социализации как социальном контексте.....	149
3.2. Связь религиозности и базовых ценностей	172
3.2.1. Связь религиозности и базовых ценностей в европейских странах	172
3.2.2. Связь религиозности с базовыми ценностями в России	182
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	194
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	198

Введение

Одним из важнейших факторов, связанных с ценностями и субъективными нормами, является религиозность. С одной стороны, большинство религий содержат предписания, которыми должны руководствоваться ее последователи в своей жизни, определяющие, что является важным, а что — несущественным, что есть норма, а что — девиация и т.д. Таким образом, можно предполагать, что религия будет оказывать заметное воздействие на 1) взгляды людей на те «принципы или правила, которые, как ожидается, люди будут соблюдать» (Гидденс) (далее — «субъективные нормы») и 2) их верования, относительно предпочтительности тех или иных целей и способов действия (С. Шварц, М. Рокич) (далее — «индивидуальные ценности»)¹. При этом, чем более религиозен человек, тем большее влияние будут оказывать на него эти предписания. С другой стороны, субъективные нормы и ценности, которые разделяет человек, могут быть предпосылкой уровня религиозности и существенным фактором, определяющим принадлежность к той или иной религии. Можно предположить, что в ситуации, когда убеждения и ценности человека находятся в гармонии с убеждениями и ценностями определенной религиозной группы или сообщества, с определенной религиозной доктриной, то повышается вероятность, что человек присоединится к этой религии, станет членом группы или сообщества, которые отвечают его собственным ценностям и субъективным нормам. Если же ценности индивида находятся или приходят в состояние конфликта с ценностями религиозной группы, с которой он себя идентифицирует, членом которой он традиционно, зачастую с рождения, является, это может послужить причиной снижения степени религиозности, более редкого участия в религиозных ритуалах.

Таким образом, какой бы ни была причинно-следственная цепочка влияния, в целом можно ожидать, что связь религиозности с ценностями и субъективными

---

¹ Более подробное рассмотрение понятий «нормы», «субъективных норм», «ценностей», а также обоснование выбора именно такого их понимания см. в тексте диссертации с. 47-52, 69–80.

нормами будет существенной, причем более религиозные люди будут носителями более традиционных ценностей и норм.

Однако результаты эмпирических исследований, проведенных в разных странах, дают противоречивые результаты. Часть из них показывает, что связи действительно есть, и существенные, в то время как другие исследования демонстрируют отсутствие связей религиозности с субъективными нормами и ценностями.

В диссертации на основании результатов, полученных в ходе Европейского социального исследования, Европейского исследования ценностей и всероссийского исследования Ортодокс Монитор², рассматривается вопрос о том, насколько сильны указанные взаимосвязи, каково их направление и факторы, их определяющие.

Актуальность темы исследования

В рамках большинства российских массовых социологических опросов фиксируется, что религиозность населения, измеряемая чаще всего с помощью вопросов о вере в Бога или частоте посещения религиозных служб, не оказывает влияния на нормы, ценности и поведение людей вне религиозного контекста или это влияние незначительно. Такова же и картина по большинству постсоциалистических стран. В то же время исследования в других странах показывают, что религиозность оказывает довольно существенное влияние на разные характеристики «внерелигиозного» сознания и поведения, в наибольшей степени это заметно в западноевропейских и южноевропейских странах, США, странах Латинской Америки³.

Научная актуальность исследования определяется тем, что в настоящее время нет ответа на вопрос о том, каковы причины наблюдаемого в большинстве постсоциалистических стран, в том числе в России, слабого влияния религиозности людей на разделяемые ими ценности и нормы. Остается неясным, какие факторы и

---

² Исследование Ортодокс Монитор проходило при участии автора.

³ Сильная связь религиозности с ценностями и субъективными нормами не всегда означает доминирование тех или иных ценностей на уровне страны.

социальные механизмы отвечают за данный процесс, определяют межстрановые, кросс-культурные различия в силе связи между религиозностью и ее ценностно-нормативными следствиями или коррелятами. Недостаточность понимания факторов, оказывающих воздействие на силу связи религиозности с ценностями и субъективными нормами, не позволяет осуществлять обоснованное прогнозирование и давать экспертную оценку возможным направлениям развития и наиболее вероятным следствиям изменяющейся ситуации, давать удовлетворительную интерпретацию межстрановым, кросс-культурным различиям в связях между религиозностью и ценностно-нормативными характеристиками.

Практическая актуальность исследования определяется тем, что для развития общества необходимо научное знание о том, какие факторы влияют на формирование норм и ценностей, их передачу от поколения к поколению, их изменение с течением времени. Является ли религия одним из таких факторов, или, иначе, может ли религия стать ресурсом для построения общества, в котором представлены ценности равенства и терпимости, бережного отношения к окружающей среде, готовности отказаться от собственных интересов ради блага других людей (ценности Заботы о людях и природе)? Какие социальные условия способны усиливать воздействие религиозности на ценности и субъективные нормы, а какие — препятствуют такому влиянию?

Научная разработанность проблемы

Религиозность в России

Результаты социологических исследований (ИСПИ РАН, ВЦИОМ, ФОМ, Левада-Центр, РМЭЗ НИУ ВШЭ и др.) в России демонстрируют существенный разрыв между большим числом идентифицирующих себя с православием россиян (в марте 2021 г., по данным всероссийского опроса ВЦИОМ, 66% россиян называли себя последователями православия⁴) и малым числом практикующих

---

⁴ *Великий пост — 2021. Аналитический обзор ВЦИОМ.* URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021> (дата обращения: 07.04.2021).

(воцерковленных) православных⁵. Так, например, на основании данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ Я. М. Рощина констатирует: «Данные свидетельствуют о наличии расхождений между самоидентификацией с религией и восприятием себя как верующего или неверующего, что в наибольшей степени характерно для респондентов, идентифицирующих себя с православием»⁶.

Сопоставляя данные различных репрезентативных всероссийских исследований, Н. Н. Емельянов отмечает: «С начала 1990-х годов массовые опросы демонстрируют значительный разрыв в численности между двумя группами православных россиян. ... Немаловажное обстоятельство в данном контексте — это постоянный рост с 1991 г. количества людей, называющих себя православными. Меж тем как доля практикующих православных остается стабильно низкой. Эта ситуация выглядит еще более странной на фоне того факта, что число приходов и священников Русской Православной Церкви (РПЦ) за этот же период выросло более чем в четыре раза»⁷.

По данным разных опросов, в течение последних 25 лет доля называющих себя православными колебалась в пределах от 50% до 70%, в то время как доля причащающихся раз в месяц или чаще до 2014 г. составляла не более 2-3%, за исключением 2013-го года (6%)⁸. Емельянов показывает, что одним из факторов,

---

⁵ Чеснокова, В. Ф. Тесным путем : Процесс воцерковления населения России в конце XX века. — М. : Академический Проект, 2005. — 304 с. ; Синелина, Ю. Ю. Динамика процесса воцерковления православных // Социологические исследования. — 2006. — № 11. — С. 89—97 ; Синелина, Ю. Ю. Измерение религиозности населения России : православные и мусульмане : суеверное поведение россиян. — М. : Наука, 2006. — 112 с. ; Фурман, Д. Е., Каарийainen, К. Религиозность в России рубеже XX—XXI столетий // Общественные науки и современность. — 2007. — № 2. — С. 78—95 ; Зоркая, Н. А. Православие в безрелигиозном обществе // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. — 2009. — № 2 (100). — С. 65—85 ; Синелина, Ю. Ю. О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах её изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман) // Социологические исследования. — 2013. — № 10. — С. 104—115 ; Общественное мнение — 2020. — М. : Аналитический Центр Юрия Левады («Левада-Центр»), 2020. — С. 109-114.

⁶ Рощина, Я. М. Роль религии в жизни россиян // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. — 2018. — №8. — С. 100.

⁷ Емельянов, Н. Н. Парадокс религиозности : Откуда берутся верующие? // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. — 2018. — № 2. — С. 35.

⁸ Там же.

ограничивающих возможности роста доли практикующих верующих в России может считаться ограничение «со стороны предложения»: «существенным ограничивающим фактором религиозного предложения в России остается недоступность священника для регулярного участия в исповеди»⁹. Применение теории религиозного рынка и расчет соотношения религиозного предложения и потенциалов роста православной религиозности в России приводит к выводу: «что, как бы ни росла аффилиация с Православием, никакого роста практикующих верующих ожидать невозможно в принципе, пока не вырастет соответствующим образом количество духовенства на приходах Русской Православной Церкви в России»¹⁰.

В декабре 2020 г., по данным опроса «Религия и церковь»¹¹, православные россияне составляли 68% взрослого населения, в то время как 7% населения причащались раз в месяц и чаще. В феврале 2021 г. соответствующие показатели, по данным всероссийского опроса ФОМ¹², составляли 63% и 6%. Таким образом, хотя за последний год наблюдаются некоторые тенденции к интенсификации религиозной жизни, разрыв между долей идентифицирующих себя с православием и долей воцерковленных россиян продолжает оставаться очень существенным.

В тех случаях, когда в исследования включаются дополнительные вопросы, позволяющие отслеживать влияние религиозности на «внерелигиозные» характеристики, результат оказывается скорее отрицательным: корреляция между уровнем религиозности и морально-нравственным, экономическим, политическим и т.д. поведением практически незаметна. Например, Н. А. Зоркая отмечает:

---

⁹ *Emelyanov, N.* The temporal structure of the activities of priests and the substantive effects of religious life in contemporary Russia // *Russian Sociological Review*. — 2016. — Vol. 15. — No. 4. — P. 201.

¹⁰ *Емельянов, Н. Н.* Анализ секуляризации в России со стороны предложения // *Христианское чтение*. — 2017. — № 1. — С. 180.

¹¹ Всероссийский опрос «Религия и Церковь» проведен в рамках проекта «Социальная работа Русской Православной Церкви: факторы развития и проблема институционализации» Православного Свято-Тихоновского Богословского института, полевая часть исследования осуществлялась Институтом фонда «Общественное мнение» (ФОМ). URL : http://socrel.pstgu.ru/RU/grants/social_work. Расчеты автора.

¹² Репрезентативный опрос населения РФ от 18 лет и старше проведен Институтом фонда «Общественное мнение» 6-7 февраля 2021 г. Интервью по месту жительства респондента, 53 субъекта РФ, 104 населенных пункта, 1500 респондентов.

«нынешние православные, включая “воцерковленных”, ничуть не отличаются от неверующих большей терпимостью, толерантностью к другому, чужому, большим доверием “к ближнему” и солидарностью с ним, большей гуманностью и человеколюбием»¹³. Исследователи объясняют это тем, что православная идентичность в России отражает не религиозность человека, а скорее является заменой какой-то другой идентичности — национальной, этнической или культурной. В. Карпов, Е. Лисовская и Д. Барри выявляют феномен «этнодоксии» — тесного переплетения религиозной и этнической идентичности, которую они определяют как «систему убеждений, которая жестко связывает этническую идентичность группы с ее доминирующей религией и следовательно, склонна рассматривать другие религии как потенциально или фактически вредные для единства группы и ее благополучия и, следовательно, стремится к защищенному и привилегированному статусу веры доминирующей группы»¹⁴. При этом такое смешение конфессиональной и национальной идентичности может ослабевать или усиливаться под воздействием ряда факторов. Например, Е. А. Кублицкая показывает, что «конфессиональная идентификация в регионе повышается при увеличении конфликтности в межэтническом взаимодействии»¹⁵.

В то время как Карпов и соавторы лишь фиксируют существенную связь этнической и религиозной идентичности, другие религиоведы и социологи выражают и более радикальную позицию, состоящую в том, что за самоидентификацией с православием не стоит ничего кроме «русскости» или лояльности власти. Б. В. Дубин отмечает: «фактическое слияние для большей, если не подавляющей, части населения семантики “православного” и “русского”»¹⁶. Л. Д. Гудков считает, что «православие оказалось лишь ярлыком этноконфессионального партикуляризма, компенсирующего слабости

¹³ Зоркая, Н. А. Православие в безрелигиозном обществе ... — С. 83.

¹⁴ Карпов, В., Лисовская, Е., Барри, Д. Ethnodoxy : How popular ideologies fuse religious and ethnic identities // Journal for the Scientific Study of Religion. — 2012. — Vol. 51. — No. 4. — P. 644.

¹⁵ Кублицкая, Е. А. Динамика процесса десекуляризации в мегаполисе // Наука. Культура. Общество. — 2016. — № 3. — С. 116.

¹⁶ Дубин, Б. В. Массовая религиозная культура в России (тенденции и итоги 1990-х годов) // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. — 2004. — № 3 (71). — С. 42.

национальной и социальной самоидентификации ... Мнения о слабой (или лишь декларируемой в определенных обстоятельствах) функциональной роли религии в частной жизни опрашиваемых очень устойчивы»¹⁷. Зоркая констатирует: «Позитивная динамика массовой православной идентификации в современном российском обществе не означает, как мы показали, существенного роста глубоко верующих или воцерковленных людей. Ни церковь, ни религия как таковая не играют в повседневной жизни подавляющего большинства людей значительной роли. И влияние церкви как института, и влияние религиозного мировоззрения на общество весьма незначительны. Несмотря на стабильно удерживающееся на довольно высоком уровне доверие к церкви (церкви «вполне доверяют» около двух пятых опрошенных), в опросах на протяжении многих лет мы фиксируем весьма пассивное, отстраненное, дистанцированное, если не равнодушное, отношение к роли церкви и религии в жизни общества, и особенно в повседневной жизни человека, в том числе среди тех, кто считает себя православным»¹⁸.

М. М. Мчедлова фиксирует «противоречивость российского религиозного сознания, его неопределенность и неструктурированность»¹⁹, которая заключается в разрыве между принадлежностью к конфессии (в частности — православию) как идентификацией с определенной культурной традицией и как глубокой личной верой: «Это выражается в увеличении числа приверженцев традиционных российских конфессий (прежде всего православной), в повышении роли религиозных организаций в социально-политической жизни. Одновременно, важность собственно церковной жизни не является для россиян приоритетом, а доминирующими остаются светские ориентиры»²⁰.

Исследуя роль регионального фактора в определении конфессиональной ситуации, С. В. Рязанова отмечает, что выбор «традиционных» религий часто

---

¹⁷ Гудков, Л. Д. Общество с ограниченной вменяемостью // Вестник общественного мнения : Данные. Анализ. Дискуссии. — 2008. — № 1 (93). — С. 21.

¹⁸ Зоркая, Н. А. Православие в безрелигиозном обществе ... — С. 80.

¹⁹ Мчедлова, М. М. Роль религии в современном обществе // Социологические исследования. — 2009. — № 12. — С. 83.

²⁰ Там же. — С. 83—84.

связан не столько с согласием с определенным вероучением, сколько со стереотипным мышлением, что дополняется актуализацией религиозной самоидентификации только лишь в ситуации тяжелого экзистенциального кризиса либо в ситуации массового опроса: «существует ряд религиозных систем, традиционно исповедуемых определенными этносами. ... Поэтому в обыденном сознании и представителя данного этноса, и окружающих происходит сращивание этнической и религиозной принадлежности ... срастание религиозных традиций с общекультурными оборачиваются, как правило, так называемой “стертой”, неактивной религиозностью»²¹.

С. Б. Филатов и Р. Н. Лункин, предпринимая попытку рассчитать на основании статистических данных реальное количество последователей различных религий в России, приходят к выводу, что «...значение религиозного фактора в светском секуляризованном обществе, в котором вера стала для многих просто культурным символом, относительно невелико. ... Большая часть русских, евреев, тувинцев, татар или адыгейцев осознает свою связь с исторической верой. Однако это ни к чему не обязывает их в религиозном плане»²².

К похожим выводам приходят К. Каарияйнен и Д. Е. Фурман, которые пишут о «проправославном консенсусе», представляющем собой сформировавшееся в массовом сознании «всеобщее и устоявшееся убеждение, будто православие — высшая ценность, неотделимая от русского самосознания и русской культуры; что РПЦ — важнейший общественный институт, который надо оберегать, ограничивая деятельность других конфессий»²³. Именно проправославный консенсус, по мнению Фурмана и Каарияйнена, приводит к росту доли населения, относящего себя к православию. Тем не менее, этот рост религиозной самоидентификации не подтверждается ни личной верой, ни поведением: «Совершенно ясно, что такого

---

²¹ Рязанова С. В. Роль регионального фактора в формировании локальной конфессиональной ситуации // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. — 2019. — №1. — С. 58.

²² Филатов, С. Б., Лункин, Р. Н. Статистика российской религиозности : магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. — 2005. — № 6. — С. 44.

²³ Фурман, Д. Е., Каарияйнен, К. Религиозность в России ... — С. 79.

типа православие имеет лишь очень опосредованное отношение к религиозности. Оно может порождать установку и желание уверовать, но расстояние между ними и верой в действительности велико. Проправославный консенсус и практическая его контаминация с «русскостью» не тождественны религиозной вере, не ведут к принятию догматов православной церкви»²⁴.

С. Д. Лебедев считает, что среди факторов формирования «проправославного консенсуса» можно выделить снижение престижности атеизма в постсоветской России, а также образ православия как носителя традиционной национальной культуры: «Православное христианство и церковь видятся людьми как, прежде всего, привлекательный смыслообраз общенациональной, с сильным русско-этническим акцентом, идентичности»²⁵.

По мнению Д. А. Узланера, «проправославный консенсус» представлял собой специфический постатеистический феномен и в настоящее время теряет актуальность, поскольку православие становится скорее фактором конфликта, чем национального консенсуса²⁶.

А. С. Агаджанян описывает религиозную ситуацию в России в терминах «хрупкой секулярности» и отмечает «структурную диспропорцию между низким уровнем религиозной приверженности и высоким статусом публичной религии, интенсивно вовлеченной в мета-дебаты о национальной культуре, где идеи *симфонии* и тысячелетней преемственности функционируют не как институциональный принцип, а как идеологический симулякр»²⁷.

В. В. Локосов и Ю. Ю. Синелина, которые пишут о том, что в настоящее время потенциал экстенсивного роста религиозности уже исчерпан и наступает период интенсивного роста религиозности — воцерковления населения, считают

²⁴ Там же. — С. 78.

²⁵ Лебедев С. Д. Проправославный консенсус в России начала XXI века как феномен религиозной ситуации // Научный результат. Серия: Социология и управление. — 2015. — Т. 1. — № 1. С. 18.

²⁶ Узланер, Д. А. Конец «проправославного консенсуса»: религия как новый раскол российского общества // Новое литературное обозрение. — 2020. — № 3 (163) — С. 96—116.

²⁷ Agadjanian, A. From urban landscape to national culture: Russia's conspicuous religious simulacra and enduring, if fragile, secularity // Social Compass — 2021. — No. 1. — P. 11.

тем не менее, что «ссылки на социокультурные, этнические причины конфессиональной идентификации населения справедливы»²⁸. Необходимо отметить, что по результатам Локосова и Синелиной, религиозность в России влияет на культурную сферу, что они считают одной из причин отсутствия или слабого влияния воцерковленности на политическую и экономическую сферу жизни: «Процесс воцерковления ведет человека внутрь себя, выдвигая на первый план проблемы духовные и нравственные, которые постепенно вытесняют на второй план экономические и политические сюжеты. Видимо, в этом и кроется объяснение того феномена, что многие тенденции идущие в типологических группах по линии усиления, ... в группе “воцерковленные”, вдруг как бы “сламываются”, и группа “воцерковленные” демонстрирует более умеренные установки по экономическим и политическим вопросам и, напротив, дает очевидный “всплеск” на проблемах культурных, наиболее близко подходящих к сферам духовным и нравственным»²⁹.

Мы считаем вышеприведенные объяснения недостаточными. Эти объяснения основаны на том, что религиозные практики у православных россиян редки: при высоком уровне самоидентификации с православием лишь небольшая доля населения посещает религиозные службы, исповедуется и причащается, читает Евангелие и т.д. Однако даже когда показателем религиозности является не просто самоидентификация, а частота религиозных практик (посещения служб) или важность Бога в жизни человека, связь религиозности с ценностями и субъективными нормами также оказывается очень слабой или отсутствует. Возникает вопрос: почему даже в случае, когда религиозные практики присутствуют в жизни россиян, и когда они считают свою веру важной в своей жизни, это не отражается, по результатам массовых социологических опросов, на их субъективных нормах и ценностях? В диссертационной работе мы предлагаем

---

²⁸ Локосов, В. В., Синелина, Ю. Ю. Взаимосвязь религиозных и политических ориентаций православных россиян // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / под ред. М. П. Мчедлова. — М. : Институт социологии РАН, 2008. — С. 135—158.

²⁹ Там же. — С. 141.

альтернативное объяснение, в центре которого находится уровень ранней религиозной социализации в стране как социальный контекст, определяющий, будет ли связь религиозности с субъективными нормами и базовыми ценностями сильной либо слабой в том или ином обществе.

Социально-религиозный контекст как модератор связи религиозности с ценностями и нормами

В западной социологии религии получены противоречивые результаты относительно влияния религиозности на ценности, субъективные нормы и социальное поведение. К настоящему времени накоплено достаточно большое количество эмпирических свидетельств как значимых эффектов религиозности, так и отсутствия какого бы то ни было влияния религии на показатели, которые традиционно считаются следствиями религиозности человека. Это видно, например, из обзорных статей А. Норензаяна и А. Шарифа относительно связи альтруистического (просоциального) поведения и религиозности³⁰ и В. Сароглоу с соавторами о связи религиозности и базовых ценностей, измеряемых при помощи Портретного ценностного вопросника (PVQ) Ш. Шварца³¹ и т.д.

Остается открытым вопрос: почему по одним исследованиям религиозность оказывает существенное влияние на те или иные показатели, в то время как в других демонстрируется полное отсутствие какого бы то ни было влияния на те же самые показатели? Изучая влияние религиозности на правонарушения, Р. Старк отвечает на этот вопрос следующим образом: для того, чтобы объяснить это кажущееся противоречие результатов эмпирических исследований, необходимо отказаться от предпосылки, что религия — это в первую очередь индивидуальная характеристика, набор верований и практик индивидов, и заменить ее предпосылкой, что религия — это прежде всего социальный феномен³². Вместо

---

³⁰ *Norenzayan, A., Shariff, A. F.* The origin and evolution of religious prosociality // *Science*. — 2008. — Vol. 322. — No. 5898. — P. 58—62.

³¹ *Saroglou, V., Delpierre, V., Dernelle, R.* Values and religiosity : a Meta-analysis of studies using Schwartz's model // *Personality and Individual Differences*. — 2004. — Vol. 37. — No. 4. — P. 721—734.

³² *Stark, R.* Religion as context : Hellfire and delinquency one more time // *Sociology of Religion*. — 1996. — Vol. 57. — No. 2. — P. 164.

индивидуалистического объяснения логики связи религиозности и ее поведенческих следствий Старк предлагает рассматривать религиозность всех членов общества как социальный контекст, опосредующий влияние индивидуальной религиозности. Он утверждает и обосновывает при помощи результатов исследований, проведенных в США, что религия может способствовать соблюдению социальных норм «только если она поддерживается посредством социальных взаимодействий и принимается большинством как общезначимое основание для действия»³³.

Предложенный Старком подход реализуется в ряде исследований: К. Бейдер и Р. Финке подчеркивают важность религиозного социального контекста при исследовании связи индивидуальной религиозности и моральных убеждений³⁴, Э. Адамчик и К. Питт — при изучении связи религиозности и отношения к гомосексуализму³⁵, Э. Вербакель и Е. Ясперс — при изучении связи религиозности и отношения к эвтаназии³⁶, В. Ментус — при анализе связи религиозности с традиционными базовыми ценностями³⁷ и т.д.³⁸. В этих исследованиях используются более сложные методы анализа данных, в частности —

---

³³ Там же.

³⁴ *Bader, C. D., Finke, R.* What does God require? Understanding religious context and morality // *Handbook of the sociology of morality* / S. Hitlin, S. Vaisey (eds.). — New York : Springer, 2010. — P. 241—254.

³⁵ *Adamczyk, A., Pitt, C.* Shaping attitudes about homosexuality : The role of religion and cultural context // *Social Science Research*. — 2009. — Vol. 38. — No. 2. — P. 338—351.

³⁶ *Verbakel, E., Jaspers, E.* A Comparative study on permissiveness toward euthanasia : Religiosity, slippery slope, autonomy, and death with dignity // *Public Opinion Quarterly*. — 2010. — Vol. 74. — No. 1. — P. 109—139.

³⁷ *Ментус В.* Традиционная ценностная ориентация и религиозность — многоуровневый анализ в странах Европы // *Научный результат. Социология и управление*. — 2021. — Т. 7. — № 3. — С. 34—40.

³⁸ *Corcoran, K. E., Pettinicchio, D., Robbins, B.* Religion and the acceptability of white-collar crime : A cross-national analysis // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 2012. — Vol. 51. — No. 3. — P. 542—567 ; *Finke, R., Adamczyk, A.* Cross-national moral beliefs : The influence of national religious context // *The Sociological Quarterly*. — 2008. — Vol. 49. — No. 4. — P. 617—652 ; *Kelley, J., De Graaf, N. D.* National context, parental socialization, and religious belief : Results from 15 nations // *American Sociological Review*. — 1997. — Vol. 62. — No. 4. — P. 639—659 ; *Müller, T. S., De Graaf, N. D., Schmidt, P.* Which societies provide a strong religious socialization context? Explanations beyond the effects of national religiosity // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 2014. — Vol. 53. — No. 4. — P. 739—759 ; *Scheepers, P., Te Grotenhuis, M., Van Der Slik, F.* Education, religiosity and moral attitudes : Explaining cross-national effect differences // *Sociology of Religion*. — 2002. — Vol. 63. — No. 2. — P. 157—176.

многоуровневый регрессионный анализ. На уровне страны в модели в качестве предикторов (факторов, призванных объяснить наличие и/или предсказать появление того или иного феномена) включаются показатели религиозности населения в целом. Результаты этих исследований показывают, что религиозный контекст, действительно, играет важную роль.

Так, например, Р. Финке и Э. Адамчик³⁹ изучают связь религиозности и «моральных убеждений», различая подкрепленные санкциями государства, прописанными в законах (например, убеждения относительно допустимости получения взятки или сокрытия доходов, чтобы не платить налоги, о допустимости проезда на общественном транспорте без билета) и не подкрепленные такими санкциями (например, моральные убеждения относительно допустимости сексуальных отношений до брака, развода, аборта)⁴⁰, и проверяют гипотезу о влиянии религиозности населения как характеристики социального контекста. Они используют многоуровневый регрессионный анализ⁴¹ и данные Всемирного исследования ценностей (WVS) 1997 г., а также Международной программы социальных исследований (ISSP) 1998 г. На микроуровне показателями индивидуальной религиозности являются частота посещения религиозных служб и субъективная важность религии. На макроуровне они включают в модель те же показатели религиозности населения, агрегированные (обобщенные) на уровне страны в целом (при анализе данных Международной программы социальных исследований Финке и Адамчик строят индекс на основании двух указанных вопросов, а при анализе данных Всемирного исследования ценностей опираются только на один из них — важность религии в жизни респондента). Результаты анализа показали, что «связь между индивидуальными религиозными верованиями

---

³⁹ *Finke, R., Adamczyk, A. Cross-national moral beliefs ...*

⁴⁰ В настоящей работе схожие показатели мы концептуализируем при помощи понятия субъективных норм.

⁴¹ Многоуровневый регрессионный анализ позволяет проводить оценку влияния ряда различных факторов на определенную интересующую исследователя переменную, в данном случае — на моральные убеждения. Этот метод позволяет анализировать данные, имеющие иерархическую структуру (одновременно учитывать и ответы респондентов на вопросы анкеты в социологическом опросе, и характеристики социального контекста в стране проживания респондентов).

и традиционными моральными ценностями сильнее в странах с поддерживающим религиозным контекстом»⁴² (под «традиционными моральными ценностями» Финке и Адамчик подразумевают отношение к разводам, абортам, различным аспектам сексуальности). В то же время моральные убеждения относительно вопросов, сопровождающихся санкциями со стороны государства (убеждения относительно допустимости проезда на общественном транспорте без билета, получения взятки или сокрытия доходов, чтобы не платить налоги), значительно слабее связаны с индивидуальной религиозностью, а влияние религиозности на уровне социального контекста для этой группы убеждений не было обнаружено.

Гипотезу о том, что связь религиозности с субъективными нормами в секулярном социальном контексте — более слабая П. Шиперс, М. Те Гротенхойс и Ф. ван дер Слик называют «тезисом об искушении секулярностью» (“secular temptation thesis”)⁴³. Альтернативой этой гипотезе является предположение о том, что связь религиозности с нормами и ценностями должна быть сильнее в секулярном социальном контексте, поскольку религиозные люди в таком обществе постоянно ощущают отличие своих ценностей и норм от ценностей и норм остальной части населения, и должны их некоторым образом защищать, что приводит к формированию «моральных стен» вокруг религиозного сообщества⁴⁴, и необходимости постоянно актуализировать религиозные ценности⁴⁵. Эту гипотезу Шиперс и соавторы называют «тезисом о религиозной защите» (“religious defence thesis”).

Однако для объяснения слабой связи религиозности с ценностями и субъективными нормами в России описанный выше контекстный подход не работает, поскольку в России мы наблюдаем, с одной стороны, достаточно высокий уровень религиозности населения, если измерять его при помощи вопроса о

⁴² *Finke, R., Adamczyk, A.* Cross-national moral beliefs ... P. 635.

⁴³ *Scheepers, P., Te Grotenhuis, M., Van Der Slik, F.* Education, religiosity and moral attitudes ...

⁴⁴ *Woodrum, E., Davison, B. L.* Reexamination of religious influences on abortion attitudes // *Review of Religious Research*. — 1992. — Vol. 33. — No. 3. — P. 229—243.

⁴⁵ *Boehnke, K., Hadjar, A., Baier, D.* Parent-child value similarity : The role of Zeitgeist // *Journal of Marriage and Family*. — 2007. — Vol. 69. — No. 3. — P. 778—792.

важности религии, а с другой стороны — практически отсутствующую связь индивидуальной религиозности и ее ценностно-нормативных коррелятов. Кроме того, за последние 20-25 лет мы наблюдаем заметный рост религиозности в России, что, если следовать данной объяснительной логике, должно было привести к заметному увеличению силы связи религиозности с нормами и ценностями, однако такого усиления связи не произошло — она остается на очень низком уровне.

В целом, гипотеза о значении социального контекста, опосредующего влияние индивидуальной религиозности на субъективные нормы и ценности, те или иные социальные практики, является продуктивной, но конкретные формы ее операционализации, на наш взгляд, могут быть модифицированы и расширены. В настоящей работе мы показываем, что на страновом уровне целесообразно учитывать не только существующий на данный момент уровень религиозности населения, но и социальные процессы, связанные с межпоколенной передачей религиозности. В анализе социальных факторов, опосредующих связь индивидуальной религиозности с ценностями и субъективными нормами, мы, в первую очередь, обратимся к процессам религиозной социализации.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования является религиозное сознание населения России и других европейских стран.

Исследование охватывает большинство европейских стран (всего 46 стран): Австрию, Азербайджан, Албанию, Армению, Беларусь, Бельгию, Болгарию, Боснию и Герцеговину, Великобританию, Венгрию, Германию, Грецию, Грузию, Данию, Ирландию, Исландию, Испанию, Италию, Кипр, Косово, Латвию, Литву, Люксембург, Македонию, Мальту, Молдавию, Нидерланды, Норвегию, Польшу, Португалию, Россию, Румынию, Ирландию, Сербию, Словакию, Словению, Турцию, Украину, Финляндию, Францию, Хорватию, Черногорию, Чехию, Швейцарию, Швецию, Эстонию.

Предметом исследования является связь религиозности с базовыми ценностями и субъективными нормами относительно начала и окончания жизни.

Цель и задачи исследования

Цель диссертационного исследования состоит в описании и объяснении связи религиозности с ценностями и субъективными нормами относительно начала и окончания жизни, и выявлении социальных факторов, определяющих силу этих связей.

Для достижения указанной цели решаются следующие **задачи**:

1. Выявление и описание связи индивидуальной религиозности с субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни, в том числе — при контроле основных социально-демографических характеристик.
2. Объяснение межстрановых различий в силе связи религиозности и субъективных норм относительно вопросов начала и окончания жизни при помощи характеристик социально-религиозного контекста.
3. Выявление и описание связи индивидуальной религиозности с базовыми ценностями населения, в том числе — при контроле основных социально-демографических характеристик.
4. Объяснение межстрановых различий в силе связи религиозности с базовыми ценностями при помощи характеристик социально-религиозного контекста.

Теоретические и методологические основы диссертации

В исследовании применяется методика изучения базовых ценностей, разработанная Ш. Шварцем, многомерный подход к изучению религиозности.

В исследовании проводится многомерный статистический анализ результатов массовых социологических опросов с применением различных методов анализа социологических данных: линейного и многоуровневого регрессионного анализа, корреляционного анализа, анализа линейных распределений и таблиц сопряженности, применяются различные критерии проверки статистических гипотез и др. Модели строятся на основании данных Европейского исследования ценностей (EVS — European Values Study) 2008 г., Европейского социального исследования (ESS — European Social Survey) 2010 и

2012 г., всероссийского исследования Ортодокс Монитор 2012 г. Проводится сравнительный межстрановой анализ.

Научная новизна исследования

В целом высокий уровень религиозности связан с более консервативными, традиционными субъективными нормами и базовыми ценностями, однако наблюдаются существенные отличия по силе этой взаимосвязи в разных странах. До настоящего времени в качестве объяснений слабой или отсутствующей связи между религиозностью и ценностями в России и ряде других постсоциалистических стран (кроме Польши), в то время как в других обществах (прежде всего, западноевропейских и южноевропейских) эта связь сильна, предлагались различные подходы. Первый из них заключается в том, что характер религиозности в России и ряде других постсоциалистических стран отличается от характера религиозности в западных странах: самоидентификация с традиционным вероисповеданием отражает не столько уровень религиозности, сколько этническую идентичность⁴⁶. Второе объяснение связано с характеристиками социального контекста религиозности: только в том обществе, где религия важна для большинства населения и воспринимается как легитимное основание для действия, будет наблюдаться существенная связь индивидуальной религиозности с ценностями и нормами⁴⁷. Третье объяснение связано с влиянием представлений о Боге: только образ Бога как личности, при этом всемогущей и интересующейся происходящим с человеком, в отличие от образа Бога как абстрактного понятия, удаленного от мирских забот, может оказывать влияние на ценности и нормы⁴⁸. Четвертый подход к объяснению связан с «эффектом дна» и состоит в том, что в России и ряде других постсоциалистических стран ценности и нормы населения — в целом в высокой степени консервативны, и, следовательно, население более гомогенно, поэтому влияние любых факторов, включая религиозность, здесь будет

---

⁴⁶ Karpov, V., Lisovskaya, E., Barry, D. Ethnodoxy ...

⁴⁷ Finke, R., Adamczyk, A. Cross-national moral beliefs ... ; Stark, R. Religion as context ...

⁴⁸ Stark, R. Gods, rituals, and the moral order // Journal for the Scientific Study of Religion. — 2001. — Vol. 40. — No. 4. — P. 619—636.

более слабым⁴⁹. По разным причинам, каждое из этих объяснений оказывается недостаточным для обоснования слабой или отсутствующей связи религиозности с нормами и ценностями в России и ряде других постсоциалистических стран, в частности — по сравнению с западноевропейскими и южноевропейскими странами.

Новизна диссертационного исследования выражается в трех аспектах. Во-первых, мы дополняем эту научную дискуссию, внося в нее новое объяснение, выявляя существенную опосредующую роль первичной (т.е. полученной в детстве, примерно до 12-ти лет) религиозной социализации как контекста взаимосвязи индивидуальной религиозности с нормами и ценностями.

Во-вторых, обосновано, что воздействие религиозной социализации важно не только на уровне социального контекста, общества в целом, но и на индивидуальном уровне. В исследовании впервые выявлен эффект взаимодействия наличия первичной религиозной социализации и частоты посещения религиозных служб с точки зрения их влияния на субъективные нормы.

В-третьих, при анализе православной религиозности в России, впервые показан более сильный объяснительный потенциал показателя частоты исповеди и причастия при анализе влияния религиозности на ценностно-нормативное сознание, по сравнению с традиционно применяемым в исследованиях показателем частоты посещения религиозных служб.

Основные положения, выносимые на защиту

1. *Наблюдается существенная отрицательная взаимосвязь религиозности и субъективных норм относительно вопросов начала и окончания жизни*⁵⁰. В целом, чем выше уровень религиозности (несмотря на межстрановые и межконфессиональные различия), тем более традиционными являются

---

⁴⁹ Halman, L., Van Ingen, E. Secularization and changing moral views : European trends in church attendance and views on homosexuality, divorce, abortion, and euthanasia // European Sociological Review. — 2015. — Vol. 31. — No. 5. — P. 616—627.

⁵⁰ Отрицательная связь между переменными обозначает такое их отношение, при котором при росте одной переменной (религиозности) показатели второй (напр. одобрение аборт) уменьшаются.

субъективные нормы, и, соответственно, тем менее человек склонен оправдывать аборты, зачатие in-vitro, эвтаназию и самоубийство. Наиболее запрещающими субъективными нормами характеризуются мусульмане, наименее запрещающими — относящие себя к православию и респонденты без вероисповедания. Католики и протестанты немного более консервативны, чем православные и не относящее себя ни к какому вероисповеданию население европейских стран.

2. Существенная взаимосвязь индивидуальной религиозности с нормами и ценностями наблюдается в обществах, где присутствует социальный процесс, обеспечивающий передачу религиозных ценностей — первичная религиозная социализация. В социальном контексте, характеризующемся низким уровнем первичной религиозной социализации, связь религиозности с субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни, а также базовыми ценностями «Сохранения» и «Открытости изменениям» будет более слабой.

3. Первичная религиозная социализация в качестве фактора влияния на взаимосвязь религиозности с ценностями и субъективными нормами индивида взаимодействует с частотой посещения религиозных служб. Среди часто посещающих религиозные службы наличие первичной религиозной социализации оказывается связано с более строгими, запрещающими, субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни, по сравнению с теми, кто первичной религиозной социализации в церкви не проходил. Среди тех, кто на момент опроса религиозные службы не посещали — наоборот, наличие первичной религиозной социализации оказывается связано с более разрешающими субъективными нормами.

4. *Сила связи религиозности с субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни варьирует в зависимости от страны.* В ряде стран (в первую очередь — в западноевропейских и южноевропейских странах) связь довольно сильна, в то время как в других странах (в первую очередь — в России и других постсоциалистических странах, за исключением Польши) указанная связь оказывается значительно более слабой.

Межстрановые различия в силе связи религиозности с субъективными нормами в значительной мере объясняются характеристиками социального контекста, однако влияние общего уровня религиозности в стране как социального контекста, которое в предыдущих исследованиях рассматривалось как основная причина межстрановых различий, в настоящем исследовании не подтверждается.

Ключевой характеристикой социального контекста, объясняющей слабую, практически отсутствующую связь религиозности с субъективными нормами в России и ряде постсоциалистических стран, является низкий уровень первичной религиозной социализации в стране, в зависимости от которого изменяется угол наклона регрессионной прямой, отражающий силу связи индивидуальной религиозности с субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни.

5. *Наблюдается существенная взаимосвязь религиозности и базовых ценностей Сохранения и Открытости изменениям.* В целом, чем выше индивидуальная религиозность, тем более человек привержен ценностям безопасности, следования традициям, послушания, входящим в ценностный индекс Сохранения, и тем менее — ценностям новизны, риска, гедонизма, входящим в ценностный индекс «Открытости изменениям». Связь религиозности с базовыми ценностями Заботы о людях и природе, а также Самоутверждения, на полном массиве данных Европейского социального исследования не фиксируется.

6. *При более детальном внутривнутристрановом (по России) сравнении базовых ценностей воцерковленных православных (на основании исследования Ортодокс Монитор) и среднестатистических россиян (на основании Европейского социального исследования), наблюдаются очень существенные различия по всем базовым ценностям.* Воцерковленные православные россияне значительно более привержены ценностям Сохранения и Заботы о людях и природе и менее — ценностям Открытости изменениям и Самоутверждения.

7. В отечественном контексте частота исповеди и причастия, как показатель, обладает более сильным объяснительным потенциалом при анализе влияния религиозности на ценностно-нормативное сознание, чем частота

посещения религиозных служб. Было выявлено, что при контроле частоты посещения религиозных служб, регулярно причащающиеся православные россияне существенно отличаются по ключевым базовым ценностям. Это может объясняться тем, что частота исповеди и причастия более тесно связана с социальным механизмом вторичной (т.е. получаемой взрослыми) религиозной социализации, отвечающим за интернализацию определенных базовых ценностей под влиянием религиозности.

8. *В зависимости от уровня первичной религиозной социализации в стране изменяется сила связи религиозности с базовыми ценностями Сохранения и Открытости изменениям.* В странах с низким уровнем первичной религиозной социализации (куда вошли в основном постсоциалистические страны, кроме Польши) связь религиозности и базовых ценностей Сохранения и Открытости изменениям является более слабой, в то время как в группе стран с высоким уровнем первичной религиозной социализации (куда вошли в основном южноевропейские страны, а также Польша) связь — более сильная (в случае базовых ценностей Сохранения она положительная, Открытости изменениям — отрицательная). Чем выше уровень первичной религиозной социализации в стране, тем большее влияние религиозность оказывает на базовые ценности Сохранения и Открытости изменениям. Этот вывод подтверждает результаты, полученные нами при анализе причин межстрановых различий в силе связи религиозности и субъективных норм относительно начала и окончания жизни.

9. Таким образом, при изучении влияния религиозности на нормы и ценности необходимо принимать во внимание социальные процессы, посредством которых это влияние реализуется. В частности, при изменении уровня религиозности населения, мы должны ожидать существенные ценностно-нормативные сдвиги лишь в том поколении, которое проходит первичную социализацию в ситуации изменившегося места религии в общественной жизни.

Апробация результатов

Основные результаты диссертационного исследования апробировались на Международной конференции «Повестка дня в сравнительных социальных исследованиях» (г. Санкт-Петербург, 16-18 декабря 2010 г.), V научно-практической конференции, посвященной памяти первого декана факультета социологии НИУ-ВШЭ А.О. Крыштановского «Социологические методы в современной исследовательской практике» (г. Москва, 22 февраля 2011 г.), I рабочем семинаре ЛССИ НИУ-ВШЭ «Перспективы сравнительных исследований социальных ценностей и модернизации» (г. Санкт-Петербург, 24-27 апреля 2011 г.), V Конференции памяти Ю. Левады «Современное российское общество и социология» (г. Москва, 20 июня 2011 г.), Летней школе ЛССИ НИУ-ВШЭ «Методология проведения количественных сравнительных исследований: многоуровневые модели» (г. Пушкин, 22 августа - 2 сентября 2011 г.), I международной отчетной конференции ЛССИ НИУ ВШЭ «Сравнительная социология в количественной перспективе» (г. Москва, 25-28 ноября 2011 г.), XIII Апрельской Международной научной конференции «Модернизация экономики и общества» (г. Москва, 3-5 апреля 2012 г.), Летней школе ЛССИ НИУ-ВШЭ «Причинные модели и структурные уравнения» (г. Зеленогорск, 1-14 июля 2012 г.), IV Очередном всероссийском социологическом конгрессе «Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие» (г. Уфа, 23-25 октября 2012 г.), II ежегодной международной конференции ЛССИ НИУ ВШЭ «Социальные изменения в кросс-национальной перспективе» (г. Москва, 6-10 ноября 2012 г.), VII Конференции памяти Юрия Левады «Современное российское общество и социология» (г. Москва, 1 апреля 2013 г.), XIV Апрельской международной научной конференции «Модернизация экономики и общества» (г. Москва, 2-4 апреля 2013 г.), V Конференции Европейской ассоциации социальных исследований (ESRA) (г. Любляна, Словения, 15-19 июля 2013 г.), Третьей ежегодной международной исследовательской конференции ЛССИ НИУ-ВШЭ (г. Москва, 12-17 ноября 2013 г.), XXII Скандинавской конференции по социологии религии (The 22nd Nordic Conference for Sociology of Religion) (г. Копенгаген,

Дания, 20-22 августа 2014), Четвертой международной научной конференции «Социология религии в обществе Позднего Модерна» (г. Белгород, 12 сентября 2014).

Теоретическая и практическая значимость исследования

Теоретическая значимость исследования заключается в найденном объяснении межстрановых различий в силе связи религиозности с субъективными нормами и ценностями. В работе показано, что объяснения межстрановых различий, предлагавшиеся ранее и основанные на религиозном социальном контексте, не согласуются с выводами, полученными на представительных данных Европейского исследования ценностей. Тем не менее, гипотеза о социальном контексте как факторе, объясняющем указанную связь, является продуктивной при внесении определенных модификаций. Так, показателем социального контекста, определяющим силу связи религиозности с ценностями и субъективными нормами, является уровень первичной религиозной социализации в стране.

Полученный результат имеет значимые следствия для построения прогнозов изменения ценностно-нормативных показателей в связи с усилением или ослаблением роли религии в обществе.

Результаты исследования могут использоваться при разработке социальной политики, направленной на решение социальных и демографических проблем в обществе с опорой на конфессиональный ресурс, а также могут применяться при разработке учебных программ по религиоведению.

Структура и объем работы

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка литературы, насчитывающего 220 источников. Общий объем работы — 220 страниц (10 а.л.).

Глава 1. Основные понятия и их операционализация

Перед тем, как перейти к анализу связи религиозности с базовыми ценностями и субъективными нормами, необходимо прояснить содержание каждого из используемых понятий.

1.1. Понятие индивидуальной религиозности и многомерный подход к его операционализации

Мы восстанавливаем основные этапы развития количественных подходов к изучению индивидуальной и страновой религиозности, где особенно остро стояла проблема операционализации данного понятия, а затем на примере четырех современных международных сравнительных исследований подробнее рассматриваем, каким образом это отразилось на используемых на практике способах операционализации понятия «религиозность».

Помимо международных сравнительных исследований, на которых мы фокусируем внимание, существует большое число внутрискановых исследований, выполненных в рамках социологии религии как в России (где, например, наряду с понятием религиозности важным оказывается понятие воцерковленности), так и за рубежом.

Необходимо отметить, что в социологии тема религии и религиозности появляется очень рано, в частности — в работах классиков социологии — Э. Дюркгейма⁵¹, М. Вебера⁵². Так, Дюркгейм определяет религию через различение сакрального / профанного (священного и светского), и именно деление мира на эти две категории, а не наличие божества или сверхъестественного является основным

⁵¹ Дюркгейм, Э. Самоубийство : Социологический этюд / пер. с фр. с сокр. ; под ред. В. А. Базарова. — М. : Мысль, 1994. — 400 с. ; Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / пер. с англ., нем., фр. ; сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. — М. : Канон+, 1998. — С. 174—231 ; *Durkheim, E. The Elementary forms of the religious life.* — London : George Allen and Unwin Ltd, 1964. — 476 p.

⁵² Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения / пер. с нем. ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. — М. : Прогресс, 1990. — С. 44—272 ; Вебер, М. Протестантские секты и дух капитализма // Избранные произведения / пер. с нем. ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. — М. : Прогресс, 1990. — С. 273—306.

объединяющим все религии свойством. Основная функция религии — формирование солидарности, сплоченности, социальная интеграция. Религия, по Дюркгейму, состоит из верований и ритуалов, кроме того, чтобы отличить религию от магии, Дюркгейм пишет о Церкви как необходимом ее признаке: «Религия — это единая система верований и действий, относящихся к священным, т.е. к отделенным, запрещенным, вещам; верований и действий, объединяющих в одну нравственную общину, называемую Церковью, всех тех, кто им привержен»⁵³.

После этого появляется множество подходов определению понятия религии и религиозности. Д. Поллак систематизирует их следующим образом⁵⁴: философский метод (формирование понятия происходит априорно, аналитически, не эмпирически), субстанциональный метод (задается предмет референции религии), герменевтические подходы и методы объяснения. Методы объяснения включают: историко-филологический метод (рассматривающий религию как исторический объект), контекстуальный метод (подчеркивающий важность социального и исторического контекста), многомерный подход (основанный на предпосылке о существовании ряда измерений, общих для всех религий), генетический метод (объясняющий специфику религии исходя из её социальных или психических причин), а также функциональный метод (определение религии указывает на проблему, которая решается с ее помощью, указываются выполняемые религией функции). В настоящее время существуют подходы, стремящиеся объединить преимущества нескольких методов (в частности — функционального и субстанционального), например — подход Д. Поллака, который вводит определение религии на основании пересечения осей трансцендентности-имманентности и консистентности-контингентности⁵⁵. Определений религии существует так много⁵⁶, что ряд религиоведов и социологов

⁵³ Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни. — С. 230—231.

⁵⁴ Pollack, D. Säkularisierung — ein moderner Mythos? Studien zum religiösen Wandel in Deutschland. — Tübingen : Mohr Siebeck, 2003. — S. 28—56.

⁵⁵ Там же. — S. 52.

⁵⁶ 750 определений религии: история символизаций и интерпретации: монография / под ред. Е. И. Аринина. — Владимир : Изд-во ВлГУ, 2014.

даже предлагают вовсе отказаться от точного и универсального определения религии и религиозности из-за их расплывчатости и/или неспособности охватить все релевантные явления⁵⁷.

Понятие религиозности может быть операционализировано на нескольких уровнях. Б. Тернер предлагает рассматривать социальную реальность на трех уровнях (микро-, мезо- и макро-уровень)⁵⁸. Религиозность также существует на этих трех уровнях. Таким образом, религиозность может операционализироваться на уровне страны (макроуровень), прихода, конгрегации, религиозной общины (мезоуровень) и на уровне индивида (микроуровень). В настоящей работе религиозность операционализируется на уровне индивида и на уровне страны.

Индивидуальная религиозность рассматривается как латентная характеристика, измеряемая с помощью определенной шкалы либо нескольких шкал. Рассматриваемые в данной работе шкалы чаще всего разрабатывались и тестировались в рамках опросов протестантов либо в опросах с участием представителей разных конфессий (как, например, показатели, используемые в крупных международных исследованиях). Здесь кроется одна из основных проблем измерения религиозности и создания унифицированных показателей, которая заключается в том, что некоторые проявления религиозности, такие как посещение служб, молитва, чтение Библии и т.п., хорошо работают для христианства, а для измерения религиозности представителей некоторых других вероисповеданий могут быть неприменимы. В международных исследованиях, когда социолог имеет дело со множеством различных конфессий, приходится использовать максимально унифицированные показатели, имеющие смысл в контексте большинства вероисповеданий, что ограничивает их информационную ценность. Данная проблема пока еще не была успешно решена и, видимо, не может быть до конца

---

⁵⁷ *Смирнов, М. Ю.* Возможно ли отказаться от концепта религиозности при исследовании религии? // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2015. — Т. 16. — Вып. 2. — С. 145—153 ; *McKinnon, A.* Sociological definitions, language games, and the “essence” of religion // *Method and Theory in the Study of Religion*. — 2002. — Vol. 14. — No. 1. — P. 61—83 ; *Pollack, D.* Säkularisierung — ein moderner Mythos... — S. 28—30 ; *Saler, B.* Conceptualizing religion : Some recent reflections // *Religion*. — 2008. — Vol. 38. — No. 3. — P. 219—225.

⁵⁸ *Turner, J. H.* Theoretical principles of sociology. — New York : Springer, 2010. — 369 p.

решена в рамках количественных исследований религии и религиозности, хотя попытки решить ее, хотя бы частично, предпринимаются (например, задаются вопросы не только о Библии, но и о Коране и т.д.). Одним из наиболее универсальных вопросов, который имеет смысл для большинства религий, считается вопрос о том, насколько важна религия, или (чуть менее универсальный вопрос) насколько важен Бог в жизни респондента.

Ограничением исследований религиозности является также тот факт, что, даже подобрав подходящие с точки зрения теории индикаторы для интересующего нас понятия, мы сталкиваемся с проблемой их непосредственного измерения и вынуждены основываться лишь на сообщаемых респондентом убеждениях, аттитюдах, формах поведения, которые могут не соответствовать реальным (при этом сам респондент может этого не осознавать). Несмотря на указанные ограничения, существует сильная традиция количественного изучения индивидуальной религиозности.

С методической точки зрения для использования в эмпирических исследованиях понятие религиозности начинает активно прорабатываться в середине 20-го века. В это время развивается идея многомерности данного явления, что совпадает также с развитием математических методов анализа данных (факторный, кластерный анализ и др.), позволяющих работать с многомерными концептами, и появлением технических средств для реализации подобных расчетов. В нашей работе мы будем основываться на многомерном подходе к операционализации понятия религиозности, поэтому далее мы рассмотрим его более подробно.

Основания для представления о том, как нужно изучать религиозность в количественных эмпирических социологических исследованиях, были заложены в 60-е и 70-е годы XX века. Основная обсуждавшаяся в этот период идея состояла в том, что религиозность— это понятие многомерное. На страницах журналов, в книгах и на конференциях в это время активно обсуждается вопрос о том, сколько измерений (осей) необходимо выделять внутри понятия религиозности, чтобы адекватно оценить его в эмпирических исследованиях. По-видимому, это было

связано и с бурным развитием и популяризацией многомерных методов анализа данных, в частности — факторного и кластерного анализа, а также с развитием компьютерных технологий, позволивших быстро осуществлять эти вычисления на практике.

Такого рода исследования в основном осуществлялись на стыке двух дисциплин — психологии и социологии. Рассмотрим основные этапы развития многомерного подхода к изучению религии.

1.1.1. Теоретические основы многомерного подхода к феномену религиозности — пять измерений религиозности Ч. Глока

Операционализация понятия религиозность в рамках многомерного подхода обычно основывалась на том, что религии задают набор требований к человеку, которым необходимо соответствовать: иметь определенные верования, знать определенные тексты, осуществлять определенные практики и т.д.

Одним из основных авторов, на которых ссылаются как на основоположников многомерного подхода к изучению религиозности, является Ч. Глок. В статье 1962 года⁵⁹ он выделяет следующие пять измерений, которые, по его мнению, позволяют описать религию во всей ее полноте:

- 1) измерение религиозного опыта (*experiential dimension*): субъективный эмоциональный религиозный опыт, отражающий личную религиозность;
- 2) ритуалистическое измерение (*ritualistic dimension*): участие в религиозных практиках, действиях, ритуалах, например — посещение религиозных служб;
- 3) идеологическое измерение (*ideological dimension*): принятие некоторой системы верований;
- 4) интеллектуальное измерение (*intellectual dimension*): знания о вере, информированность;

---

⁵⁹ *Glock, Ch. Y. On the study of religious commitment // Religious Education. — 1962. — Vol. 57. — Sup. 4. — P. 98—110.*

5) измерение следствий (*consequential dimension*): следствия, результаты, влияние предыдущих четырех проявлений религиозности на ценности и поведение вне религиозного контекста.

Хотя вопросы измерения религиозности рассматривались и другими авторами, именно указанная статья Ч. Глока послужила катализатором для развития активной дискуссии, продолжавшейся несколько десятилетий, относительно набора показателей, позволяющих максимально полно измерить индивидуальную религиозность.

Существует также более ранняя работа Ч. Глока «Религиозное возрождение в Америке»⁶⁰, в которой он представлял религиозность как четырехмерное понятие (там не выделялось интеллектуальное измерение).

Введение следствий в состав основных измерений религиозности вызвало значительную критику, и впоследствии обычно не использовалось в составе операциональных определений религиозности, выступая в качестве зависимой переменной (т.е. характеристики, испытывающей на себе влияние религиозности).

1.1.2. Первые попытки эмпирического анализа религиозности как многомерного понятия

В начале 1960-х годов появляется несколько эмпирически ориентированных работ, в которых религиозность рассматривается как многомерное явление. Мы рассмотрим одну из статей такого рода, написанную Ё. Фукуямой, хотя в том же направлении работали и другие авторы, например, Г. Ленски⁶¹.

Опираясь на идеи, высказанные Ч. Глоком в 1959 году, Ё. Фукуяма в 1961 году в статье «Основные измерения членства в Церкви» предлагает собственную модификацию подхода к составляющим религиозности как многомерного феномена: «Религия — это явление, которое может быть описано в терминах как минимум четырех основных измерений: когнитивного, культового (*cultic*), убеждений (*creedal*) и благочестия (*devotional*); эти измерения представляют

⁶⁰ *Glock, Ch. Y. The religious revival in America? // Religion and the face of America / J. C. Zahn (ed.). — Berkeley : University of California Press, 1959. — P. 25—42.*

⁶¹ *Lenski, G. E. The religious factor : A sociological study of religion's impact on politics, economics, and family life. — New York : Doubleday & Co, 1961. — 381 p.*

отличительные типы (styles) религиозной ориентации»⁶². Указанная статья Ё. Фукуямы отличается тем, что в ней выделенные измерения реально используются в эмпирическом анализе религиозности как многомерного явления. Работа строится на основе анализа данных 4095 анкет, заполненных членами двенадцати конгрегационалистских христианских церквей в США (год проведения и название исследования в статье не указаны).

Когнитивное измерение (знания о религии) — это основное дополнение Ё. Фукуямы к системе, предложенной Ч. Глоком в 1959 г., которое последний затем (в статье 1962 года) перенял и назвал «интеллектуальным измерением». Культовое измерение Ё. Фукуямы соответствует ритуалистическому Ч. Глока, убеждения являются эквивалентом идеологического измерения Ч. Глока, благочестие — аналог религиозного опыта.

Ё. Фукуяма отказывается от измерения внерелигиозных ценностных и поведенческих следствий как компонента религиозности: «Данная концептуализация религиозной ориентации не включает то, что Глок называет измерением “следствий”, то, что люди делают в результате своих религиозных верований, чувств и практик. Это означает не то, что следствия религии не имеют отношения к делу, а скорее то, что они не входят в состав основных компонентов религиозности сами по себе»⁶³.

1.1.3. Построение шкал религиозности как многомерного явления

Рассмотрим две ключевые работы, заложившие основу эмпирического анализа и оценки религиозности как многомерного явления, вышедшие во второй половине 60-х годов и послужившие главным ориентиром для ученых, работавших в данном направлении впоследствии.

Прорывом в области эмпирического анализа религиозности как многомерного явления стала опубликованная в 1966 г. статья Дж. Фолкнера и Г. де

---

⁶² *Fukuyama, Y.* The major dimensions of church membership // *Review of Religious Research*. — 1961. — Vol. 2. — No. 4. — P. 155.

⁶³ Там же. — P. 156.

Йонга «Религиозность в пяти измерениях: эмпирический анализ»⁶⁴. Опираясь на теоретические построения Ч. Глока (авторы ссылаются на статью 1962 г.), Дж. Фолкнер и Г. де Йонг строят шкалы для каждого предложенного измерения при помощи шкалограммного анализа⁶⁵ Гуттмана⁶⁶.

Шкалы были протестированы авторами на 362 слушателях курса по социологии в Университете штата Пенсильвания (The Pennsylvania State University) в 1964 г. В результате в состав каждой из шкал вошли от 4 до 5 высказываний. Ответы на вопросы приводились к дихотомическому виду (соответствует / не соответствует религиозной традиции). Дж. Фолкнер и Г. де Йонг обосновывают использование континуума «традиционное-нетрадиционное» следующим образом: «Проблема, возникающая при разработке показателей религиозности, в первую очередь — это проведение черты между тем, что считается более религиозным и менее религиозным. ... Необходимо выделить скрытый континуум, вдоль которого можно упорядочить индивидуальные ответы. ... Преимущество измерения религиозности на континууме традиционное-нетрадиционное состоит в заметной общности представлений католического, иудейского и основных ветвей протестантского вероисповеданий относительно наиболее общих религиозных вопросов. Это, конечно, не относится к вопросам более частного уровня»⁶⁷.

Дж. Фолкнер и Г. де Йонг проанализировали связь между пятью полученными шкалами, используя коэффициенты корреляции. В результате анализа авторы приходят к выводу, что все полученные шкалы имеют значимую линейную связь друг с другом (коэффициенты корреляции каждой шкалы с каждой шкалой изменяются в пределах от 0,36 до 0,58), наиболее высокую связь с другими

---

⁶⁴ *Faulkner, J. E., De Jong, G. F. Religiosity in 5-D : An empirical analysis // Social Forces. — 1966. — Vol. 45. — No. 2. — P. 246—254.*

⁶⁵ Данный метод построения шкал принадлежит к тестовой традиции измерения в социологии и основан на идее о том, что в случае существования латентной переменной, определяющей ответы на некоторый упорядоченный набор дихотомических вопросов, по ее значению можно с минимальным количеством ошибок восстановить ответы на все исходные вопросы.

⁶⁶ *Гуттман, Л. Основные компоненты шкального анализа // Математические методы в современной буржуазной социологии : сборник статей / общ. ред. Г.В. Осипова. — М. : Прогресс, 1966. — С. 288—343.*

⁶⁷ *Faulkner, J. E., De Jong, G. F. Religiosity in 5-D ... — P. 247.*

шкалами имеет идеологическая шкала, наиболее независимой оказывается шкала следствий.

В 1968 г. выходит книга Ч. Глока и Р. Старка⁶⁸, в которой разрабатывается методика эмпирической оценки религиозности по пяти измерениям, предложенным ранее Ч. Глоком. Авторы строят семь индексов для оценки четырех измерений религиозности и отказываются от пятого — «шкалы следствий». Пятое измерение по своей природе отличается от первых четырех, и авторы опускают его, поскольку «не до конца ясно, в какой степени религиозные последствия являются частью религиозной приверженности или же просто *следуют из нее*»⁶⁹. Одним из интересных результатов данного исследования был вывод об относительной независимости четырех измерений религиозности, хотя корреляции⁷⁰ были практически такими же, как и полученные Дж. Фолкнером и Г. де Йонгом (максимальные значения коэффициентов корреляции между измерениями колебались в зависимости от деноминации в пределах 0,5-0,57, в среднем составляли 0,2-0,27). Для авторов было важно показать, что, несмотря на наличие статистически значимых связей, по одному из измерений невозможно с достаточной точностью предсказать значения всех остальных показателей, и что важны все априорно введенные ими измерения религиозности. Они пишут: «...уровень независимости между измерениями религиозной вовлеченности является более чем достаточным подтверждением наших исходных аналитических различий. Конечно, никогда не предполагалось, что они не будут связаны, но лишь что они могут в значительной степени изменяться независимо, что они в действительности и делают. Таким образом, эмпирические данные заставляют нас рассматривать измерения религиозной вовлеченности как связанные, но различные проявления религиозности (piety)»⁷¹.

⁶⁸ Stark, R., Glock, Ch. Y. American piety : The nature of religious commitment. — Berkeley : University of California Press, 1968. — 250 p.

⁶⁹ Там же. — P. 16.

⁷⁰ Помимо коэффициентов корреляции авторы ссылаются также на неопубликованные результаты факторного анализа, показавшего исходно предполагающуюся структуру — в данном случае уже ортогональных, т.е. полностью независимых — измерений религиозности.

⁷¹ Stark, R., Glock, Ch. Y. American piety ... — P. 181.

В дополнение к основным измерениям религиозности Ч. Глок и Р. Старк рассматривают еще два дополнительных показателя, характеризующих вовлеченность в религиозную общину: дружбу внутри конгрегации (*congregational friendships*) и участие в деятельности религиозных организаций (*communal involvement*). Здесь Глок и Старк апеллируют к идеалам построения церкви по примеру первых христианских общин, говоря социологическим языком — как «первичной группы», однако авторы не включают эти показатели в состав измерителей концепта религиозности, поскольку «давно было признано, что эти идеалы часто, а возможно и в большинстве случаев (типично), не осуществляются на практике ни на уровне церквей, ни на уровне членов церкви»⁷².

1.1.4. Дискуссия о количестве измерений религиозности

С конца 60-х, а особенно активно — в начале 70-х годов на страницах журналов и на конференциях разворачивается дискуссия психологов и социологов, занимающихся темой индивидуальной религиозности, о том, какое количество измерений необходимо для адекватной операционализации этой латентной переменной. При этом выдвигаются разнонаправленные предложения: во-первых, в сторону уменьшения количества измерений, вплоть до утверждения, что религиозность — это одномерное явление, во-вторых, — наоборот, в пользу введения новых, дополнительных измерений религиозности.

В 1969 г. Й. Фихтер публикует статью «Социологическое измерение религиозности», где он выделяет несколько проблем, с которыми связано конструирование измеряющего религиозность инструментария, в частности — невозможность создания универсального измерительного инструмента для разных вероисповеданий, а также невозможность нахождения не изменяющихся со временем параметров⁷³.

Фихтер критикует шкалу следствий, предложенную Глоком, не только за то, что она с трудом операционализируется, но и потому, что она «логически

---

⁷² Там же. — Р. 164.

⁷³ *Fichter, J. H. Sociological measurement of religiosity // Review of Religious Research. — 1969. — Vol. 10. — No. 3. — P. 171.*

избыточна»: «Независимо от того, трудно или легко операционализируемо измерение следствий (*consequential dimension*), оно логически избыточно. Все, что измеряемо в категории религиозного поведения, является проявлением, выражением либо следствием религиозности. ... Вера, отношение и поведение христианина могут быть проявлены и измерены, поскольку являются следствием того, что он является христианином»⁷⁴.

Также Фихтер акцентирует необходимость включения в понятие религиозности социальной составляющей — «общности» (*communion*): «Измерение социальной общности (*communion*) ... означает, что религиозные люди, которых мы изучаем, в некотором смысле являются членами религиозной группы, вероисповедания или церкви. ... Одна из мер религиозного поведения обязательно должна отражать степень церковной вовлеченности в смысле социальных отношений с людьми, принадлежащими к той же религиозной группе»⁷⁵.

Можно выделить два способа включения социальной составляющей в качестве показателя индивидуальной религиозности, используемые в практике количественных эмпирических исследований в настоящее время. Во-первых, это рассмотрение участия в делах религиозной общины наравне с участием в деятельности других добровольческих организаций, во-вторых — рассмотрение с точки зрения включенности в социальные сети на приходе или в рамках конгрегации. Так, например, Р. Патнэм и Ч. Лим показывают, с использованием результатов «Общего социального исследования» (*General Social Survey*) в США, что оценка уровня субъективного благополучия зависит от частоты посещения религиозных служб, поскольку последний показатель заметно повышает число друзей на приходе / внутри конгрегации⁷⁶.

Необходимо отметить, что, хотя социальная составляющая индивидуальной религиозности довольно редко рассматривалась исследователями, существует

---

⁷⁴ Там же. — Р. 172.

⁷⁵ Там же. — Р. 173.

⁷⁶ *Lim, Ch., Putnam, R. D. Religion, social networks, and life satisfaction // American Sociological Review. — 2010. — Vol. 75. — No. 6. — P. 914—933.*

заметное направление в социологии религии, направленное на изучение различных форм организации религиозной жизни на уровне приходов, конгрегаций и т.п. В наибольшей степени подобные исследования развиты в США, где это направление получило название «исследования конгрегаций»⁷⁷.

Дискуссия относительно базовых измерений религиозности в 60-70е гг. развивалась в нескольких направлениях. Некоторые исследователи производили попытки уменьшить количество измерений, которые необходимо учитывать, чтобы составить достаточно хорошо отражающий религиозность показатель. Для этого они применяли статистические процедуры, в частности — коэффициенты корреляции между шкалами или факторный анализ, позволяющий выделить меньшее количество осей. Многие работы такого рода строятся исходя из логики конструирования шкал религиозности, предложенной Фолкнером и де Йонгом, а также ссылаются на работу Глока и Старка 1968 г. и измерения религиозности Глока. Так, например, в статье 1970 г. Дж. Гиббс и К. Крейдер⁷⁸ констатируют наличие высоких корреляций между шкалами, построенными в логике Фолкнера и де Йонга на другом массиве данных с использованием несколько иных исходных показателей, в большей степени, по мнению авторов, согласующихся с построениями Глока и Старка. Клейтон и Глэйден⁷⁹, анализируя при помощи факторного анализа результаты двух исследований (анкетирование студентов, пять шкал Глока, 23 исходных вопроса), приходят к выводу об одномерности религиозности, поскольку идеологическое измерение объясняет около 80% дисперсии. Строго говоря, выделяемая при помощи факторного анализа единственная ось не является идеологической полностью в том смысле, в каком ее выделяют Глок и Старк, поскольку включает в себя 13-14 вопросов из 23 исходных и включает в себя вопросы из всех исходных шкал, кроме шкалы следствий, однако

---

⁷⁷ *Chaves, M. Congregations in America.* — Cambridge, MA : Harvard University Press, 2004. — 304 p.

⁷⁸ *Gibbs, J. O., Crader, K. W. A Criticism of two recent attempts to scale Glock and Stark's dimensions of religiosity : A research note // Sociological Analysis.* — 1970. — Vol. — No. — P. 107—114.

⁷⁹ *Clayton, R. R., Gladden, J. W. The five dimensions of religiosity : Toward demythologizing a sacred artifact // Journal for the Scientific Study of Religion.* — 1974. — Vol. 13. — No. 2. — P. 137—139.

авторы находят возможным определить полученную ось именно как идеологическую.

На основании тех же процедур другие авторы, наоборот, вводят новые измерения религиозности. Так, например, М. Кинг, используя кластерный и факторный анализ, приходит к выводу о существовании девяти (1967 г.) и более (в последующих статьях) измерений «религиозной переменной» (первая работа выходит в свет в 1967 г.⁸⁰, а затем, в течение нескольких последующих лет выходят статьи в соавторстве с психологом Р. Хантом, дополняющие анализ и развивающие идеи, высказанные в статье 67-го года⁸¹). М. Кинг и Р. Хант тестируют свои шкалы уже не на студентах, а проводят анализ на общенациональной выборке⁸² и делают вывод о применимости построенных шкал к протестантам в США и Канаде. Что касается других вероисповеданий и других стран, авторы упоминают о необходимости дополнительной проверки характеристик полученных шкал.

В целом, логика такого рода работ, где производится попытка поиска шкал религиозности, приблизительно одинакова и состоит из нескольких последовательных шагов:

1) отбор большого количества (в отдельных работах их число доходит до нескольких сотен) индикаторов (взятых из предшествующих исследований либо введенных самим автором), отвечающих некоторому набору предполагаемых измерений религиозности;

2) проведение исследования, в котором по отобранному набору индикаторов респонденты дают ответы в разных форматах (выбор одного из вариантов ответа, согласие / несогласие, оценка по 5-балльной шкале);

---

⁸⁰ *King, M. B.* Measuring the religious variable : Nine proposed dimensions // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 1967. — Vol. 6. — No. 2. — P. 173—190.

⁸¹ *King, M. B., Hunt, R. A.* Measuring the religious variable : Amended findings // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 1969. — Vol. 8. — No. 2. — P. 321—323 ; *King, M. B., Hunt, R. A.* Measuring the religious variable : National replication // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 1975. — Vol. 14. — No. 1. — P. 13—22 ; *King, M. B., Hunt, R. A.* Measuring the religious variable : Replication // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 1972. — Vol. 11. — No. 3. — P. 240—251.

⁸² В 1975 году М. Кинг и Р. Хант проводят анализ данных, собранных в ходе «Пресвитерианской панели» (США, 1973 г.).

3) в случае необходимости — перекодировка ответов респондентов в дихотомический вид (например, традиционный / нетрадиционный ответ);

4) проведение факторного анализа и / или кластерного анализа по всем переменным;

5) описание полученных измерений религиозности, часть из которых обычно совпадает с результатами предшествующих «классических» работ, а другая часть — не совпадает: либо предполагавшиеся оси не находятся, либо находятся новые оси.

1.1.5. «Внешняя» и «внутренняя» религиозная ориентация, религиозность как «поиск»

Различение внутренней (intrinsic) и внешней (extrinsic) религиозной ориентации, широко применяемое в психологии религии, было введено Г. Олпортом и М. Россом⁸³. Оно исходно задумывалось как два полюса одной шкалы, однако эмпирические исследования показали, что значимой корреляция между этими двумя религиозными ориентациями нет, поэтому они стали рассматриваться как два независимых измерения, или оси религиозности. Кратко, смысл внутренней религиозной ориентации — это религия как цель, внешней — религия как средство. Внешне ориентированный человек использует религию как средство для достижения каких-либо внерелигиозных целей, например: более высокий статус, общение, безопасность, получение поддержки и т.д., в то время как для внутренне ориентированного человека религия — это ценность сама по себе, она является целью самой себя, это способ существования данного человека. Результаты эмпирических исследований показали, что эти ориентации не являются взаимоисключающими, они могут присутствовать (быть значительно выраженными) или отсутствовать (быть слабо выраженными) одновременно.

Более поздние исследования показали, что внешняя религиозная ориентация также может быть разделена на два основных типа: персональная внешняя религиозная ориентация, когда религия рассматривается как источник утешения в

---

⁸³ Allport, G. W., Ross, M., J. Personal religious orientation and prejudice // Journal of Personality and Social Psychology. — 1967. — Vol. 5. — No. 4. — P. 432—443.

скорбях и страдании и социальная внешняя религиозная ориентация, когда религия становится источником социальных связей, социального капитала, позволяет человеку находиться в кругу единомышленников, чувствовать принадлежность к общине⁸⁴.

Отталкиваясь от различения «религия как цель / религия как средство», Д. Батсон в 1976 г., анализируя связь разных форм религиозности с про-социальным (альтруистическим, помогающим) поведением⁸⁵, добавляет к этим двум ориентациям (цель и средство) третью — религия как поиск, и показывает, что она также представляет собой независимое измерение религиозности. Религиозность как поиск предполагает рассмотрение экзистенциальных вопросов во всей их сложности: «Индивид, который подходит к религии таким образом, осознает, что он или она не знает и, вероятно, никогда не узнает конечную истину в такого рода вопросах. В то же время эти вопросы рассматриваются как важные, и проводится поиск предварительных, предположительных ответов»⁸⁶. Существуют две версии шкалы: исходная, состоящая из 6 высказываний, и более поздняя — улучшенная, состоящая из 12 высказываний (предложенная в 1991 г.). Высказывания отражают три аспекта, определяющих такую религиозную ориентацию⁸⁷:

---

⁸⁴ *Cohen, A. B., et. al.* Social versus individual motivation : implications for normative definitions of religious orientation // *Personality and Social Psychology Review*. — 2005. — Vol. 9. — No. 1. — P. 48—61 ; *Genia, V.* A psychometric evaluation of the Allport-Ross I/E scales in a religiously heterogeneous sample // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 1993. — Vol. 32. — No. 3. — P. 294—290 ; *Gorsuch, R. L., McPherson, S. E.* Intrinsic/extrinsic measurement : I/E-Revised and single-item scales // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 1989. — Vol. 28. — No. 3. — P. 348—354 ; *Kirkpatrick, L. A., Hood, R. W.* Intrinsic-extrinsic religious orientation : The boon or bane of contemporary psychology of religion? // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1990. — Vol. 29. — No. 4. — P. 442—462 ; *Leong, F. T. L., Zachar, P.* An evaluation of Allport's religious orientation scale across one Australian and two United States samples // *Educational and Psychological Measurement*. — 1990. — Vol. 50. — No. 2. — P. 359—368.

⁸⁵ *Batson, C. D.* Religion as prosocial : Agent or double agent? // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 1976. — Vol. 15. — No. 1. — P. 29—45.

⁸⁶ *Batson, C. D., Schoenrade, P. A.* Measuring religion as Quest : 1) Validity concerns // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 1991. — Vol. 30. — No. 4. — P. 417.

⁸⁷ *Batson, C. D., Schoenrade, P. A.* Measuring religion as Quest : 2) Reliability concerns // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 1991. — Vol. 30. — No. 4. — P. 431.

- 1) готовность ставить экзистенциальные вопросы без снижения их сложности;
- 2) самокритичность и отношение к религиозным сомнениям как к чему-то позитивному;
- 3) открытость изменениям.

Исследования показали, что это измерение образует независимую шкалу, однако критики сомневались, что эта шкала измеряет собственно религиозность.

Хотя данная линия развития операционализации понятия религиозности представляет собой очень существенную традицию в психологии религии, она практически не оказала влияния на способы операционализации религиозности в международных сравнительных количественных исследованиях религии, оставаясь практически полностью в рамках психологии религии.

1.1.6. «Центральность» религиозности

Наиболее современным вариантом инструментария, основанного на многомерном подходе к индивидуальной религиозности, является шкала «центральности религиозности» (Centrality of Religiosity Scale), разработанная Ш. Хубером⁸⁸. Ссылаясь на идеи Олпорта, Хубер выделяет три уровня религиозности по тому положению, которое личная религиозная система (personal religious system) занимает во внутреннем мире личности⁸⁹: у высокорелигиозных людей религиозная система занимает центральную (central) позицию, для слаборелигиозных и умеренно религиозных людей характерна подчиненная (subordinate) позиция религиозности, в то время как у нерелигиозных людей она занимает маргинальную (marginal) позицию в общей психической системе. Для вычисления показателя центральности используются индикаторы, соответствующие основным измерениям, предложенным Глоком, с некоторой модификацией: публичные и приватные практики, религиозный опыт, идеология и

⁸⁸ Huber, S. Religion Monitor 2008 : Structuring principles, operational constructs, interpretive strategies // What the world believes : analyses and commentary on the Religion Monitor 2008 / M. Rieger (ed.). — Gütersloh : Verlag Bertelsmann Stiftung, 2009. — P. 17—51 ; Huber, S., Huber, O. W. The Centrality of Religiosity Scale (CRS) // Religions. — 2012. — Vol. 3. — No. 3. — P. 710—724.

⁸⁹ Huber, S. Religion Monitor 2008 ... — P. 36—37.

интеллектуальное измерение⁹⁰. Измерение следствий в состав показателя центральности не включается, эта характеристика анализируется отдельно.

1.1.7. Иерархический подход к понятию «религиозность»

Методическое оснащение исследований религиозности в настоящее время наиболее полно отрефлектировано в рамках психологии религии. Одним из основных текстов, на которые ссылаются как психологи, так и социологи, является книга «Меры религиозности» под редакцией психологов П. Хилла и Р. Худа⁹¹. Авторы собрали в ней более ста шкал религиозности. После выхода книги появлялись новые шкалы, однако она пока не потеряла своей актуальности. Дополнением к данной книге можно считать статью Хилла «Измерение в психологии религии и духовности» в сборнике «Справочник по психологии религии и духовности»⁹², а также главу «Основания эмпирической психологии религии» в книге «Психология религии: эмпирический подход»⁹³.

Хилл использует для построения классификации мер религиозности иерархический подход и выделяет в современной психологии религии два уровня измерения религиозности: обобщенный уровень («диспозиционная религиозность») и частные проявления («функциональная религиозность»). То, что Хилл называет диспозиционной религиозностью — это показатели, позволяющие ответить на вопрос о том, насколько человек религиозен в целом. Такая постановка вопроса видится автору оправданной, в частности, потому, что, по данным эмпирических исследований, многие проявления религиозности оказываются в значительной степени связаны (скоррелированы) и образуют единый феномен. Так, например, с повышением частоты посещения церковных служб растет вероятность того, что другие показатели религиозности также окажутся высокими (хотя, как

⁹⁰ *Huber, S., Huber, O. W.* The Centrality of Religiosity Scale ...

⁹¹ *Measures of religiosity* / P. C. Hill, R. W. Hood (eds.). — Birmingham, AL : Religious Education Press, 1999. — 531 p.

⁹² *Hill, P. C.* Measurement in the psychology of religion and spirituality : Current status and evaluation // *Handbook of the psychology of religion and spirituality* / R. F. Paloutzian, C. L. Park (eds.). — New York, NY : Guilford Press, 2005. — P. 43—61.

⁹³ *Hood, R. W., Hill, P. C., Spilka, B.* The psychology of religion : An empirical approach. — 4th edition. — New York : The Guilford Press, 2009. — 636 p.

указывалось выше, это далеко не всегда так). Показатели данного уровня отражают «религиозный фактор в целом, позволяющий предсказывать значения многих других переменных»⁹⁴. Показатели диспозиционной религиозности отражают общую религиозность или духовность, религиозную приверженность (commitment), развитие и историю (т.е. изменение религиозности с течением времени). Второй уровень иерархии — это функциональная религиозность: «Люди проявляют огромное разнообразие в том, как именно они переживают религиозную (и духовную) действительность, в мотивах, определяющих их религиозность, в способах использования собственной религиозности для решения проблем, встающих перед ними. Этот более низкий функциональный уровень ... часто оценивает подуровни (subdimensions) общего религиозного фактора и полезен для предсказания более частных переменных...»⁹⁵. Меры функциональной религиозности включают религиозные практики, верования, ценности, опыт и т.п.

Мы рассмотрели два основных подхода, используемых при изучении индивидуальной религиозности в количественных исследованиях — многомерный и иерархический. В рамках многомерного подхода религиозность рассматривается как некоторая целостная система, которую возможно оценить посредством разложения на несколько осей, или измерений (не всегда ортогональных). В рамках иерархического подхода выделяются два уровня анализа: общая религиозность и частные проявления, при этом частные проявления обычно и являются фокусом анализа. Вероятно, вследствие того, что не удалось эмпирически обосновать существование *определенного* набора осей, в совокупности дающих целостное представление о религиозности, и был совершен переход к иерархическому подходу в изучении данного явления, в рамках которого целостное представление о религиозности уже не является основной целью анализа, а изучаются отдельные составляющие религиозности.

Что касается многомерного подхода, хотя консенсус относительно того, какие именно измерения должны составлять понятие религиозности, так и не был

---

⁹⁴ Hill, P. C. Measurement in the psychology ... — P. 48.

⁹⁵ Там же.

достигнут, можно сказать, что большинство авторов, выделяют следующие оси: вера, практики и ритуалы, знания, и несколько реже анализируется религиозный опыт, хотя с концептуальной точки зрения для некоторых авторов именно религиозный опыт представляется наиболее важной составляющей⁹⁶.

Операционализации понятия «религиозность», представленные в крупных международных исследованиях, помимо религиозности общего уровня, обычно включают вопросы о религиозных верованиях и практиках. Однако несмотря на кажущееся сходство оцениваемых параметров в рамках разных опросов, необходимо очень внимательно относиться к последнему шагу операционализации понятия в рамках эмпирических исследований, а именно — к конкретным формулировкам вопросов, которые часто дают значительно различающиеся результаты⁹⁷.

В контексте многомерного подхода к операционализации понятия «религиозность» активно обсуждался вопрос согласованности. Помимо собственно набора показателей, которые необходимо измерить для того, чтобы определить религиозность в ее полноте, важным вопросом является взаимоотношение этих показателей — должны ли они быть в значительной степени связаны друг с другом или могут быть независимыми, т.е. высокая религиозность по одному из них (например, знание) может не вести с необходимостью к высокой религиозности, измеренной при помощи другого показателя (например, посещение церковных служб). Ч. Глок считал, что теоретически возможно, что некоторые из указанных измерений религиозности в значительной степени самостоятельны, однако «маловероятно, что различные проявления религиозности полностью независимы друг от друга»⁹⁸. Результаты эмпирических исследований показали, что между различными измерениями религиозности может быть зафиксирована

---

⁹⁶ Joas, H. *Do we need religion? : On the experience of self-transcendence.* — Boulder, CO: Routledge, 2008. — 164 p.

⁹⁷ Brechon, P. *The measuring of confessional membership and non-membership in major European surveys // Social Compass.* — 2009. — Vol. 56. — No. 2. — P. 163—178.

⁹⁸ Glock, Ch. Y. *On the study of religious commitment ...* — P. 99—100.

статистически значимая связь, однако она не настолько сильна, чтобы можно было свести все многообразие проявлений религиозности к одному показателю⁹⁹.

В настоящее время данный вопрос приобретает ключевое значение, что, например, нашло отражение в программном заявлении М. Чавеса относительно чрезвычайно широко распространенной в исследованиях религии проблемы ошибочного представления о согласованности феномена религиозности (*religious congruence fallacy*)¹⁰⁰. Это заблуждение проявляется в трех аспектах: во-первых, в ошибочном представлении о том, что религиозные верования и ценности индивида представляют собой логичную, последовательную систему, во-вторых, в ошибочном представлении, что поведение людей напрямую следует из этих верований и ценностей, и в-третьих — в ошибочном представлении о том, что эти верования и ценности стабильны во времени и не зависят от ситуации, контекста, в котором они проявляются¹⁰¹. Противоположная точка зрения выражена в позиции Р. Инглхарта и П. Норрис по данному вопросу: перед ними стоит задача каким-то образом решить проблему сопоставимости показателей религиозности в сравнительных кросс-культурных исследованиях, и они приходят к выводу, что основной показатель, на основании которого можно сравнивать представителей разных культур и вероисповеданий — это вопрос о важности религии или Бога в жизни респондента. С одной стороны, он является максимально унифицированным, независимым от содержания верований для разных вероисповеданий, а с другой — хорошо коррелирует (на уровне стран) с другими показателями религиозности. Помимо важности религии (или Бога), можно обращаться к религиозным практикам, в частности — частоте посещения религиозных служб¹⁰². Именно эти индикаторы религиозности — важность Бога и

⁹⁹ *Faulkner, J. E., De Jong, G. F. Religiosity in 5-D... ; Stark, R., Glock, Ch. Y. American piety ...*

¹⁰⁰ Хотя некоторые примеры, приводимые М. Чавесом, могут быть оспорены и отнесены не на счет отсутствия согласованности, а, например, на воздействие третьего фактора, опосредующего связь между религиозностью и ее последствиями, все же сама проблема сохраняется.

¹⁰¹ *Chaves, M. Rain dances in the dry season : overcoming the religious congruence fallacy // Journal for the Scientific Study of Religion. — 2010. — Vol. 49. — No. 1. — P. 2.*

¹⁰² *Inglehart, R., Norris, P. Sacred and secular : religion and politics worldwide. Cambridge, New York : Cambridge University Press, 2004. — P. 219—225.*

частоту посещения религиозных служб использует Р. Старк, анализируя связь религиозности и моральных норм¹⁰³. Именно эти показатели религиозности являются ключевыми и в нашем исследовании, поскольку именно они представлены в базах данных, послуживших основой для нашего анализа. Тем не менее, необходимо понимать, что религиозность — это более широкое явление, и часть его компонент (в частности – религиозный опыт) остались за рамками нашего внимания и могут быть интересны в последующих исследованиях. В силу возможной рассогласованности различных измерений религиозности, связи каждого из измерений с интересующими нас субъективными нормами на вопросы начала и окончания жизни, а также с базовыми ценностями также могут различаться.

В нашей работе мы ориентируемся на определение религии, предложенное Дюркгеймом, в соответствии с которым в религии в качестве основных измерений выделяются практики (ритуалы) и верования, и многомерный подход к операционализации понятия религиозности. Мы также опираемся на рекомендации, которые дают Инглхарт и Норрис, и используем предложенные ими для применения в межстрановых сравнительных исследованиях показатели религиозности — частоту посещения религиозных служб и важность Бога в жизни респондента.

---

¹⁰³ *Stark, R. Gods, rituals, and the moral order ...*

1.2. Связь религиозности с субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни

Нормы — это «определенные принципы или правила, которые, как ожидается, люди будут соблюдать»¹⁰⁴. Нормы придают социальной жизни предсказуемость и регулярность, упорядочивают ее. В «Социологическом словаре» Н. Аберкромби, С. Хилл и Б.С. Тернер определяют нормы как «ожидания соответствующего поведения, служащие общими указаниями для социального действия»¹⁰⁵. Причем речь идет не о реальном, и не о наиболее распространенном образце, а о надлежащем, правильном, обязательном поведении.

Соблюдение норм — конформность — поощряется (применяются позитивные санкции), в то время как несоответствие норме — девиация — влечет наказание (негативные санкции). Нормы могут быть формальными и неформальными. Нормы являются формальными, если существует организация или группа, которая контролирует и гарантирует выполнение норм, например, нормы, описанные в законах, за соблюдением которых следит полиция, суды, тюрьмы. Негативные санкции включают штрафы, тюремное заключение и т.п., позитивные — премии, медали, грамоты, присуждение научных степеней, дипломов и др. Неформальные нормы могут быть не менее действенными, чем формальные, в качестве позитивных санкций могут выступать похвала, одобрение, социальное признание, негативных — насмешки, выговор, выражение презрения, игнорирование и т.п.¹⁰⁶.

Социальные нормы присутствуют на уровне общества в целом, сообщества или группы людей. Когда мы переходим на уровень индивида, мы говорим об интернализованных нормах, которые в свою очередь выражаются в субъективных нормах и нормативном поведении. В качестве предмета изучения мы выбираем субъективные нормы, однако необходимо учитывать, что поведенческая

¹⁰⁴ Гидденс, Э. Социология. — М. : Эдиториал УРСС, 1999. — С. 43.

¹⁰⁵ Аберкромби, Н., Хилл, С., Тернер, Б. С. Социологический словарь. — М. : Экономика, 2004. — С. 291.

¹⁰⁶ Гидденс, Э. Социология ... — С. 119—121.

составляющая не менее важна и может быть рассогласована с первой составляющей.

Под воздействием различных факторов нормы и субъективные нормы могут с течением времени меняться, становиться более современными, или, наоборот, более традиционными. Важность фактора традиционности-современности субъективных норм обсуждается в статьях М. Фабрикант и В.С. Магуна на базе Европейского исследования ценностей¹⁰⁷ и Программы «Поколения и гендер»¹⁰⁸. Факторный анализ (методом главных компонент) субъективных норм на семью у россиян и французов (13 нормативных высказываний, которые можно объединить в 4 категории: о браке, разводе, о родительстве и о правах «социально слабых»), проведенный В.С. Магуном, показал, что в первую очередь за ответами респондентов стоит фактор «обобщенного параметра нетрадиционности, “модерности” нормативного сознания. Чем выше значения этого фактора, тем более инновационными, современными являются нормативные представления людей о должном “устройстве” супружеских и родительских отношений, а чем ниже его значения — тем эти представления более традиционны, консервативны»¹⁰⁹. В России его информативность составила 18%, во Франции — 22%. Фактор традиционализма — инновативности — «центральный для нормативного сознания людей»¹¹⁰.

Аналогичный результат был получен М. С. Фабрикант и В.С. Магуном при анализе субъективных норм на семейно-гендерные отношения на базе

---

¹⁰⁷ *Фабрикант, М. С.* Традиционное и современное в субъективных нормах на семейно-гендерные отношения : россияне в сравнении с другими европейцами // XV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества : в 4-х книгах. Книга 3 / отв. ред. Е. Г. Ясин. — М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. — С. 69—81. ; *Фабрикант, М. С., Магун, В. С.* Семейные ценности россиян и европейцев // Демоскоп Weekly. — 2014. — № 613/614. — С. 1—15.

¹⁰⁸ *Магун, В. С.* Движение от традиционных семейных норм к современным : сравнение России и Франции // Вестник Института социологии. — 2011. — № 2. — С. 107—116 ; *Магун, В. С.* Субъективные нормы на семью у россиян и французов : традиционное и современное // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. Вып. 2 / общ. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской. — М. : НИСП, 2009. — С. 139—162.

¹⁰⁹ *Магун, В. С.* Субъективные нормы на семью ... — С. 150.

¹¹⁰ Там же. — С. 159.

Европейского исследования ценностей 2008 г. (всего 48913 респондентов). Анализировались представления о необходимости детей для женщины и мужчины, о необходимости постоянных отношений, о том, что большинство женщин хотят дом и детей, допустимости матерей-одиночек, сожительства, о том, что институт брака устарел, представления о праве гомосексуальных пар на усыновление, отношение к аборту в ситуации, когда пара не хочет больше детей. Наиболее информативным фактором (32% объясненной дисперсии) оказался фактор традиционности-современности субъективных норм¹¹¹.

Субъективные нормы выражаются в нормативных высказываниях. Их специфику можно показать, отличив их от описательных высказываний: «Описательное высказывание говорит о том, что имеет или не имеет место; нормативное высказывание выражает норму и говорит о том, что должно, может или не должно быть»¹¹².

Структура нормы включает ряд основных элементов: содержание, характер, условия приложения, субъект и авторитет¹¹³. Содержание нормы — это то действие, которое норма регулирует. Субъект — это группа или индивид, действия которого регулируются нормой. Авторитет — это индивид или группа, имеющие право разрешать или запрещать, налагать санкции. Условия приложения — это ситуация, в которой регулируемое нормой действие должно или не должно осуществляться. Характер различает три типа норм: обязывающие, разрешающие и запрещающие¹¹⁴.

В зависимости от характера санкций, предусмотренных за нарушение нормы (ясные или неясные условия их применения) и характера авторитета (существует ли явный социальный авторитет, или же он является размытым, отсутствует) А.А. Ивин предлагает следующую классификацию норм:

¹¹¹ *Фабрикант, М. С.* Традиционное и современное в субъективных нормах ... ; *Фабрикант, М. С., Магун, В. С.* Семейные ценности россиян ...

¹¹² *Ивин, А. А.* Логика оценок и норм. Философские, методологические и прикладные аспекты. — М. : Проспект, 2016. — С. 203.

¹¹³ Там же. — С. 205.

¹¹⁴ Там же ; *Ивин, А. А., Никифоров, А. Л.* Нормативное высказывание // Словарь по логике. — М. : Гуманитарный издательский центр «Владос», 1997. — С. 226—228.

- «директивы (законы государства, указы, приказы, команды, распоряжения и т.п.);
- требования идеала (правила ритуала, обычая, традиции, здравого смысла и т.п.);
- правила (правила игр, грамматики, математики, логики и др.);
- технические нормы, говорящие о том, что должно быть сделано для достижения определенного (желаемого) результата»¹¹⁵.

Помимо указанных основных типов могут быть выделены промежуточные: традиции и обычаи, моральные принципы, стандарты поведения в обществе¹¹⁶.

В настоящей работе мы рассматриваем субъективные нормы относительно вопросов начала и окончания жизни. Эти нормы представляют собой один из промежуточных типов — моральные принципы, занимающий положение между требованиями идеала и директивами (законами, правовыми нормами). По содержанию они относятся к тем формам поведения, которые представляют собой девиации от предписываемых разными религиями норм: самоубийству, эвтаназии, аборту, искусственному оплодотворению. Хотя многие из этих форм поведения регулируются законом, в настоящей работе в качестве основного источника авторитета мы рассматриваем религию, и не используем различие формальных и неформальных норм, хотя оно также может быть важным для дальнейших исследований. Так, например, во многих европейских странах в последние несколько лет активно обсуждаются вопросы легализации эвтаназии, и принятие законов, в которых фиксируются соответствующие формальные нормы и санкции, условия их приложения, что также может оказать влияние на субъективные нормы населения.

По характеру рассматриваемые нормы являются разрешительными или запрещающими.

Субъективные нормы относительно самоубийства, эвтаназии, аборта, искусственного оплодотворения рассматриваются в настоящей работе как

---

¹¹⁵ *Ивин, А. А.* Логика оценок и норм ... — С. 207.

¹¹⁶ Там же. — С. 208.

отдельно, так и в виде обобщенного индекса, что позволяет оценить латентный фактор, стоящий за всеми этими показателями, по результатам предыдущих исследований наиболее вероятно, что это фактор традиционности-современности субъективных норм.

В частности, такой подход — использование обобщенного показателя — на данных «Международной программы социальных исследований» применяют П. Шиперс, М. Те Гротенхойс и Ф. ван дер Слик, которые также показывают, что несмотря на наличие специфических проблем и особенностей по каждому отдельному вопросу (анализируются отношение к допустимости сексуальных отношений до брака и вне брака, гомосексуализма, аборта в случае, если велика вероятность рождения ребенка с серьезным дефектом, и аборта в случае низкого уровня дохода семьи, когда она не может позволить себе иметь еще одного ребенка), за отдельными показателями стоит общий фактор, объясняющий довольно значительную долю дисперсии признаков, при том, что факторная структура в разных странах оказывается схожей¹¹⁷. Аналогичный подход использует Н. Летки при анализе результатов Всемирного исследования ценностей, используя такой подход при конструировании индекса «гражданской морали»¹¹⁸.

В работе рассматриваются субъективные нормы относительно вопросов начала и окончания человеческой жизни (аборты, искусственное оплодотворение, эвтаназия, самоубийство) – это вопросы, на которые большинство религий дают совершенно определенный ответ, часто зафиксированный в тех или иных текстах. Предполагается, что люди религиозные будут стараться следовать этим предписаниям в своем поведении, хотя здесь, конечно, может присутствовать рассогласованность действий и поведения в силу несовершенства человеческой природы. Однако, как минимум, логично предположить, что нормы, предписываемые религией, будут присутствовать на уровне субъективных норм, представлений человека о должном. При этом можно ожидать, что чем выше

---

¹¹⁷ *Scheepers, P., Te Grotenhuis, M., Van Der Slik, F.* Education, religiosity and moral attitudes ... — P. 162.

¹¹⁸ *Letki, N.* Investigating the roots of civic morality : Trust, social capital, and institutional performance // *Political Behavior.* — 2006. — Vol. 28. — No. 4. — P. 312—313.

степень религиозности, тем большим окажется соответствие субъективных норм тем нормам, которые предписывает та или иная религия. Далее мы покажем, что это теоретическое ожидание не всегда оправдывается и выявим факторы, влияющие на силу связи религиозности и субъективных норм. Наша дальнейшая задача — проанализировать имеющиеся результаты исследований и сформулировать на этой основе задачи и гипотезы нашего собственного исследования.

Можно ожидать, что связь религиозности с субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни (аборты, искусственное оплодотворение, эвтаназия, самоубийство) будет максимально тесной, поскольку многие религии уделяют существенное внимание именно этим вопросам в жизни своих последователей. Мы предполагаем, что более высокий уровень религиозности будет соотноситься с более высоким уровнем традиционности в субъективных нормах человека.

Показатели, которые мы рассматриваем в качестве индикаторов субъективных норм человека — можно или нельзя оправдать нарушение предписываемых религией норм, часто концептуализируются исследователями при помощи других понятий, в частности — таких как «моральные ценности», «моральные установки», «толерантность» и др. При отборе исследований для обзора мы ориентировались на способ операционализации этих понятий. Если эти понятия операционализировались схожими с применяемыми нами индикаторами, то такое исследование включалось в обзор, даже если определение понятия отличалось от используемого в настоящей работе.

При отборе литературы больше внимания было уделено статьям, использующим в качестве информационной базы крупные межстрановые массовые опросы, хотя существует также значительный ряд внутристрановых исследований, некоторые из которых также описаны далее. Поскольку в настоящее время существует достаточное количество текстов, в которых связь религиозности с субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни рассматривается на основании репрезентативных массовых опросов, мы не

включали в обзор работы, выполненные с использованием нерепрезентативных выборок. В то же время, поскольку работ, посвященных анализу связи религиозности и базовых ценностей существенно меньше, в соответствующем разделе это ограничение было снято, и мы рассматривали все исследования по теме, которые удалось найти, включая поисковые, нерепрезентативные опросы.

Рассмотрим существующие исследования, посвященные изучению связи религии с субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни. Часто в этих исследованиях затрагиваются и другие субъективные нормы, относящиеся к родительству, супружеству и другим формам демографического поведения. Вариации этих взглядов так же, как и взглядов на начало и окончание человеческой жизни определяются обобщенной ориентацией респондентов на традиционность-модерность, поэтому мы также включаем их в наш обзор.

Д. Гай, К. Эллисон и Д. Пауэрс проводят анализ связи между принадлежностью к определенной деноминации и отношением к гендерным ролям, абортам, сексуальным отношениям до брака и вне брака, гомосексуализму на основе данных Общего социального исследования (General Social Survey) в США за 10 лет (ежегодные опросы, проведенные в 1982-1991 г.; для анализа были отобраны белые респонденты). В исследовании, помимо сравнения средних показателей, проводится анализ гомогенности установок представителей различных деноминаций для того, чтобы определить, формируют ли определенные деноминации особые субкультуры. Авторы проводят сравнение дисперсии в каждой из конфессиональных групп с дисперсией среди представителей других деноминаций. Если разнообразие установок среди последователей определенной деноминации значительно меньше, чем среди остального населения, то можно говорить о том, что в ней формируется определенная субкультура. Анализ подтвердил, что в США действительно существует деление на консервативные и

либеральные деноминации не только по признаку принадлежности, но и по установкам последователей¹¹⁹.

Вопроса связи между религией и «моральными ценностями» касаются Р. Инглхарт и П. Норрис¹²⁰. Обсуждая следствия процессов секуляризации, они сравнивают представителей стран с разной доминирующей религией — традиционно католические, протестантские, православные, мусульманские страны, а также страны, где традиционно доминировали восточные религии. На объединенном массиве данных Всемирного и Европейского исследований ценностей (EVS, WVS) 1981-2001 г. Инглхарт и Норрис показали, что тип религиозной культуры оказывает существенное воздействие на отношение к вопросам жизни и смерти (абортам, эвтаназии, самоубийству). Процент респондентов, которые считают, что это никогда не может быть оправдано¹²¹, наиболее высок у представителей традиционно мусульманских стран (60% считают, что никогда нельзя оправдать аборты, 86% — самоубийство, 72% — эвтаназию). В целом наиболее либерально настроены представители протестантских стран (31%, 58% и 32% соответственно). Традиционно православные страны оказываются более либеральными только по одному из показателей — отношению к абортам (только 25% здесь считают, что аборт никогда не может быть оправдан), в то время как по остальным двум показателям православные страны близки к католическим. Несмотря на то, что сравниваются различные религиозные культуры, Инглхарт и Норрис объясняют такое либеральное отношение к абортам в традиционно православных странах не собственно религиозными факторами, а тем, что в рамках советской репродуктивной политики аборты были легко доступны для большинства женщин¹²². Хотя религиозный фактор в целом оказывает существенное

---

¹¹⁹ *Gay, D. A., Ellison, C. G., Powers, D. A.* In search of denominational subcultures : Religious affiliation and “pro-family” issues revisited // *Review of Religious Research*. 1996. — Vol. 38. — No. 1. — P. 3—17.

¹²⁰ *Inglehart, R., Norris, P.* Sacred and secular ...

¹²¹ Там же. — P. 174.

¹²² Там же.

воздействие, авторы приходят к выводу, что тип общества по уровню развития (постиндустриальное, индустриальное, аграрное) оказывается более существенным дифференцирующим признаком, чем деление по традиционной для общества религии. Постиндустриальные общества оказываются наиболее либеральными, за ними следуют индустриальные, в то время как аграрные оказываются носителями наиболее консервативных взглядов на вопросы жизни и смерти. Тем не менее, используя линейный регрессионный анализ, Инглхарт и Норрис показывают, что различия между религиозными культурами сохраняются даже при контроле ряда социально-демографических факторов и уровня развития страны, включающего уровень развития человеческого потенциала (Индекс развития человеческого потенциала 1998 г.) в стране и уровня политического развития¹²³.

Среди ключевых социально-демографических параметров, оказывающих влияние, Инглхарт и Норрис указывают пол, возраст, уровень образования и доход: «Возраст оказывает значимое и устойчивое влияние в этих моделях, производя более традиционные установки по отношению ко всем трем вопросам морали, в то время как образование и доход, как и ожидалось, были устойчиво связаны с более либеральными установками. Пол оказывает смешанное влияние: женщины чуть более либеральны по отношению к абортам, в то время как мужчины были более либеральны по отношению к самоубийству и эвтаназии»¹²⁴.

Инглхарт и Норрис рассматривают влияние религиозных традиций только на уровне общества в целом, в то время как существует множество работ, где анализируется влияние индивидуальной религиозности, и некоторое количество работ, в которых эти два уровня рассматриваются одновременно.

К. Бейдер и П. Фрёсе¹²⁵ на базе «Общего социального исследования» (GSS) в США за 1991 и 1998 гг. показали, что наблюдается существенная связь между

---

¹²³ Там же. — Р. 175.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ *Bader, C. D., Froese, P. Images of God : The effect of personal theologies on moral attitudes, political affiliation, and religious behavior // Interdisciplinary Journal of Research on Religion. — 2005. — Vol. 1. — No. 11. — Р. 1—24.*

религиозностью и рядом ценностно-нормативных показателей, в том числе с ответами на вопросы о допустимости аборт (использовался суммарный индекс, состоявший из семи вопросов о допустимости абортов при различных условиях) и шкалой «морали в сфере сексуальности» (включавшей вопросы об отношении к гомосексуализму, сексуальным связям до брака и вне брака), причем авторы утверждают, что влияние оказывает не только вероисповедание и частота религиозных практик, но и такой аспект религиозности, как образ Бога. Бейдер и Фресе ставят перед собой цель объяснить, какой механизм отвечает за связь между религиозностью и ценностями, религиозностью и поведением человека, и их основной тезис состоит в том, что важна теология (которая при этом может варьировать в пределах одной и той же деноминации), включающая представления о том, насколько Бог активен в жизни человека или же дистанцирован от нее, и насколько Бог требователен, строг и авторитарен.

Эта гипотеза была предложена Р. Старком, который обосновывает ее на основе данных Всемирного исследования ценностей 1990-1991 г. Однако в этом исследовании не было возможности операционализировать понятие образа Бога. Для того, чтобы решить эту задачу, Старк сравнивает разные религии, описывая, какой образ Бога характеризует каждую из них, а затем рассматривает силу связи религиозности, измеренной как важность Бога и посещение религиозных служб с тремя показателями: готовностью оправдывать покупку украденных товаров, употребление марихуаны и гашиша, а также уход от ответственности при случайном нанесении ущерба припаркованной машине. Если человек считает, что Бог активно интересуется его жизнью, и при этом он могуществен, то такая религия будет оказывать влияние на нормы и ценности в большей мере¹²⁶. Поэтому, по мнению К. Бейдера и Р. Финке, монотеистические религии в целом предъявляют человеку повышенные требования, в то время как в политеистических религиях морали уделяется меньше внимания¹²⁷.

---

¹²⁶ Stark, R. Gods, rituals, and the moral order ...

¹²⁷ Bader, C. D., Finke, R., What does God require ... — P. 242.

Л. Хальман и Э. ван Инген рассматривают связь между религиозностью и отношением к абортам, разводу, гомосексуализму и эвтаназии на основании анализа результатов Европейского исследования ценностей. Хальман и ван Инген объединяют четыре волны указанного исследования (1981 г., 1990 г., 1999-2000 гг. и 2008 г.) и, помимо связи на уровне индивидов, рассматривают динамику на макро-уровне. Общий вывод исследования состоит в том, что посещение церкви связано с пониженной готовностью считать аборт, развод, гомосексуализм и эвтаназию допустимыми¹²⁸. На уровне стран они показали, что в целом процессы секуляризации — снижение уровня религиозности населения (измеряемого частотой посещения религиозных служб) отражаются в растущей готовности допускать аборт, развод и эвтаназию, в то время как связи с мнением о допустимости гомосексуализма не обнаружены¹²⁹. Среди эффектов макро-уровня необходимо также отметить найденные различия в разнообразии мнений респондентов: в странах, где население чаще посещает религиозные службы, наблюдается меньшее разнообразие мнений о допустимости абортов, развода, гомосексуализма и эвтаназии. Авторы объясняют это тем, что нерелигиозные люди находят основания морали не только в религии, но и в других источниках. Например, они ссылаются на выводы Х. Виддоуса¹³⁰ о том, что «либеральная демократия с ее поддержкой толерантности — это новое основание морали»¹³¹. Хальман и ван Инген заостряют внимание читателя на том, что было бы ошибкой считать, что не посещающие религиозные службы обязательно представляют собой полную противоположность людям религиозным и считают допустимым поведение, нарушающее религиозные нормы. Если в целом некоторая социальная норма принимается большинством, становятся не важны (религиозные или иные) источники этой нормы. Различия состоят в том, что количество факторов,

---

¹²⁸ *Halman, L., Van Ingen, E. Secularization and changing moral views ... — P. 6.*

¹²⁹ Там же. — P. 8.

¹³⁰ *Widdows, H. Religion as a moral source : Can religion function as a shared source of moral authority and values in a liberal democracy? // The Heythrop Journal. — 2004. — Vol. 45. — No. 2. — P. 197—208.*

¹³¹ *Halman, L., Van Ingen, E. Secularization and Changing Moral Views ... — P. 10.*

определяющих мнение людей нерелигиозных о допустимости аборт, развода, гомосексуализма и эвтаназии — в целом шире, поскольку оно не сводится к одной лишь религиозной доктрине¹³².

Также Хальман и ван Инген показали, что в Восточной Европе связи между религиозностью и мнением о допустимости аборт, развода, гомосексуализма и эвтаназии — существенно слабее, чем в Западной¹³³. Одно из объяснений, предлагаемых Хальманом и ван Инген, состоит в том, что население ряда восточноевропейских стран в целом более консервативно, и здесь проявляется «эффект дна»: отношение населения — в целом негативное, поэтому здесь менее важно, религиозный или нерелигиозный человек высказывает такое мнение.

В.С. Магун проводит регрессионный анализ, где в качестве зависимой переменной выступают индивидуальные значения фактора традиционализма-инновационности норм супружества и родительства, на базе исследования «Поколения и гендер» в России (2004 г., 11254 респондента) и во Франции (2005 г., 10079 респондентов). Анализ показал, что религиозная принадлежность является одним из существенных факторов: «Религиозная принадлежность ... сходным образом влияет на субъективные нормы людей в обеих странах: какую бы религию человек ни исповедовал, его взгляды на супружество и родительство оказываются более традиционными, чем у людей нерелигиозных. Наибольшее по силе влияние, как и можно было предположить, оказывает в обеих странах, ислам (во французском массиве у этого показателя вообще наибольший по величине регрессионный коэффициент)»¹³⁴. Одним из интересных результатов анализа был вывод об относительной однородности субъективных норм в России. Так, например, анализ результатов Европейского исследования ценностей 2008 г. показал, что «по своим консервативным взглядам на семейно-гендерные отношения российское общество сравнительно однородно»¹³⁵. Обсуждая этот параметр (который выделяется как на базе исследования «Поколения и гендер», так

---

¹³² Там же. — Р. 9.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Магун, В. С. Субъективные нормы на семью ... — С. 159.

¹³⁵ Фабрикант, М. С., Магун, В. С. Семейные ценности россиян и европейцев ... — С. 6.

и в совместном с Фабрикант анализе на базе Европейского исследования ценностей), Магун и Фабрикант ссылаются на выводы А. Торнтон и Л. Янг-ДеМарко¹³⁶, которые показали, что процессы модернизации ценностей и норм сами порождают консервативные тенденции: «бурное распространение среди американцев в 1960-1980-х годах прошлого века новых семейных норм и практик вызвало в качестве реакции усиление и противоположного по смыслу типа нормативного сознания, т.е. укрепление и рост популярности консервативных взглядов на семейные отношения»¹³⁷.

П. Шиперс, М. Те Гротенхойс и Ф. ван дер Слик анализируют факторы, оказывающие влияние на отношение к допустимости сексуальных отношений до брака и вне брака, гомосексуализма, аборта в случае, если велика вероятность рождения ребенка с серьезным дефектом, и аборта в случае низкого уровня дохода семьи, когда она не может позволить себе иметь еще одного ребенка. Авторы объединили все эти показатели в один общий фактор («моральные установки») при помощи факторного анализа. Исследование основано на данных первой волны «Международной программы социальных исследований — Религия» (ISSP) 1991 г.¹³⁸. За основу анализа взяты данные опроса в 15 странах (всего 16604 респондента), где задавались все основные интересовавшие исследователей вопросы. Три страны — Словения, Филиппины и Израиль, где отсутствовали данные по ряду важных для исследования вопросов, были исключены из анализа. В России отсутствовали данные о вероисповедании родителей, однако авторы включили Россию в модели, заменив этот показатель вероисповеданием самого респондента: они обосновали это тем, что в целом по базе между вероисповеданием матери и вероисповеданием респондента наблюдается существенная статистическая взаимосвязь¹³⁹. Религиозность на индивидуальном уровне

¹³⁶ Thornton, A., Young-DeMarco, L. Four decades of trends in attitudes toward family issues in the United States : The 1960s through the 1990s // Journal of Marriage and Family. — 2001. — Vol. 63. — No. 4. — P. 1009—1037.

¹³⁷ Фабрикант, М. С., Магун, В. С. Семейные ценности россиян и европейцев ...

¹³⁸ Scheepers, P., Te Grotenhuis, M., Van Der Slik, F. Education, religiosity and moral attitudes ...

¹³⁹ Там же. — P. 163.

измерялась с помощью двух показателей: частоты посещения религиозных служб и религиозного мировоззрения (включающего высказывания о том, что существует Бог, который заботится о каждом отдельном человеке и о том, что жизнь человека имеет смысл только потому, что существует Бог)¹⁴⁰. Религиозность родителей измерялась при помощи двух показателей: вероисповедание и частота посещения религиозных служб отцом и матерью в период, когда респондент был ребенком.

Среди общих результатов — выявленная связь моральных установок респондента с его индивидуальной религиозностью и религиозностью родителей в формативный период его возрастного развития, причем вероисповедание родителей оказалось не так важно, как частота посещения родителями (матерью) религиозных служб. Более религиозные респонденты и те, чьи родители чаще посещали церковные службы (во время формативного периода респондента), оказались, в целом, более консервативны¹⁴¹. Авторы предполагали, что с возрастом социализирующее влияние родителей будет снижаться, однако результаты анализа опровергли эту гипотезу¹⁴². Среди социально-демографических факторов выделяется уровень образования: менее образованные респонденты более консервативны.

Шиперс и соавторы также находят ряд интересных эффектов взаимодействия между показателями на уровне индивида и на уровне страны в целом. Так, подтверждается гипотеза Р. Старка о важности религиозного контекста: в более религиозных странах сила связи индивидуальной религиозности с моральными установками оказалась выше, чем в более секуляризованных странах. Иными словами, в социальном контексте, где религиозность является легитимным основанием приверженности определенным нормам, взаимосвязь сильнее. Полученные результаты противоречат альтернативной гипотезе, сформулированной авторами по результатам исследования Вудрума и Дэвисона¹⁴³. Эта альтернативная гипотеза состояла в том, что «влияние индивидуальной

---

¹⁴⁰ Там же.

¹⁴¹ Там же. — Р. 167.

¹⁴² Там же. — Р. 168—169.

¹⁴³ Woodrum, E., Davison, B. L. Reexamination of religious influences ...

религиозности на моральные взгляды сильнее в секуляризованных обществах, чем в религиозных обществах: в первых религиозные сообщества пытаются минимизировать секулярное влияние на своих членов, выстраивая «моральные стены вокруг своего морального сообщества». Это было бы совершенно рациональной реакцией, поскольку религиозные сообщества могут рассматривать эти секулярные эффекты как несовместимые, или даже враждебные своим собственным взглядам на вопросы морали»¹⁴⁴.

Среди выводов, к которым приходят Шиперс и соавторы, также можно выделить следующий. Связь «моральных установок» с индивидуальным уровнем образования (количеством лет, затраченных на образование) — выше в тех странах, которые отличаются большей религиозной гетерогенностью, и слабее в тех странах, где население относительно гомогенно по религиозному составу, например, где есть одно доминирующее вероисповедание, к которому относит себя большинство населения страны. Авторы интерпретируют этот результат следующим образом: в обществах, более религиозно разнородных, система образования с большей вероятностью будет прививать подрастающему поколению толерантность и более либеральные моральные установки¹⁴⁵. По той же причине влияние образования на «моральные установки» более существенно в странах с длительной историей демократического правления.

Р. Финке и Э. Адамчик проверяют гипотезу о влиянии религиозности на нормы в сфере сексуальности (отношение к сожителю и сексуальным отношениям до брака, а также к разводу, аборту, проституции, гомосексуализму) и моральные нормы, регулируемые законодательством (отношение к взяткам, неуплате налогов, даче ложных показаний). Многоуровневый регрессионный анализ на основании данных Всемирного исследования ценностей (WVS) 1997 г. и Международной программы социальных исследований (ISSP) 1998 г. показал, что религиозность оказывает существенное воздействие на нормы в сфере семьи и

---

¹⁴⁴ *Scheepers, P., Te Grotenhuis, M., Van Der Slik, F.* Education, religiosity and moral attitudes ... — P. 161.

¹⁴⁵ Там же. — P. 161, 169.

сексуальности, в то время как на нормы, связанные с наличием законодательных ограничений, влияние существенно более слабое. Что касается показателей макроуровня, в странах с поддерживающим религиозным контекстом связь между религиозностью населения и нормами в сфере сексуальности — сильнее, однако этот эффект не фиксируется при анализе норм, регулируемых законодательно¹⁴⁶.

Й. Коэн и соавторы, рассматривая тренды в изменении отношения населения к эвтаназии с 1981 по 1999 гг. в 12 западноевропейских странах на базе результатов первых трех волн Европейского исследования ценностей (всего 46199 респондентов), показали, что в целом отношение населения за указанный период существенно изменилось — стало менее консервативным, что авторы связывают с процессами секуляризации и процессами индивидуализации, автономизации, усилением веры в ценность права на самоопределение¹⁴⁷. Несмотря на то, что Коэн и соавторы связывают либерализацию отношения к эвтаназии со снижением религиозной веры в западной Европе, они упоминают о том, что эта связь — не жесткая. В частности, они приводят пример Исландии, где снижения религиозных верований в этот период не происходило, и Италии, где отмечался даже некоторый рост религиозности населения, при том, что доля допускающих эвтаназию в указанных странах возрастала¹⁴⁸. В статье 2014 г. Коэн и соавторы расширяют географический охват и рассматривают отношение к эвтаназии на данных 47 стран, включенных в Европейское исследование ценностей 2008 г. (всего 67786 респондентов). Основным результатом анализа — найденная поляризация европейских стран: большая часть западной Европы характеризуется ростом поддержки эвтаназии, в то время как восточная Европа и Россия — наоборот, снижением доли допускающих эвтаназию¹⁴⁹. Коэн и соавторы рассматривают связь

---

¹⁴⁶ *Finke, R., Adamczyk, A.* Cross-national moral beliefs ...

¹⁴⁷ *Cohen, J. [et. al.]*. Trends in acceptance of euthanasia among the general public in 12 European countries (1981-1999) / I. Marcoux, J. Bilsen, P. Deboosere, L. Deliens // *The European Journal of Public Health*. — 2006. — Vol. 16. — No. 6. — P. 663—669.

¹⁴⁸ Там же. — P. 667.

¹⁴⁹ *Cohen, J. [et. al.]*. Public acceptance of euthanasia in Europe : a survey study in 47 countries / P. van Landeghem, N. Carpentier, L. Deliens // *International Journal of Public Health*. — 2014. — Vol. 59. — No. 1. — P. 150—151.

религиозности с отношением к эвтаназии на индивидуальном уровне и на уровне страны. Индекс религиозности, для построения которого на основании результатов факторного анализа (методом главных компонент) отбираются девять переменных (важность религии и важность Бога, частота посещения религиозных служб, частота молитвы, медитация, представление о том, что религия дает душевный покой и силу, самооценка уровня религиозности, вера в Бога, вера в Высший Дух или Высшую Силу), также агрегируется на уровне страны (рассчитывается среднее арифметическое по стране)¹⁵⁰. Сравнение средних уровней религиозности в стране со средними показателями отношения к допустимости эвтаназии показало существенную взаимосвязь этих характеристик. Население более религиозных стран высказывает более консервативное отношение к эвтаназии.

Э. Вербакель и Е. Ясперс рассматривают различные факторы, связанные с отношением к эвтаназии на основе данных Европейского исследования ценностей 1999 г. (31 страна) и Всемирного исследования ценностей 2000 г. (США и Канада), всего 37393 респондента¹⁵¹. Для формулирования основных проверяемых гипотез Вербакель и Ясперс привлекают основные аргументы защитников и противников эвтаназии, используемые в общественной дискуссии на эту тему.

Первый и основной аргумент противников эвтаназии — религиозный. Он состоит в том, что эвтаназия — это грех, только Бог может решать, когда человеку умереть. Соответственно, люди более религиозные склонны иметь более запрещающие установки. Религиозность измерялась при помощи индекса, состоящего из восьми индикаторов, объединенных при помощи конфирматорного факторного анализа (важность религии, важность Бога в жизни респондента, вера в Бога, вера в жизнь после смерти, в ад и рай, самооценка степени религиозности и согласие с суждением о том, что в религии человек находит силы и утешение. Степень религиозности оказалась одним из наиболее информативных факторов в построенных Вербакель и Ясперс моделях, она объясняет наибольший процент дисперсии в оценках отношения к эвтаназии. При этом разные вероисповедания

---

¹⁵⁰ Там же. — Р. 144—145.

¹⁵¹ *Verbakel, E., Jaspers, E. A Comparative study on permissiveness ...*

различаются по степени строгости. Наиболее негативное отношение к эвтаназии характеризует мусульман, за ними с существенным отрывом следуют католики. Наиболее либерально настроены не относящие себя ни к какому вероисповеданию, а также православные респонденты (что противоречило исходным гипотезам авторов), и в несколько меньшей мере — протестанты¹⁵².

Важным оказался и религиозный контекст в стране. Чем более религиозно население страны проживания респондента — тем более консервативное отношение к эвтаназии характеризует респондентов из этой страны, независимо от их собственного уровня религиозности. Также важно и традиционное вероисповедание в стране. Жители традиционно протестантских стран настроены наименее консервативно¹⁵³.

Вербакель и Ясперс обнаруживают значимый эффект взаимодействия между показателями религиозности на уровне индивида и на уровне страны в целом. Изначально они предполагали, что сила связи между религиозностью и отношением к эвтаназии должна быть выше в более секуляризованных странах вследствие «эффекта отбора», в соответствии с которым в социальном контексте секуляризованного общества религиозные люди должны демонстрировать больший контраст верований и ценностей с людьми нерелигиозными, однако данные показали, что это не так — был получен обратный результат. Вербакель и Ясперс пишут о том, что не могут проинтерпретировать такой результат, и это должно быть сделано в дальнейших исследованиях¹⁵⁴. Заметим, что полученный Вербакель и Ясперс вывод согласуется с гипотезой Старка о воздействии социального контекста.

Второй аргумент противников эвтаназии — т.н. аргумент «скользкой дорожки» — он связан с опасением, что легализация эвтаназии может привести к злоупотреблениям — оправданию убийства инвалидов, являющихся обузой для родственников, или недобровольной эвтаназии пациентов, лечение которых

---

¹⁵² Там же. — Р. 124—128.

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Там же. — Р. 130.

обходится системе здравоохранения слишком дорого, и т.д. Отсюда следует, что наиболее уязвимые группы населения (те, кто считает, что они слабо контролируют происходящее в их жизни, представители старших возрастов) настроены наиболее негативно, в то время как в социально активных группах населения (студенты и работающие) выше доля допускающих эвтаназию. Соответственно, среди страновых показателей существенную роль должно играть качество системы здравоохранения.

Первый аргумент защитников эвтаназии состоит в том, что человек имеет право самостоятельно решать вопросы жизни и смерти. Результаты исследования показали, что если человек ценит самостоятельность, независимость, автономию, то это будет отражаться также и в более одобрительном отношении к эвтаназии. Уровень образования также вносит существенный вклад в объяснение отношения к эвтаназии. Поскольку ценности индивидуализма и независимости чаще характеризуют людей более образованных, такие люди в большей мере склонны оправдывать эвтаназию.

Второй аргумент сторонников эвтаназии — личный опыт столкновения с предельной ситуацией. При наличии такого опыта Вербакель и Ясперс предполагали более одобрительное отношение к эвтаназии, чем у тех, кто подобного личного опыта не имел. Данная гипотеза не подтвердилась — фактор личного опыта оказался незначимым, однако это могло быть следствием не столько того, что сама гипотеза неверна, сколько того, что индикаторы наличия опыта столкновения со страданиями, доступные для анализа, были лишь очень косвенными.

М. Руднев и А. Савелькаева анализируют отношение к эвтаназии, основываясь на данных пятой волны Всемирного исследования ценностей (2010 г., за основу анализа взяты 34 страны, всего 49297 респондентов), используя многоуровневый регрессионный анализ. Руднев и Савелькаева показали, что религиозность (важность Бога и вероисповедание) оказывает существенное влияние: более религиозные респонденты хуже относятся к эвтаназии. Мусульмане относятся к эвтаназии наиболее негативно, по сравнению с контрольной

категорией — протестантами, «различий между протестантами и последователями православия не обнаружено. В то же время католики, буддисты и люди, не причисляющие себя к определенной конфессии, более позитивно относятся к эвтаназии, нежели протестанты»¹⁵⁵. Руднев и Савелькаева подчеркивают важность ценностного фактора: «На всех уровнях ценности, отражающие важность автономии и самостоятельности ... повышают толерантность людей к эвтаназии»¹⁵⁶. Примечательно, что влияние религиозности остается значимым при контроле ценностного фактора.

Существует большое количество статей, в которых оценивается взаимосвязь религиозности и отношения к абортам, поскольку в публичном дискурсе эта тема появилась значительно раньше, чем эвтаназия или искусственное оплодотворение¹⁵⁷.

В целом уровень религиозности и отношение к абортам связаны отрицательно, однако исследователи фиксируют заметные различия между представителями разных вероисповеданий. Так, например, Х. Ибо и К. А. Хейни на данных Общего социального исследования (General Social Survey) в США (1976 г.), показали, что наблюдается связь между частотой посещения религиозных служб и отношением к абортам, однако лишь среди членов консервативных протестантских деноминаций, в то время как для последователей либеральных церквей такая взаимосвязь не фиксировалась¹⁵⁸. Дискуссия структурируется в оппозиции двух

---

¹⁵⁵ Руднев, М. Г., Савелькаева, А. С. Роль культурных и индивидуальных ценностей в отношении к эвтаназии // XVI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества : в 4-х книгах. Книга 4 / отв. ред. Е. Г. Ясин. — М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2016. — С. 84—93.

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Ebaugh, H. R. F., Haney, C. A. Church attendance and attitudes toward abortion : Differentials in liberal and conservative churches // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 1978. — Vol. 17. — No. 4. — P. 407—413 ; McIntosh, W. A., Alston, J. P. Acceptance of abortion among white catholics and protestants, 1962 and 1975 // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 1977. — Vol. 16. — No. 3. — P. 295—303 ; McIntosh, W. A., Alston, L. T., Alston, J. P. The Differential impact of religious preference and church attendance on attitudes toward abortion // *Review of Religious Research*. — 1979. — Vol. 20. — No. 2. — P. 195—213. ; Petersen, L. R., Mauss, A. L. Religion and the “right to life” : Correlates of opposition to abortion // *Sociological Analysis*. — 1976. — Vol. 37. — No. 3. — P. 243—254.

¹⁵⁸ Ebaugh, H. R. F., Haney, C. A. Church attendance and attitudes ...

общественных движений: в защиту жизни — права нерожденного ребенка на жизнь (pro-life) и движение в защиту права женщины распоряжаться своим телом, в том числе делать аборт (pro-choice). Также важным для дискуссии оказывается вопрос о том, когда начинается человеческая жизнь — в момент зачатия, на определенном сроке беременности или же в момент рождения. Влияние религиозности обычно связывается с аргументацией в защиту жизни. Многие религии считают, что человеческая жизнь начинается с зачатия, и аборт приравнивается к убийству¹⁵⁹.

Ряд авторов показывают, что различие в отношении к абортам между представителями различных вероисповеданий объясняется не только противопоставлением между позициями в защиту жизни и в защиту права женщины самостоятельно решать, но также важен уровень консерватизма в сфере сексуальности. Так, Т.Г. Елен на основе анализа репрезентативного для США массового опроса, проведенного в 1977 году, показал, что католики, а также люди с более высоким уровнем образования и часто посещающие церковные службы склонны обосновывать позицию против абортов аргументацией права на жизнь, в то время как для протестантов, менее образованных респондентов и редко посещающих церковные службы фиксируется более существенная связь отношения к абортам с консерватизмом в сфере сексуальности¹⁶⁰. На ту же оппозицию обращает внимание А. МакКатчен¹⁶¹.

Несмотря на то, что большинство исследований демонстрируют существенную взаимосвязь религиозности с субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни, необходимо с осторожностью полагаться на эти результаты, прогнозируя реальное поведение, на которое, помимо норм и ценностей, оказывает влияние множество дополнительных

---

¹⁵⁹ *Katexizis Католической церкви*. — 4-е изд. — М. : Культурный центр «Духовная библиотека», 2001. — 813 с. ; *Основы социальной концепции Русской Православной Церкви* [Электронный ресурс]. — М., 2000. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 25.10.2017).

¹⁶⁰ *Jelen, T. G. Respect for life, sexual morality, and opposition to abortion // Review of Religious Research*. — 1984. — Vol. 25. — No. 3. — P. 220—231.

¹⁶¹ *McCutcheon, A. L. Sexual morality, pro-life values, and attitudes toward abortion : A simultaneous latent structure analysis for 1978-1983 // Sociological Methods & Research*. — 1987. — Vol. 16. — No. 2. — P. 256—275.

факторов¹⁶². Так, анализ, проведенный Э. Адамчик на базе американского панельного исследования «Национальное лонгитюдное исследование здоровья от подросткового до взрослого возраста» (The National Longitudinal Study of Adolescent to Adult Health — Add Health) показал, что ни религиозность на индивидуальном уровне, ни религиозность на уровне социального контекста не оказывают существенного влияния на решение об аборте в ситуации беременности вне брака. Значительно большее воздействие оказывают такие факторы, как намерение продолжить образование и доступность аборта (близость клиники, финансирование аборт и др.)¹⁶³.

---

¹⁶² Магун, В. С. Диспозиции и реальное поведение личности // Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности : Диспозиционная концепция / В. А. Ядов [и др.]. — 2-е расширенное изд. — М. : ЦСПиМ, 2013. — С. 150—202.

¹⁶³ Adamczyk, A. The effects of religious contextual norms, structural constraints, and personal religiosity on abortion decisions // *Social Science Research*. — 2008. — Vol. 37. — No. 2. P. 657—672.

1.3. Связь религиозности с базовыми ценностями

В философии, социологии и социальной психологии существует множество различных подходов к определению понятия ценности¹⁶⁴ и методик его измерения. В настоящей работе применяется методика изучения ценностей, предложенная Ш. Шварцем¹⁶⁵. Далее мы рассмотрим основные отличительные черты методики Шварца, и попытаемся поместить ее в более широкий научный контекст, обозначив отличия от других подходов.

Шварц определяет ценности как «широкие мотивационные конструкты, выражающие то, что важно для людей». В качестве ключевых характерных черт ценностей Шварц выделяет следующие¹⁶⁶: 1) связь ценностей с эмоциями (если человек что-либо ценит, т.е. считает нечто важным, например — независимость, то угроза этой ценности вызывает негативные эмоции, а возможность следовать этой ценности делает человека счастливым); 2) связь ценностей и целеполагания (ценности мотивируют человека на достижение определенных целей); 3) надситуативность (отсутствие жесткой привязки ценностей к определенной ситуации или определенному действию. Если человек считает что-либо важным, это будет проявляться не только в какой-то одной сфере, например, на работе, но и в других сферах — в семейной жизни, учебе, на отдыхе и т.д.); 4) ценности служат в качестве критериев для оценки различных альтернатив (например, если какое-то действие будет иметь следствия в виде конфликта с той или иной ценностью человека, то такое действие будет оцениваться как нежелательное); 5) упорядоченность по относительной важности (ценности имеют определенную структуру, например, важность личных достижений противопоставлена

¹⁶⁴ Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль. — М. : Изд-во РУДН, 2006. — 456 с.

¹⁶⁵ Schwartz, S. H. A proposal for measuring value orientations across nations [Electronic resource] // European Social Survey core questionnaire development. Chapter 7. — [S. l.], 2003. P. 259—290. URL: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/core_ess_questionnaire/ESS_core_questionnaire_human_values.pdf (дата обращения: 25.10.2017) ; Schwartz, S. H. Universals in the content and structure of values : Theoretical advances and empirical tests in 20 countries // Advances in experimental social psychology / M. Zanna (ed.). — San Diego, CA : Academic Press, 1992. — P. 1—65.

¹⁶⁶ Schwartz, S. H. Basic individual values : Sources and consequences // Handbook of value : Perspectives from economics, neuroscience, philosophy, psychology and sociology / T. Brosch, D. Sander (eds.). — Oxford : Oxford University Press, 2016. — P. 63—84.

конформности, забота о себе — заботе о других и т.д.); б) связь относительной важности различных ценностей и действия (в качестве примера Шварц приводит посещение церкви, которое, с одной стороны, выражает, а с другой — воспроизводит ценность традиции).

Существует несколько различных версий методики измерения базовых ценностей, разработанных Шварцем, которые включают разное количество высказываний-описаний. В настоящей работе используется применяемая в рамках Европейского социального исследования модификация Портретного ценностного вопросника (PVQ — Portrait Values Questionnaire) Ш. Шварца¹⁶⁷. Помимо версий методики, разработанных самим Шварцем, существуют также альтернативные версии методик, оценивающие 10 базовых ценностей по Шварцу¹⁶⁸, был создан ряд русифицированных версий¹⁶⁹, существует модификация методики, предназначенная для изучения ценностей детей, где ценности представлены в виде изображений¹⁷⁰.

Изначально в теории предполагалось выделение десяти ценностей второго уровня¹⁷¹, к которым сводятся ответы респондентов на вопросы анкеты¹⁷² (Безопасность, Конформность, Традиция, Самостоятельность, Риск-Новизна, Гедонизм, Достижение, Власть-богатство, Благожелательность и Универсализм),

¹⁶⁷ *Schwartz, S. H.* A proposal for measuring ...

¹⁶⁸ *Lee, J. A., Soutar, G., Louviere, J.* The Best-Worst scaling approach : An alternative to Schwartz's Values Survey // *Journal of Personality Assessment*. — 2008. — Vol. 90. — No. 4. — P. 335—347 ; *Oishi, S. [et. al.]*. The measurement of values and individualism-collectivism / U. Schimmack, E. Diener, E. M. Suh // *Personality and Social Psychology Bulletin*. — 1998. — Vol. 24. — No. 11. — P. 1177—1189 ; *Stern, P. C., Dietz, T., Guagnano, G. A.* A Brief Inventory of Values // *Educational and Psychological Measurement*. — 1998. — Vol. 58. — No. 6. — P. 984—1001.

¹⁶⁹ *Белинская, Е. П.* Система ценностей личности в перспективе толерантности // *Век толерантности*. — 2003. — № 5. — С. 61—72 ; *В. Н.* Методика Шварца для изучения ценностей личности : концепция и методическое руководство. — СПб. : Речь, 2004. — 70 с. ; *Лебедева, Н. М., Тамарко, А. Н.* Ценности культуры и развитие общества. — М. : Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007. — 527 с. ; *Тухомандрицкая, О. А., Дубовская, Е. М.* Особенности социально-психологического изучения ценностей как элементов когнитивной и мотивационно-потребностной сферы // *Мир психологии*. — 1999. — № 3. — С. 80—90.

¹⁷⁰ *Döring, A. K. [et. al.]* Assessing values at an early age : The picture-based value survey for children (PBVS—C) / A. Blauensteiner, K. Aryus, L. Drögekamp, W. Bilsky // *Journal of Personality Assessment*. — 2010. — Vol. 92. — No. 5. — P. 439—448.

¹⁷¹ *Schwartz, S. H.* A proposal for measuring ; *Schwartz, S. H.* Universals in the content ...

¹⁷² Количество вопросов варьирует в разных версиях методики от 10 до 57.

хотя в ряде исследований утверждается, что кросскультурный анализ с использованием данных Европейского социального исследования более обоснованно проводить на базе семи ценностей второго уровня¹⁷³. Также выделяются укрупненные ценностные индексы (Открытость изменениям противопоставлена ценностям Сохранения, Забота о людях и природе — Самоутверждению).

В настоящее время Ш. Шварцем и соавторами была предложена пересмотренная версия методики, включающая в себя 19 ценностей второго порядка и 57 исходных высказываний (описаний), которые, тем не менее, могут быть сведены к исходным десяти ценностным индексам¹⁷⁴.

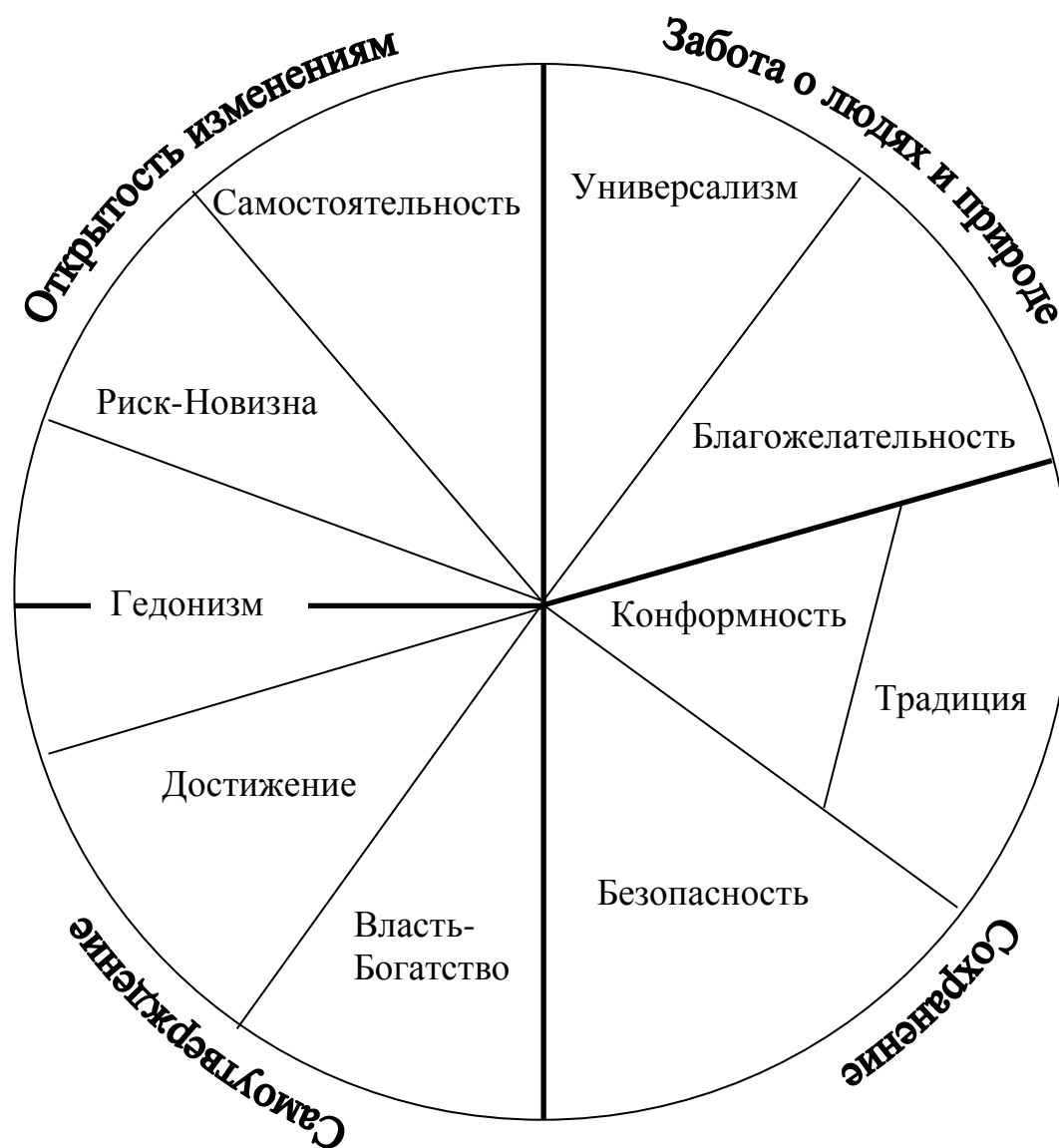
Мотивационный круг (рисунок 1), в который объединяются указанные ценности, отражает взаимоотношения ценностей (согласованность либо конфликт). Этот круг может быть поделен на разное число секторов, в зависимости от того, насколько тонкие различия, или, наоборот, широкие ценностные конструкты интересуют исследователя: «Чем ближе располагаются две ценности в любом направлении круга, тем более схожи лежащие в их основе мотивации. Разделение ценностного пространства (domain of value items) на 10 отдельных ценностей является условным. Круговое расположение ценностей представляет собой скорее континуум связанных мотивов, больше похожий на континуум цветового круга, чем на набор отдельных мотиваций»¹⁷⁵.

---

¹⁷³ Davidov, E., Schmidt, P., Schwartz, S. H. Bringing values back in : The adequacy of the European Social Survey to measure values in 20 countries // Public Opinion Quarterly. — 2008. — Vol. 72. — No. 3. — P. 431.

¹⁷⁴ Шварц, Ш. [и др.] Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей : применение в России / Т. П. Бутенко, Д. С. Седова, А. С. Липатова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2012. — Т. 9. — № 1. — С. 43—70 ; Schwartz, S. H. [et. al.]. Refining the theory of basic individual values / J. Cieciuch, M. Vecchione, E. Davidov, R. Fischer, C. Beierlein, A. Ramos, M. Verkasalo, J.-E. Lönnqvist, K. Demirutku, O. Dirilen-Gumus, M. Konty // Journal of Personality and Social Psychology. — 2012. — Vol. 103. — No. 4. — P. 663—688.

¹⁷⁵ Davidov, E., Schmidt, P., Schwartz, S. H. Bringing values back in ... — P. 424.

Рисунок 1. Теоретическая модель отношений между десятью ценностями¹⁷⁶.

Исследования, проведенные с использованием методики изучения базовых ценностей, разработанной Шварцем, показали, что в рамках большого количества культур и в разных возрастных группах структура базовых ценностей оказывается схожей, соответственно, выделяемые базовые ценности носят универсальный характер. Шварц считает, что такое совпадение структуры базовых ценностей у

¹⁷⁶ *Schwartz, S. H.* An overview of the Schwartz theory of basic values [Electronic resource] // Online Readings in Psychology and Culture. — 2012. — Vol. 2. — No. 1. — P. 9. URL: <http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/11/> (дата обращения: 24.03.2017). Перевод Пруцковой Е. В.

представителей разных культур и групп вызвано тем, что ценности основаны на одном или нескольких базовых условий жизни человека (потребностей, целей): потребностях организма, стремлении к социальному взаимодействию и потребности в принадлежности к группе¹⁷⁷.

Существует два основных подхода к анализу базовых ценностей. В рамках первого из них анализируются ценностные индексы второго уровня, которые распределяются по осям, которые задаются ценностными индексами третьего уровня: Открытость изменениям противопоставляется ценностям Сохранения, а Забота о людях и природе — ценностям Самоутверждения. В настоящей работе применяется именно этот подход, мы рассматриваем ценностные индексы второго и третьего уровня.

В рамках второго подхода проводится выделение нескольких гомогенных по базовым ценностям групп, каждая из которых может быть в разной степени представлена в разных обществах, при помощи кластерного анализа либо анализа латентных классов. В частности, такой подход к анализу базовых ценностей представлен в работах В. Магуна, М. Руднева, П. Шмидта¹⁷⁸. Один из новейших

---

¹⁷⁷ Шварц, Ш. [и др.] Уточненная теория базовых ... — С. 47 ; *Schwartz, S. H.* Universals in the content ...

¹⁷⁸ Магун, В. С., Руднев, М. Г. Альтернативные структуры ценностных переменных Ш. Шварца в Европе // XV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества : в 4-х книгах. Книга 4 / отв. ред. Е. Г. Ясин. — М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. — С. 488—499 ; Магун, В. С., Руднев, М. Г. Базовые ценности двух поколений россиян и динамика их социальной детерминации // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества : в 4-х книгах. Книга 3 / отв. ред. Е. Г. Ясин. — М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. — С. 87—97 ; Магун, В. С., Руднев, М. Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте // Общественные науки и современность. — 2010. — № 3. — С. 5—22 ; Магун, В. С., Руднев, М. Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте (окончание) // Общественные науки и современность. — 2010. — № 4. — С. 5—17 ; Магун, В. С., Руднев, М. Г. Базовые ценности россиян и других европейцев (по материалам опросов 2008 года) // Вопросы экономики. — 2010. — № 12. — С. 107—130 ; Магун, В. С., Руднев, М. Г. Дифференциация европейского населения по приверженности ценностям традиции/рациональности и выживания/самовыражения // XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах. Книга 2 / отв. ред. Е. Г. Ясин. — М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. — С. 527—540 ; Магун, В. С., Руднев, М. Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. — 2008. — № 1(93). — С. 33—58 ; Магун, В. С., Руднев, М. Г. Межпоколенная динамика базовых ценностей: постсоциалистические страны в сравнении со странами Западной и Северной Европы // XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и

результатов, полученных ими при изучении базовых ценностей населения (по методике Ш. Шварца), состоит в том, что население европейских стран делится на пять ценностных классов, каждый из которых состоит из людей, разделяющих схожие ценности: ценностный класс с сильной и слабой социальной ориентацией, с сильной и слабой индивидуалистической ориентацией, а также ценностный класс, характеризующийся «ценностями роста»¹⁷⁹. Социальная ориентация — это сочетание консерватизма с ценностью заботы об окружающих, в то время как индивидуалистическая ориентация сочетает в себе открытость изменениям, готовность действовать и создавать что-то новое, но в сочетании с самоутверждением. Ценностный класс с ценностями роста противостоит этому делению, он сочетает в себе открытость изменениям, готовность проявлять инициативу и брать на себя ответственность с заботой об окружающих и природе. Доля представителей класса ценностей роста в стране в значительной степени связана с уровнем экономического развития, с показателями ВВП на душу населения, что дает основания предполагать, что наличие людей с такими ценностями способствует социально-экономическому развитию общества. По данным Европейского социального исследования доля таких людей в России крайне малочисленна¹⁸⁰.

В целом, определяя понятие ценности, можно пойти двумя путями — сказать, что такое ценности, или же определить чем ценности не являются. Так, ценности

общества: в 4-х книгах. Книга 3 / отв. ред. Е. Г. Ясин. — М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014. — С. 537—548 ; Руднев, М. Г., Магун, В. С. Ценностный консенсус и факторы ценностной дифференциации населения России и других европейских стран // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. — 2011. — Т. 11. — № 4. — С. 81—96 ; Magun, V., Rudnev, M. Basic human values of Russians : both different from and similar to other Europeans // NRU Higher School of Economics Basic research program working papers. Series “Sociology”. — 2013. — No. 23. — 36 p. ; Magun, V., Rudnev, M. The life values of the Russian population // Sociological Research. — 2010. — Vol. 49. — No. 4. — P. 3—57 ; Magun, V., Rudnev, M., Schmidt, P. Within- and between-country value diversity in Europe : A typological approach // European Sociological Review. — 2016. — Vol. 32 — No. 2 — P. 189—202.

¹⁷⁹ Magun, V., Rudnev, M., Schmidt, P. Within- and Between-Country ...

¹⁸⁰ Там же.

необходимо отделять от смежных понятий, таких как установки, черты личности, нормы и потребности¹⁸¹.

Ценности и установки — близкие понятия, однако между ними есть и различия. Так, ценности — более абстрактны и более устойчивы, чем установки¹⁸². «Ценности фокусируются на идеалах, установки применяются к более конкретным социальным объектам»¹⁸³.

Черты личности — предрасположенность к определенному поведению (например, экстраверсия) практически не поддаются изменениям, в то время как ценности подразумевают более высокую степень (когнитивного) контроля со стороны человека¹⁸⁴. По результатам мета-анализа 60 исследований Л. Паркс-Ледук, Г. Фельдман и А. Барди показали, что черты личности, имеющие когнитивное основание, в большей мере связаны с ценностями (по Ш. Шварцу), чем черты личности, имеющие эмоциональное основание¹⁸⁵. Черты личности, так же как установки, могут быть как положительными, так и отрицательными, в то время как ценности обычно формулируются как положительные, желательные¹⁸⁶.

Нормы, как и ценности, мотивируют действие, однако их также необходимо различать. Нормы — представления о должном, подкрепленные позитивными или негативными санкциями, в то время как ценности — представления о важном. Нормы более ситуативны, чем ценности¹⁸⁷.

Ценности также можно отличить от потребностей. Потребности в большей мере, чем ценности имеют биологические основания, в то время как ценности

---

¹⁸¹ *Hitlin, S., Piliavin, J. A. Values : reviving a dormant concept // Annual Review of Sociology. — 2004. — Vol. 30. — No. 1. — P. 359—393 ; Rohan, M. J. A Rose by any name? The values construct // Personality and Social Psychology Review. — 2000. — Vol. 4. — No. 3. — P. 255—277 ; Rokeach, M. The nature of human values. — New York; London : Free Press, 1973. — 438 p.*

¹⁸² *Hitlin, S., Piliavin, J. A. Values ... — P. 360—361 ; Rokeach, M. The nature of human values. — P. 17—18.*

¹⁸³ *Hitlin, S., Piliavin, J. A. Values ... — P. 361.*

¹⁸⁴ *Parks-Leduc, L., Feldman, G., Bardi, A. Personality traits and personal values : A Meta-analysis // Personality and Social Psychology Review. — 2015. — Vol. 19. — No. 1. — P. 3—29 ; Roccas, S. [et. al.] The Big Five personality factors and personal values / L. Sagiv, S. H. Schwartz, A. Knafo // Personality and Social Psychology Bulletin. — 2002. — Vol. 28. — No. 6. — P. 789—801.*

¹⁸⁵ *Parks-Leduc, L., Feldman, G., Bardi, A. Personality traits and personal values ...*

¹⁸⁶ *Hitlin, S., Piliavin, J. A. Values ... — P. 361.*

¹⁸⁷ Там же ; *Rokeach, M. The nature of human values ... — P. 19.*

«служат в качестве социально принятых, определенных культурой способов артикуляции потребностей»¹⁸⁸. Тем не менее, потребности не ограничиваются биологией человека. Обсуждая разницу между ценностями и потребностями, М. Рокич указывает, что в иерархии потребностей А. Маслоу¹⁸⁹ самоактуализация, занимающая высшее положение в пирамиде — это одновременно и потребность, и ценность¹⁹⁰. Многие ученые рассматривают потребности как источник формирования ценностей¹⁹¹, определяют ценности, основываясь на понятии потребности и блага: «Классификация того или иного объекта или состояния как важного или ценного для человека означает, что этот объект или состояние является благом или потребностью, квалификация же как неважного означает, что он не является ни тем, ни другим»¹⁹².

М. Рокич считал, что «понятие ценности, в большей мере, чем какие-либо другие, является центральным для всех социальных наук»¹⁹³. В социологии понятие ценности занимало одну из центральных позиций в работах М. Вебера, Т. Парсонса и многих других ученых. В частности, М. Вебер, описывая типы действия и различая при этом целе-рациональное, ценностно-рациональное, аффективное и традиционное, описывает ценностно-рациональный тип действия следующим образом: здесь «... сознательно вычленяются те конечные ориентиры, на которые последовательно планомерно нацеливается действие»¹⁹⁴, однако действие происходит без оглядки на возможные последствия, в уверенности, что поступать именно так повелевает «долг, достоинство, красота, религиозное предписание, благочестие или важность некоторой “вещи”, какого бы рода она ни была»¹⁹⁵. Т. Парсонс определяет ценностные ориентации через функцию, которую они

¹⁸⁸ *Hitlin, S., Piliavin, J. A. Values ...* — P. 361.

¹⁸⁹ *Маслоу, А. Мотивация и личность.* — 3-е изд. — СПб. : Питер, 2002. — 352 с.

¹⁹⁰ *Rokeach, M. The nature of human values ...* — P. 19.

¹⁹¹ *Schwartz, S. H. Universals in the Content ...*

¹⁹² *Магун, В. С. Потребности и психология социальной деятельности личности.* — Л. : Наука, 1983. — С. 44.

¹⁹³ *Rokeach, M. The nature of human values ...* — P. ix.

¹⁹⁴ *Вебер, М. Основные социологические понятия // Теоретическая социология: Антология : в 2 ч. Часть 1 / пер. с англ., фр., нем., ит. ; сост. и общ. ред. С. П. Баньковской.* — М. : Книжный Дом «Университет», 2002. — С. 70—146.

¹⁹⁵ Там же. — С. 100.

выполняют, а именно — обеспечение критериев, на основании которых актер может сделать тот или иной выбор: «*Ценностная ориентация* относится к таким аспектам ориентации актора, которые дают ему возможность соблюдать некоторые нормы, стандарты, критерии отбора всякий раз, когда он оказывается в ситуации, которая позволяет ему делать выбор (и требует от него такого выбора). Всякий раз, когда актер вынужден будет выбирать из различных объектов-средств, из различных целевых объектов, всякий раз, когда ему приходится выбирать, какую именно диспозицию потребностей он будет удовлетворять или насколько он будет ее удовлетворять, — всякий раз, когда он вынужден выбирать что-то из чего-то, — его ценностные ориентации могут обеспечить ему определенные нормы, которые будут руководить им в этом выборе»¹⁹⁶. Функционалистский подход к ценностям, а также его критика, помимо прочего, за излишнюю абстрактность и отсутствие эмпирического подтверждения, обсуждается в статье Дж. Шпата¹⁹⁷.

Можно выделить два основных подхода к понятию ценности. Первый из них акцентирует внимание на том, что некоторый объект характеризуется определенной ценностью, второй рассматривает человека как носителя ценностей¹⁹⁸. В частности, в качестве примера первого подхода в социологии можно привести работу У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке»¹⁹⁹. В методологических комментариях к первому тому Томас и Знанецкий вводят понятие ценности и установки. «Социальные ценности» соотносятся с «данными об объективных культурных элементах социальной жизни», установки — с данными «о субъективных характеристиках членов социальной группы»²⁰⁰. Какая-либо вещь становится ценностью, когда представители той или иной социальной группы приписывают ей определенный

¹⁹⁶ Парсонс, Т. О структуре социального действия / общ. ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. — 2-е изд. М. : Академический проект, 2002. — С. 468—469.

¹⁹⁷ Spates, J. L. The Sociology of values // Annual Review of Sociology. — 1983. — Vol. 9. — No. — P. 27—49.

¹⁹⁸ Rokeach, M. The nature of human values ... — P. 4.

¹⁹⁹ Thomas, W., Znaniecki, F. The Polish peasant in Europe and America : Monograph of an immigrant group. Volume 1. Primary-group organization. — Boston : The Gorham Press, 1918. — 526 p.

²⁰⁰ Там же. — P. 20.

смысл, значение (meaning): «Смысл еды — в ее конечном потреблении, инструмента — в отсылке к работе, для которой он был создан, монеты — в возможности покупать или продавать...»²⁰¹. Так, инструмент как вещь не имеет ценности сам по себе, он становится ценностью, если мы понимаем, что его можно использовать для определенного действия. Установка, по Томасу и Знанецкому, — это «индивидуальная обратная сторона социальной ценности», «процесс индивидуального сознания, который определяет реальное или возможное действие индивида в социальном мире. Например, это голод, который принуждает к потреблению еды, решение рабочего использовать инструмент, склонность к расточительству, которая побуждает потратить монету...»²⁰².

В настоящей работе мы оперируем понятием ценности, определенным в рамках второго подхода, где носителем ценности является человек. М. Рокич определяет понятие ценности следующим образом: «*Ценность* — это устойчивая вера в то, что определенный способ действия или конечное состояние (end-state of existence) являются лично или социально предпочтительными относительно противоположного или обратного способа действия или конечного состояния. *Система ценностей* — это устойчивая организация верований, касающихся предпочтительных способов действия или конечных состояний вдоль континуума относительной важности»²⁰³. Верования относительно предпочтительных конечных состояний, по классификации Рокича — это терминальные ценности, ценности-цели, в то время как верования, касающиеся предпочтительных способов действия — это инструментальные ценности, ценности-средства. Рокич показывает, что количество как инструментальных, так и терминальных ценностей не очень велико. В рамках широко известной методики определения «Ценностных ориентаций» Рокича выделяется 18 терминальных и 18 инструментальных ценностей.

---

²⁰¹ Там же. — Р. 21.

²⁰² Там же. — Р. 22.

²⁰³ *Rokeach, M. The nature of human values ... — Р. 5.*

Среди российских ученых методику Рокича применял в адаптированной форме В.А. Ядов, который использовал данный подход при описании диспозиционной структуры личности: «Наряду с общей направленностью интересов личности в определенные сферы деятельности высший уровень диспозиционной иерархии образуют ценностные ориентации. В свою очередь имеется иерархия и в системе ценностей. Вершину ее составляет “жизненный идеал” — социально-политический и нравственный образ желаемого будущего. Ценностные ориентации так или иначе согласуются с идеалом, формируя собственную иерархию жизненных целей, более отдаленных, относительно близких и ближайших, а также ценностей-средств, или представлений о нормах поведения, которые человек рассматривает в качестве эталона»²⁰⁴. При адаптации методики В.А. Ядовым и соавторами около трети исходных наименований ценностей, предложенных Рокичем, были заменены²⁰⁵.

Различение терминальных и инструментальных ценностей использует также Н.И. Лапин, который на основании анализа 44-х ценностных суждений выделяет 14 базовых ценностей²⁰⁶.

Методика Рокича послужила отправным пунктом для создания методики изучения ценностей, разработанной Шварцем, с применением которой мы проводим анализ в диссертационном исследовании, опираясь на данные Европейского социального исследования и исследования Ортодокс Монитор, однако Шварц не проводит различия между терминальными и инструментальными ценностями, поскольку такое деление часто имеет очень размытые границы.

Связь между религиозностью и ценностями может быть следствием разных причин и социальных процессов. Во-первых, религия может способствовать проявлению определенных ценностей, подчеркивая их важность и, наоборот,

---

²⁰⁴ Ядов, В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности : Диспозиционная концепция. — 2-е расширенное изд. — М. : ЦСПиМ, 2013. — С. 67.

²⁰⁵ Там же. — С. 263—264.

²⁰⁶ Лапин, Н. И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. — 2010. — № 1. — С. 28—36.

противодействовать другим ценностям²⁰⁷. Во-вторых, связь может быть обратной. Люди, имеющие определенные ценности, могут именно вследствие своих ценностей становиться последователями той или иной религии, либо, наоборот, отказываться от какой-либо религии, выбирать для себя атеизм. В-третьих, связь между религиозностью и ценностями может опосредоваться другими факторами — социальным положением человека и родом занятий, демографическими факторами (например, возрастом), более широким социальным контекстом — характеристиками социального окружения человека, социальными сетями, в которые включен человек, ситуацией в стране в целом.

Одним из наиболее ранних исследований связи между религиозностью и базовыми ценностями является статья Шварца и Гюйсманса²⁰⁸. В ней подробно описана логика связи между каждой из изучаемых ценностей и религией. Приводятся теологические, социологические и психологические обоснования связи религиозности и базовых ценностей. Основная гипотеза, которую проверяют Шварц и Гюйсманс, состоит в том, что по мере движения по ценностному кругу сила связи между религиозностью и ценностями изменяется по синусоиде. Так, наиболее тесная положительная связь наблюдается с ценностью Традиции, наиболее сильная отрицательная — с Гедонизмом. Умеренные положительные корреляции — с Конформностью, Благожелательностью и Безопасностью, умеренные отрицательные — с Риском-Новизной и Самостоятельностью. Связь с Универсализмом, Властью-богатством и Достижением подвержена воздействию разнонаправленных факторов — теоретически, связь может быть как отрицательной, так и положительной, а может отсутствовать в случае, когда разнонаправленные силы уравнивают друг друга. Шварц и Гюйсманс проверяют эту гипотезу (разделяя ее на пять отдельных пунктов) на базе двух исследований. Первое исследование — опрос учителей и студентов в Греции, Испании, Нидерландах и Израиле. Религиозность измерялась при помощи

---

²⁰⁷ Rokeach, M. Part I. Value systems in religion // Review of Religious Research. — 1969. — Vol. 11. — No. 1. — P. 3—23.

²⁰⁸ Schwartz, S. H., Huisman, S. Value priorities and religiosity in four western religions // Social Psychology Quarterly. — 1995. — Vol. 58. — No. 2. — P. 88—107.

самооценки респондентов, которые отвечали на вопрос о том, насколько они религиозны в целом. Также задавался вопрос о вероисповедании. Анализ проводился на базе представителей доминирующего в соответствующей стране вероисповедания, чтобы исключить воздействие ситуации, когда связь религиозности и ценностей обусловлена положением представителей того или иного вероисповедания в качестве религиозного меньшинства, и увидеть чистое влияние конфессиональных различий. Второе исследование, на котором основываются Шварц и Гюйсманс — репрезентативный опрос в западной Германии. Здесь в рамках одной страны примерно поровну представлены две основные конфессии — католики и протестанты, что позволяет отделить влияние фактора страны от влияния конфессионального фактора. Религиозность измерялась вопросом о частоте посещения церковных служб. Основная гипотеза — о синусоидной форме зависимости, выведенная на основании теологических, социологических и психологических теорий религии, подтвердилась на базе обоих исследований и при разбивке выборки по основным демографическим характеристикам (полу, возрасту, доходу)²⁰⁹.

Теологические основания для формулирования гипотез о связи религиозности и ценностей, на которые опираются Шварц и Гюйсманс, заключаются в том, что большинство современных религий поощряют выход за пределы материальных интересов, в то время как противоположная ориентация — «потворствующий своим слабостям материализм» связан с поиском счастья в потреблении материальных благ. Здесь Шварц и Гюйсманс ссылаются на работы П. Тиллиха²¹⁰, Р. Отто²¹¹, Р. Нибура²¹² и ряда других теологов. Социологические основания для гипотез заключаются в том, что религия рассматривается как

---

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ *Тиллих, П.* Систематическая теология / пер. Т. Лифинцева и др. — М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. — Т. 1—2. — 462 с.

²¹¹ *Отто, Р.* Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / пер. с нем. А. М. Руткевич. — СПб. : Изд-во С.-Петербургского университета, 2008. — 272 с.

²¹² *Нибура, Р.* Опыт интерпретации христианской этики // Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибура и Рейнхольда Нибура (сборник) / под ред. Е. Н. Балашовой. — М. : Юрист, 1996. — С. 375—513.

основание нормативной системы, социального порядка, солидарности, о чем, в частности, пишет Э. Дюркгейм²¹³. Соответственно, религиозность гипотетически должна быть связана с принятием существующего социального порядка. Психологический анализ подчеркивает роль религии в снижении неопределенности. Поскольку религия дает ответы на экзистенциальные вопросы, она способна снижать беспокойство и тревожность человека в отношении смерти, болезни, страдания, несправедливости. Таким образом, религиозность должна быть положительно связана с ценностями стабильности и уверенности в завтрашнем дне (Традиция, Конформность, Безопасность) и отрицательно — с ценностями Открытости изменениям (Самостоятельность, Риск-новизна)²¹⁴.

Также Шварц и Гюйсманс приводят в качестве аргумента в защиту своего тезиса результаты предшествовавших исследований связи религиозности и отдельных ценностей, которые они реинтерпретируют в терминах теории базовых ценностей Шварца. В целом эти исследования подтверждают их гипотезу.

Общий вывод, которым Шварц и Гюйсманс завершают свою статью, состоит в том, что связь между религиозностью и ценностями — не однонаправленная. С одной стороны, религиозная социализация способствует тому, что более приверженные религии люди в большей степени принимают ценности, транслируемые религиозным учением. Поскольку большинство религий поддерживает ценность следования традициям и отвергает гедонизм, соответствующая положительная связь с первой и отрицательная — со второй ценностью, по-видимому, есть следствие религиозной социализации, т.е. влияния, направленного от религии к ценностям. С другой стороны, в ситуации, когда полученные связи противоречат доктрине, как, например, в случае отрицательной корреляции с ценностями универсализма и самостоятельности, можно сделать вывод об обратном направлении связи: чем более человек ценит открытость изменениям и свободу самовыражения, тем он будет менее религиозным, и чем

---

²¹³ *Durkheim, E. The elementary forms ...*

²¹⁴ *Schwartz, S. H., Huismans, S. Value priorities and religiosity ...*

более человек ценит определенность, воздержание и т.д., тем более он будет склонен к религиозности²¹⁵.

Эту гипотезу подтверждают результаты анализа данных «Новозеландского исследования установок и ценностей» (New Zealand Attitudes and Values Study) — панельного исследования, две волны которого были проведены в 2009 и 2010 г.²¹⁶. Для анализа К. Сибли и Дж. Булбулиа отобрали 1571 респондента, указавшего принадлежность к определенному вероисповеданию. Показателем уровня религиозности были ответы на вопрос о важности религии (от 1 — «не важна» до 7 — «очень важна»). Также задавались вопросы, соотносящиеся с четырьмя основными ценностными индексами Шварца, измеренными по модифицированной методике, разработанной П. Стерном и соавторами²¹⁷. Каждый ценностный индекс был представлен тремя описаниями ценностей, а респонденту предлагалось оценить, насколько они важны в его жизни (-1 — «противоречит моим ценностям», от 0 — «не важна» до 7 — «в высшей степени важна»). При помощи многоуровневого регрессионного анализа Сибли и Булбулиа рассматривают зависимость уровня религиозности во второй волне опроса от ценностей в первой волне, контролируя уровень религиозности в первой волне, и приходят к выводу, что ценности открытости изменениям отрицательно влияют на уровень религиозности. Среди всех ценностей только ценности открытости изменениям оказывали какое-то влияние на изменение уровня религиозности. В то же время обратное влияние не было обнаружено: уровень религиозности в первой волне не влиял на приверженность ценностям открытости изменениям во второй волне (при контроле степени приверженности этим ценностям в первой волне). В то же время связь ценностей сохранения с религиозностью была обратной. Высокий уровень религиозности в первой волне опроса приводил к росту приверженности традиционным ценностям во второй волне, в то время как обратное влияние

---

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ *Sibley, C. G., Bulbulia, J. A.* How do religious identities and basic value orientations affect each other over time? // *The International Journal for the Psychology of Religion*. — 2014. — Vol. 24. — No. 1. — P. 64—76.

²¹⁷ *Stern, P. C., Dietz, T., Guagnano, G. A.* A brief inventory of values ...

(ценностей сохранения в первой волне на уровень религиозности во второй волне) отсутствовало. При этом выявленные закономерности оказались неизменными для разных вероисповеданий. Таким образом, Сибли и Булбулиа показали, что в Новой Зеландии связь между религиозностью и ценностями была двунаправленной: от религиозности к ценностям сохранения (положительная связь) и в обратном направлении — от ценностей открытости изменениям к религиозности (отрицательная связь)²¹⁸.

С. Роккас и Ш. Шварц сравнивают связи между религиозностью и базовыми ценностями в шести католических странах, разделяя их на две группы: страны с оппозиционными отношениями церкви и государства (Польша, Чехия, Венгрия) и страны с благоприятными отношениями между церковью и государством (Италия, Испания, Португалия). Исследования проводились в конце 1980-х — начале 1990-х. Выборки включали, как и в исследовании Шварца и Гюйсманса, учителей и студентов (всего 2274 респондента). Результаты исследований показали, что в странах, где отношения между церковью и государством были напряженными в годы, предшествовавшие опросу, религиозность в большей мере была отрицательно связана с ценностями Власти-богатства и Достижения, менее положительно — с ценностями Конформности и Безопасности, и более положительно — с ценностями Универсализма²¹⁹.

Роккас и Шварц приводят следующие объяснения выявленной закономерности. Римская Католическая Церковь в целом поощряет послушание и подчинение авторитетам, поэтому люди, ценящие конформность, находят в религии гармонию со своими ценностями, в то время как люди, чьим принципам конформность противоречит, в целом будут склонны ограничивать свою религиозную вовлеченность. Таким образом, в целом связь религиозности и конформности будет положительной. В то же время, в странах, где отношения между церковью и государством носят оппозиционный, конфликтный характер,

²¹⁸ *Sibley, C. G., Bulbulia, J. A.* How do religious identities ...

²¹⁹ *Roccas, S., Schwartz, S. H.* Church-state relations and the association of religiosity with values : A study of catholics in six countries // *Cross-Cultural Research*. — 1997. — Vol. 31. — No. 4. — P. 356—375.

религиозное учение будет содержать норму неподчинения власти, и, соответственно, связь ценностей Конформности с религиозностью будет слабее. То же происходит и с ценностью Безопасности. В целом — связь положительная, однако в ситуации конфликта между церковью и государством религиозность может быть сопряжена с рядом опасностей, поэтому те, для кого безопасность важна, скорее будут склонны ограничивать свое участие в церковной жизни²²⁰.

Что касается ценностей Власти-богатства и Достижения, связь с религиозностью может быть разнонаправленной. С одной стороны, зависимость может быть отрицательной, поскольку эти ценности сопряжены с фокусированием интереса на себе, содержат материалистический компонент, что противоречит церковному вероучению. С другой стороны, некоторые аспекты этих ценностей связаны с поддержанием социального порядка, поэтому связь может быть положительной. Таким образом, в целом зависимость религиозности и этих ценностей будет слабой. В то же время, в странах, где церковь и государство находятся в конфликтных отношениях, религиозность может стать препятствием для личных достижений, власти и богатства. Таким образом, в этих странах связь указанных ценностей с религиозностью будет более отрицательной²²¹.

Ценности универсализма связаны с заботой о благополучии всех людей, причем акцент может быть как на «благополучии» (что соответствует церковному учению), так и на слове «всех». В ситуации конфликта государства и церкви универсалистские ценности более положительно связаны с религиозностью, поскольку церковь в данном случае будет более ориентирована на разнообразные социальные группы и будет скорее поддерживать социальные изменения, направленные на всех²²².

В. Сароглоу, В. Дельпьер и Р. Дернелл провели мета-анализ исследований, в которых рассматривается связь между религиозностью и ценностями, опубликованных в течение десятилетия после выхода вышеупомянутой статьи

---

²²⁰ Там же.

²²¹ Там же.

²²² Там же.

Шварца и Гюйсманса²²³. Статья Сароглоу и соавторов основывается на результатах, полученных на 21 выборке в 15 странах, всего более 8,5 тыс. респондентов. Большая часть исследований в обзоре представляет собой опросы студентов и преподавателей, хотя приводятся и результаты исследований на выборках населения в целом (католики и протестанты в Германии из описанного выше исследования Шварца и Гюйсманса).

Во всех выборках религиозность была связана с повышенной важностью ценностей Сохранения (в основном — с Традицией и Конформностью) и более низкой значимостью ценностей Самостоятельности, Гедонизма и Риска-новизны. Слабая связь фиксировалась с ценностями Безопасности. Также, в целом религиозность была положительно связана с Благожелательностью, хотя корреляции были во многих случаях близки к нулю²²⁴.

Также во всех выборках (за исключением двух) религиозность была отрицательно связана с ценностью Достижения и Власти-богатства, хотя связи также были слабыми. Что касается отрицательной связи с ценностью Власти-богатства, наиболее заметной (более 0,2 по модулю) связь была в трех восточно-европейских странах и в США. Заметная отрицательная связь с ценностью Универсализма характеризовала в основном южноевропейские страны (включая Израиль и Турцию), в то время как в других странах связь была существенно более слабой, а в некоторых выборках — даже положительной²²⁵. Таким образом, сила связи отдельных ценностей и религиозности существенно варьировала в зависимости от рассматриваемой страны. Сравнивая западноевропейские христианские (Германию, Бельгию, Нидерланды) и южноевропейские страны (Грецию, Испанию, Израиль, Португалию), Сароглоу и соавторы показали, что в южноевропейских странах по семи ценностям из десяти (кроме ценностей Власти-богатства, Достижения и Благожелательности, где различия были незначимыми) религиозность оказывала более сильное влияние, чем в западной Европе²²⁶.

---

²²³ Saroglou, V., Delpierre, V., Dernelle, R. Values and religiosity ...

²²⁴ Там же. — P. 727.

²²⁵ Там же. — P. 728.

²²⁶ Там же. — P. 729.

Сароглоу и соавторы анализируют также, различаются ли представители разных вероисповеданий по силе связи религиозности и тех или иных ценностей. Среди наиболее ярких результатов необходимо упомянуть практически отсутствующую связь между религиозностью и Благожелательностью на выборках мусульман, в то время как у католиков и иудеев она присутствует, хотя и выражена достаточно слабо — корреляции составили, соответственно, 0,03 для мусульман, 0,13 для иудеев и 0,19 на выборках католиков²²⁷. Кроме того, существенные различия наблюдались по связи религиозности с ценностью Универсализма — связь практически отсутствовала у католиков ($r=-0,06$), была слабой отрицательной у иудеев ($r=-0,18$), и очень заметной отрицательной у мусульман ($r=-0,40$). Однако авторы призывают с осторожностью относиться к полученным результатам, поскольку рассматривались только два исследования на выборках мусульман, в результате чего практически невозможно разделить влияние вероисповедания и страны, а кроме того, суммарное количество опрошенных мусульман было небольшим — всего 255 чел.²²⁸.

Также Сароглоу и соавторы рассматривают влияние ряда показателей социально-экономического развития страны (степень урбанизации, расходы на образование и численность учащихся в системе высшего образования, ВВП на душу населения, распространение средств массовой информации — телевидения и газет), на силу связи между религиозностью и базовыми ценностями. Результаты анализа показали, что в целом, чем более развита страна, тем слабее положительная корреляция с ценностями, входящими в ценностный индекс «Сохранения» (Безопасность, Конформность и Традиция), и слабее отрицательные корреляции с ценностями Самостоятельности, Универсализма и Достижения. В то же время в более развитых странах наблюдается более сильная положительная связь религиозности с ценностью Благожелательности и более сильная отрицательная связь с ценностью Власти-богатства. Влияния показателей социально-экономического развития на силу связи с ценностями Гедонизма не было выявлено.

---

²²⁷ Там же. — Р. 728.

²²⁸ Там же.

Необходимо отметить, что далеко не все описанные показатели социально — экономического развития оказывают одинаковое влияние. Так, в некоторых случаях существенное воздействие оказывает ВВП на душу населения (в частности — на силу связи религиозности с ценностями Традиции, Самостоятельности и Достижения), в то время как в других случаях на первый план выходят покрытие телевизионным вещанием и расходы на образование, которые при этом могут оказывать обратное, по сравнению с душевым ВВП, воздействие (в частности — как в случае связи религиозности с ценностью Власти-богатства)²²⁹. Лишь на связь религиозности с двумя ценностями из десяти (Конформность и Самостоятельность) оказывают воздействие все перечисленные показатели социально-экономического развития. Подводя итог, Сароглоу и соавторы высказывают предположение, что причиной таких результатов является тот факт, что в более развитых странах религия становится менее традиционно ориентированной, следует общему направлению культурных изменений, включающих демократизацию и индивидуализацию, увеличение автономии индивида²³⁰.

Дж. Фонтен и соавторы рассматривают ценностные следствия религиозности как многомерного явления, предлагая собственную методику оценки — «Пост-критическую шкалу веры» (Post-Critical Belief Scale)²³¹. Они операционализируют два измерения религиозности, предложенные Д. Вульфом²³² — «Включение-Исключение трансцендентного», которое отражает, является ли Бог и трансцендентное важной частью жизни человека и «Буквальное-Символическое», которое, в соответствии с названием, отражает, интерпретируются ли разные проявления религии буквально или символически²³³. Пересечение этих двух осей

²²⁹ Там же. — P. 729.

²³⁰ Там же. — P. 731.

²³¹ Fontaine, J. R. J. [et. al.]. Consequences of a multidimensional approach to religion for the relationship between religiosity and value priorities / B. Duriez, P. Luyten, J. Corveleyn, D. Hutsebaut // International Journal for the Psychology of Religion. — 2005. — Vol. 15. — No. 2. — P. 123—143.

²³² Wulff, D. M. Psychology of religion : Classic and contemporary. — New York : John Wiley & Sons, 1997. — 760 p.

²³³ Fontaine, J. R. J. [et. al.]. Consequences of a multidimensional approach ... — P. 129.

дает четыре типа религиозности, каждому из которых Фонтен и соавторы ставят в соответствие ряд утверждений, с которыми респонденту предлагается согласиться или не согласиться по 7-балльной шкале. Исследование было проведено во Фландрии (Бельгия) на семи (нерепрезентативных) выборках, первая из которых включала учащихся средней школы, четыре выборки — студентов, проходивших курс психологии, одна выборка взрослых и одна выборка принадлежащих к определенному вероисповеданию взрослых (всего опрошены 1695 респондентов). Фонтен и соавторы анализируют связь между двумя указанными измерениями и базовыми ценностями по Шварцу, и приходят к выводу, что измерение «Включения-исключения трансцендентного» соотносится с конфликтом между ценностями «Открытости изменениям» (гедонизма, риска-новизны, самостоятельности) и ценностями «Сохранения» (конформности-традиции), в то время как второе измерение религиозности — противопоставление символических и буквальных интерпретаций — с ценностным конфликтом «Заботы о людях и природе» и «Самоутверждения»²³⁴. Последний вывод противоречил исходным гипотезам Фонтена и соавторов — изначально они предполагали, что «Буквальное-Символическое» измерение будет скоррелировано с ценностным конфликтом «Открытости изменениям» и «Сохранения», поскольку буквальное понимание связано обычно с единственным верным способом интерпретации, т.е. социальной стабильностью и определенностью, в то время как в символическом режиме возможны множественные интерпретации, включающие критику существующего социального порядка²³⁵. Фонтен и соавторы оставляют открытым вопрос о причинах полученного результата.

К. Геннерих и Ш. Хубер²³⁶ провели исследование в Германии по модифицированной методике, основанной на методике Ш. Шварца. Их опросник содержал 14 ценностей, которые затем при помощи факторного анализа были преобразованы в два измерения, похожие на «Сохранение-Открытость

²³⁴ Там же. — Р. 133—138.

²³⁵ Там же. — Р. 131.

²³⁶ *Gennerich, C., Huber, S.* Value priorities and content of religiosity — new research perspectives // *Archive for the Psychology of Religion.* — 2006. — Vol. 28. — No. 1. — P. 253—267.

изменениям» и «Самоутверждение-Забота о людях и природе» по Шварцу. Также анкета включала «Тест структуры религиозности» (Structure-of-Religiosity-Test), который позволяет различить содержание религиозности, в том числе — содержит шкалы, нацеленные на изучение открытых, непредубежденных форм религиозной ориентации, оценку измерения религиозного поиска (quest)²³⁷ («религиозный плюрализм», «религиозная рефлексивность», «интерес к религии») и шкалы, нацеленные на изучение авторитарных, консервативных форм религиозности («социальная сила религиозности», «моральный дуализм», «религиозная исключительность»)²³⁸. Опрос проводился на 16 приходах различных христианских конфессий (всего 685 респондентов), расположенных в одном среднем немецком городе. Результаты продемонстрировали, что эффекты религиозности различались в зависимости от показателя, оценивающего ее содержание и от содержания самих ценностей. Так, религиозная рефлексивность и интерес в наибольшей степени коррелировали с ценностным измерением «Самоутверждение-Забота о людях и природе» (чем выше религиозность в такой — открытой — форме, тем более респондент склонен к ценностям Заботы), в то время как шкалы, измеряющие консервативные формы религиозности, оказались скоррелированы со вторым ценностным измерением — «Сохранение-Открытость изменениям». Примечательно, что показатели религиозного плюрализма также оказались связаны лишь со вторым ценностным измерением — «Сохранением-Открытостью изменениям», но направление этой связи было противоположно направлению связи с ценностями консервативных форм религиозности)²³⁹.

Ж. Биле и Б. Мюллеман рассматривают вопрос о связи базовых ценностей (ценностные индексы Консерватизма и Заботы о людях и природе) и религиозности на базе второй волны Европейского социального исследования, и сравнивают силу связи (регрессионные коэффициенты) в разных странах, принимавших участие в исследовании. Более религиозные люди являются более консервативными и более

---

²³⁷ *Batson, C. D.* Religion as prosocial ... ; *Batson, C. D., Schoenrade, P. A.* Measuring Religion as Quest

...
²³⁸ *Gennerich, C., Huber, S.* Value priorities and content ... — P. 258—259.

²³⁹ Там же. — P. 260—261.

склонны к ценностям Заботы о людях и природе. Регрессионные коэффициенты во всех странах имеют одинаковый знак, т.е. направление связи стабильно, однако сила связи различается в зависимости от рассматриваемой страны²⁴⁰. Этот вопрос они рассматривают в ряду других, и не обсуждают полученные выводы подробно.

В. Ментус отмечает небольшое усиление связи религиозности с базовыми ценностями Традиции в странах с более религиозным социальным контекстом на основании многоуровневого регрессионного анализа данных Европейского социального исследования²⁴¹.

Х. ван Херк и Ю. Пуртинга проводят анализ базовых ценностей по двум измерениям — Сохранения-Открытости изменениям и Самоутверждения-Заботы о людях и природе на основании результатов Европейского социального исследования 2004 г.²⁴². Исследование включало репрезентативные выборки населения по 26 странам, которые авторы статьи делят на 195 регионов, различающихся культурными, социально-экономическими и историческими характеристиками (всего в исследовании было представлено 225 регионов, но для анализа авторы отобрали только те из них, в которых объем выборки составлял не менее 60 респондентов). На макро-уровне авторы рассматривают три показателя, являющихся, по их мнению, основными предпосылками (*antecedents*) ценностей: историю (принадлежал ли данный регион к Римской империи, был ли регион в 1800 г. частью той же страны, что и в настоящее время, был ли регион частью государства, принадлежавшего к коммунистическому блоку до 1989 г.), уровень экономического развития (ВВП на душу населения) и религию (доминирующая в регионе религия и уровень религиозного плюрализма). Среди характеристик индивидуального уровня (всего 40144 респондента) ван Херк и Пуртинга рассматривают уровень образования, пол, возраст и религиозность. Среди выводов

---

²⁴⁰ *Meuleman, B., Billiet, J.* Religious involvement : Its relation to values and social attitudes // *Cross-cultural analysis : Methods and applications* / E. Davidov, P. Schmidt, J. Billiet (eds.). — New York : Taylor and Francis, 2011. — P. 173—206.

²⁴¹ *Ментус В.* Традиционная ценностная ориентация и религиозность ...

²⁴² *Van Herk, H., Poortinga, Y. H.* Current and historical antecedents of individual value differences across 195 regions in Europe // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. — 2012. — Vol. 43. — No. 8. — P. 1229—1248.

анализа можно выделить следующие. Когда переменные макро-уровня рассматриваются отдельно, наибольшее влияние оказывает основная религия в регионе, за ней по важности следует ВВП, затем — уровень религиозного плюрализма²⁴³. Наиболее привержено ценностям Сохранения население регионов, где основной религией является православие или ислам, в меньшей степени — католицизм, в то время как население протестантских регионов оказалось даже менее консервативно, чем тех регионов, где большинство ответивших нерелигиозны. Что касается ценностей Самоутверждения, то ситуация оказалась очень схожей, с той лишь разницей, что православные регионы по указанному признаку существенно отличаются (более привержены ценностям самоутверждения) от исламских. Остальные показатели также оказались важны, но объясняют существенно меньшую долю дисперсии на уровне регионов. Авторы также делают попытку различить влияние макропоказателей, поскольку многие из них тесно взаимосвязаны. Это далеко не во всех случаях возможно, в частности, все протестантские регионы имеют высокий уровень ВВП, все исламские и православные страны — низкий, и лишь на примере католических регионов можно сравнить «чистое» влияние ВВП при контроле основной религии. По результатам такого сравнения ВВП оказывается наиболее важным признаком²⁴⁴. В регионах с высоким уровнем экономического развития население в целом менее консервативно и менее привержено ценностям самоутверждения. Основная религия в регионе менее важна, чем ВВП, но дает существенную прибавку объясняемой дисперсии. Влияние остальных показателей макро-уровня (коммунистическое прошлое региона, принадлежность к Римской империи), по мнению авторов статьи, скорее обусловлено различиями в уровне экономического развития.

На индивидуальном уровне религиозность положительно связана с приверженностью ценностям Сохранения и Заботы о людях и природе, образование повышает склонность к ценностям Открытости изменениям,

---

²⁴³ Там же. — Р. 1236.

²⁴⁴ Там же. — Р. 1237—1239.

женщины — более консервативны и более склонны к Заботе о людях и природе, чем мужчины, более молодые респонденты в большей степени ценят Открытость изменениям и Самоутверждение²⁴⁵.

В заключение необходимо отметить несколько важных выводов, к которым нас приводит обзор литературы. Во-первых, в научных публикациях достаточно широко представлен анализ связи религиозности и базовых ценностей индивидуальном уровне в европейских странах, однако очень мало известно о характеристиках этих взаимосвязей в России. Таким образом, представляет научный интерес исследование связи религиозности с базовыми ценностями в нашей стране и сравнение этих результатов с имеющимися выводами относительно других стран, в частности — о синусоидной форме зависимости религиозности и базовых ценностей. Во-вторых, существует ряд исследований, в которых зафиксирована различная сила связи религиозности с базовыми ценностями в зависимости от страны. Единственное объяснение этим различиям в силе связи, которое нам удалось обнаружить в научной литературе — это благоприятные либо напряженные государственно-конфессиональные отношения в стране²⁴⁶. В то же время, ситуация во многих странах, где отношения между церковью и государством носили оппозиционный характер, начиная с 90-х гг. кардинально изменилась на противоположную. В то же время, межстрановые различия в силе связи религиозности и ценностей не только сохраняются, но и носят выраженный характер. Таким образом, требуется найти новые объяснения этих межстрановых различий.

---

²⁴⁵ Там же. — P. 1239—1240.

²⁴⁶ *Roccas, S., Schwartz, S. H. Church-State Relations ...*

1.4. Религиозная социализация как фактор, влияющий на связь религиозности с базовыми ценностями и субъективными нормами

Объяснение связи религиозности с субъективными нормами и базовыми ценностями, предлагаемое в настоящей работе, в значительной мере опирается на понятие религиозной социализации. Рассмотрим его подробнее.

Социализация — это процесс, «посредством которого люди обучаются соответствию социальным нормам»²⁴⁷. Социальные нормы в процессе социализации интернализируются — становятся для индивида частью его «Я». Это приводит к тому, что человек ощущает внутреннюю необходимость следовать социальным нормам, и для их соблюдения становится менее важным внешнее принуждение.

Религия содержит определенный набор установок, норм и ценностей, которые передаются (приобретаются) в ходе социализации. Под первичной религиозной социализацией понимается религиозное воспитание, полученное человеком в детстве, под вторичной — приход к вере (и соответствующие практики) в более позднем возрасте. Логично полагать, что если религия усвоена рано, то она может оказать существенное влияние на формирование норм и ценностей. В случае отсутствия первичной религиозной социализации приверженность нормам и ценностям успевает сформироваться раньше религиозности. Поскольку именно первичная социализация оказывает наиболее значимое влияние на формирование норм и ценностей, мы рассматриваем ее как фактор, объясняющий отсутствие (или очень слабую) связь между религиозностью и ценностями в постсоциалистических странах, где ранняя религиозная социализация практически отсутствовала, и массовое обращение населения к религии в последние десятилетия не повлекло соответствующего изменения ценностей и норм.

---

²⁴⁷ Аберкромби, Н., Хилл, С., Тернер, Б. С. Социологический словарь ... — С. 430.

1.4.1. Влияние ранней социализации

Гипотеза о том, что ценностная система формируется в детстве и юности, и в дальнейшем либо меняется слабо, либо эти изменения связаны с существенными потрясениями, находит подтверждение в работах многих психологов и социологов²⁴⁸.

Р. Инглхарт и К. Вельцель основывают теорию межпоколенческого изменения ценностей на двух гипотезах: «гипотезе дефицита» и «гипотезе социализации». Первая из них состоит в том, что ценности зависят от социально-экономического положения человека. Если человек живет в ситуации нехватки материальных благ и отсутствии физической защищенности, то первичными для него будут материалистические ценности. В ситуации социально-экономической защищенности люди склонны отдавать предпочтение ценностям самовыражения. Однако ценности гораздо более устойчивы, чем социально-экономическая ситуация. «Гипотеза социализации» объясняет, почему ценности не могут измениться мгновенно следуя за избавлением от нехватки материальных благ: «основополагающие ценности человека во многом отражают условия, в которых прошли его детство и юность»²⁴⁹.

Х. Шуман и Ж. Скотт, анализируя какие события, произошедшие в стране или мире за последние 50 лет, вспоминают люди, приходят в выводу, что у разных поколений есть собственная «коллективная память». Люди помнят и считают важными в первую очередь события, которые происходили в период их

---

²⁴⁸ Дубин, Б. В. О поколенческом механизме социальных сдвигов // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / общ. ред. Т. И. Заславской. — М. : Аспект Пресс, 1995. — С. 237—247; Alwin, D. F. Cohort replacement and changes in parental socialization values // Journal of Marriage and the Family. — 1990. — Vol. 52. — No. 2. — P. 347 ; Alwin, D. F., McCammon, R. J. Generations, cohorts, and social change // Handbook of the life course / J. T. Mortimer, M. J. Shanahan (eds.). — New York, NY : Kluwer Academic Publishers, 2003. P. 23—49 ; Inglehart, R. Modernization and postmodernization: cultural, economic, and political change in 43 societies. — Princeton : Princeton University Press, 1997. — 453 p. ; Inglehart, R. The silent revolution : Changing values and political styles. — Princeton : Princeton University Press, 1977. — 482 p. ; Rokeach, M. The nature of human values... ; Shuman, H., Scott, J. Generations and collective memories // American Sociological Review. — 1989. — Vol. 54. — No. — P. 359—381.

²⁴⁹ Инглхарт, Р., Вельцель, К. Модернизация, культурные изменения и демократия : последовательность человеческого развития. — М. : Новое издательство, 2011. — С. 149.

подросткового возраста и период их «ранней взрослости», именно этот период жизни человека играет важнейшую роль в формировании личности²⁵⁰.

М. Руднев и В. Магун считают, что ценностный консенсус между индивидами объясняется скорее различиями между поколениями, а не социально-стратификационными различиями, поскольку «базовые ценности, усвоенные индивидом на ранних этапах социализации, устойчивы к дальнейшим социальным изменениям, и поэтому ценности разных поколений оказываются своеобразным слепком с социальных эпох, в которые происходила основная социализация их носителей»²⁵¹.

1.4.2. Понятие религиозной социализации

Религиозная социализация — это процесс взаимодействия, в ходе которого религиозные нормы, ценности и верования передаются от одного поколения к другому, от членов (религиозной) группы к тем, кто вновь присоединяется к группе.

Д. Шеркат определяет религиозную социализацию как «процесс взаимодействия, в ходе которого социальные агенты оказывают влияние на религиозные верования и представления индивидов»²⁵², а также как «процесс, в ходе которого люди приобретают религиозные предпочтения»²⁵³. В соответствии со своими *религиозными предпочтениями*, индивид осуществляет *религиозный выбор* — присоединиться ли к тому или иному вероисповеданию или деноминации, посещать ли, и если да — то с какой частотой религиозные службы, участвовать ли в какой-либо деятельности, организуемой по религиозным основаниям и т.д. Шеркат подчеркивает, что при изучении религиозной социализации необходимо отличать ее от других социальных явлений, поскольку на выбор помимо предпочтений влияет и множество других факторов. Для того, чтобы отличить

²⁵⁰ Shuman, H., Scott, J. Generations and collective memories ...

²⁵¹ Руднев, М. Г., Магун, В. С. Ценностный консенсус и факторы ... — С. 84.

²⁵² Sherkat, D. E. Religious socialization : Sources of influence and influences of agency // Handbook of the sociology of religion / M. Dillon (ed.). — Cambridge : Cambridge University Press, 2003. — P. 151—163.

²⁵³ Там же. — P. 152.

социализацию (определяемую как имеющую отношение к процессу формирования предпочтений) от того, что ею не является, необходимо разделить социальные факторы, влияющие на формирование религиозных предпочтений и факторы, воздействующие на религиозный выбор. Среди последних Шеркат указывает три основных типа социальных факторов, которые, соответственно не имеют отношения к социализации:

1) симпатия / антипатия: «Взрослые дети могут посещать церковь вместе со своими стареющими родителями для того, чтобы родители чувствовали себя лучше, вопреки тому, что сами они являются агностиками или им становится не по себе от общественных благ, производимых религиозной деятельностью»²⁵⁴;

2) стремление показать пример: «Профессорско-преподавательский состав в религиозных учебных заведениях и публичные политические деятели также могут участвовать (в религиозных службах — прим. Е.П.) для того, чтобы показать пример благочестивого поведения»²⁵⁵;

3) вознаграждения и санкции: «Религиозные группы производят нерелигиозные социальные вознаграждения, предоставляя участникам доступ к брачным рынкам, бизнес-контактам, сетям друзей для детей, социальный статус в сообществе и т.п. Религиозное потребление также может помочь людям избежать наказаний, например, в форме социальной изоляции, экономической незащищенности и насильственного подавления»²⁵⁶.

В качестве основных *агентов религиозной социализации* выделяются: семья (изучается социализирующее влияние родителей на детей и в обратном направлении, влияние супругов друг на друга), социальные сети друзей и родственников, религиозные организации / Церковь, и система образования²⁵⁷.

²⁵⁴ Там же. — Р. 154.

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Там же.

²⁵⁷ Астахова Л. С., Пруцкова Е. В. Социализация религиозная // Энциклопедический словарь социологии религии / Под ред. М. Ю. Смирнова. — СПб. : Платоновское философское общество, 2017. — С. 343—345; Гузельбаева Г. Я. Агенты религиозной социализации в постсекулярный период : роль в трансформации ценностно-нормативной системы // Казанский социально-гуманитарный вестник. — 2015. — №4(17). — С. 21—26.

1.4.3. Влияние родителей на детей

Большинство исследований подтверждают гипотезу о том, что религиозные убеждения родителей оказывают существенное влияние на религиозность детей²⁵⁸. Тем не менее, даже в ситуации, когда показатели религиозности родителей демонстрируют высокую согласованность с показателями религиозности детей, спорным остается вопрос о причинах такой согласованности, или, иначе — о том, что именно родители передают своим детям. Первая точка зрения состоит в том, что передаются именно нормы, ценности и убеждения, т.е. мы имеем дело с процессами социализации. Вторая точка зрения состоит в том, что дети наследуют от своих родителей социальный статус, который способствует появлению в жизни ребенка таких же условий и опыта, как у родителей, что и формирует, в свою очередь, его мировоззрение, близкое мировоззрению родителей, включая и религиозную составляющую²⁵⁹.

1.4.4. Влияние детей на родителей

В нескольких работах подчеркивается, что социализация — процесс взаимный, а не односторонний, поэтому необходимо рассматривать не только влияние родителей на детей, но и обратное влияние — детей на родителей. Так, например, Дж. Гласс, В. Бенгтсон и Ш. Данхэм проводят анализ на основании диад (родители и дети), представляющих три поколения: 1) старшее поколение — бабушки/дедушки, 2) среднее поколение — их взрослые дети (родители внуков) и 3) младшее поколение — внуки. Всего в анализе участвуют 1004 диады, представляющие отношения между старшим и средним поколением, а также 478 диад, представляющих отношения между младшим и средним поколением. Исследование проводилось в Южной Калифорнии в 1973 г. Авторы анализируют передачу установок от поколения к поколению в трех сферах: политические,

---

²⁵⁸ *Bengtson, V. L. [et. al.] A longitudinal study of the intergenerational transmission of religion / C. E. Copen, N. M. Putney, M. Silverstein // International Sociology. — 2009. — Vol. 24. — No. 3. — P. 325—345 ; Glass, J., Bengtson, V. L., Dunham, C. C. Attitude similarity in three-generation families : Socialization, status inheritance, or reciprocal influence? // American Sociological Review. — 1986. — Vol. 51. — No. 5. — P. 685—698.*

²⁵⁹ *Glass, J., Bengtson, V. L., Dunham, C. C. Attitude similarity in three-generation ...*

гендерные и религиозные установки. Гласс и соавторы показали, что влияние религиозных установок детей на религиозные установки родителей статистически значимо, при этом оно оказалось более существенным при сопоставлении установок старшего и среднего поколения, по сравнению с влиянием, которое младшее поколение оказывает на своих родителей (среднее поколение), т.е. указанный обратный эффект усиливается по мере старения родителей. В то же время влияние родителей на детей (прямое социализирующее влияние) по мере старения родителей снижается — при анализе влияния старшего поколения на среднее оно вообще не было выявлено. Логика рассуждения здесь такова: в подростковом возрасте (более ранние периоды авторы не рассматривают) дети в значительной степени зависят от своих родителей, и на этом этапе у родителей достаточно власти и влияния для того, чтобы передать или навязать детям свои убеждения и верования, в то время как обратное влияние, хотя и присутствует, оказывается достаточно слабым. Стареющие же родители становятся более зависимы от своих детей (в связи с ухудшением здоровья или же просто в связи с тем, что люди среднего возраста в современном западном обществе обладают большим социальным влиянием, чем пожилые люди и старики), поэтому их возможности влияния на религиозные установки детей (среднего возраста) снижаются или вовсе исчезают. Когда родители стареют, а дети взрослеют, наиболее сильными оказываются обратные процессы — дети начинают активно влиять на мнение родителей²⁶⁰.

Д. Шеркат²⁶¹ также находит эмпирическое подтверждение обратному влиянию (детей на родителей) в религиозной сфере, однако полученные результаты несколько отличаются от выводов Дж. Гласса и соавторов. Эмпирической базой в данном случае послужило «Панельное исследование социализации молодежи и родителей» (Youth Parent Socialization Panel Study), включавшее 3 волны на общенациональной выборке в США (1965, 1973 и 1982 гг.). Рассматривая такой

---

²⁶⁰ Там же.

²⁶¹ *Sherkat, D. E. Religious socialization and the family : An examination of religious influence in the family over the life course : PhD Thesis. — Durham, NC : Duke University, 1991. — 404 p.*

показатель, как участие в религиозных практиках (посещение богослужений), Шеркат делает вывод о наличии существенного взаимного влияния родителей и детей друг на друга во всех трех волнах. Однако интерпретация, которую дает Шеркат, включает менее прямолинейные объяснения и более сложные причинные социальные механизмы, чем можно было бы предположить просто исходя из подтвердившихся на эмпирическом материале гипотез о том, что дети влияют на родителей. Так, например, Шеркат объясняет существенное влияние подростков на религиозные практики родителей не тем, что они способны убедить своих родителей либо посещать, либо не посещать церковь, а тем, что, если подростки посещают религиозные службы, это, во-первых, создает социальные ожидания, что родители также будут посещать службы. Во-вторых, для того, чтобы присматривать за своими детьми, родители вынуждены последовать за ними в церковь, если дети направляются на службу, и отказаться от посещения служб по той же причине, если дети занимаются чем-то другим²⁶².

Обращаясь к анализу религиозных верований, Шеркат показывает, что родители оказывают существенно влияние на веру детей подросткового возраста, поскольку обладают в этот период авторитетом, являются основной референтной группой и экспертами для молодежи в вопросах религии, однако через некоторое время влияние родителей снижается, а обратное влияние выходит на первый план: дети становятся более образованными и, соответственно, воспринимаются родителями как более компетентные, в том числе, в вопросах религии. Помимо этого, молодежь является проводником инноваций для более старших поколений, поэтому на данном этапе жизни семьи влияние детей на родителей становится достаточно заметным²⁶³. Однако данные третьей волны указанного исследования показали обратный результат: поколение родителей снова начинает оказывать существенное воздействие на религиозность детей, что Шеркат объясняет структурными изменениями религиозности населения в США: в указанный период происходит усиление традиционных взглядов в американском обществе, в связи с

---

²⁶² Там же. — Р. 353—354.

²⁶³ Там же. — Р. 357—359.

чем поколение родителей вновь начинает занимать положение экспертов в религиозных вопросах²⁶⁴.

Среди российских исследователей эффект влияния детей на родителей описывает В. Безрогов: «В российской действительности рубежа XX и XXI столетий ... не старшие учат религии младших, а младшие, обретая веру в пространстве соединения своей детской религиозности и религиозной свободы во всем обществе, оказываются более религиозно развитыми, чем предыдущее поколение»²⁶⁵.

1.4.5. Влияние расширенной семьи

Помимо родителей, влияние могут оказывать и другие члены (расширенной) семьи. Особенно важную роль в ситуации разрушения института семьи в его традиционной форме (например, в ситуации высокого уровня разводов) начинает играть передача ценностей и верований через поколение, т.е. влияние бабушек и дедушек на своих внуков²⁶⁶.

Этот канал передачи религиозных ценностей и убеждений (через поколение) также оказался очень значимым в советский период, поскольку быть верующим допускалось лишь представителям старшего поколения: «Сохранению и воспроизведению религиозности помогали глубокие семейные религиозные традиции, сохраняемые особенно в том случае, если возникал момент коммуникации самого молодого и самого старого поколений через голову занятых на работе и в общественной жизни атеистов-взрослых»²⁶⁷.

1.4.6. Влияние супругов

Одним из важных моментов в жизни человека, в которые актуализируются вопросы религии, является создание собственной семьи, супружество. В целом

²⁶⁴ Там же. — Р. 359—361.

²⁶⁵ *Безрогов, В. Г.* Между Сталиным и Христом : религиозная социализация детей в советской и постсоветской России (на материалах воспоминаний о детстве) // Антропологический форум. — 2006. — № 4. — С. 158.

²⁶⁶ *Bengtson, V. L. [et. al.]* A longitudinal study of the intergenerational ... ; *Sherkat, D. E.* Religious socialization and the family ...

²⁶⁷ *Безрогов, В. Г.* Между Сталиным и Христом ... — С. 151.

люди склонны выбирать супруга в рамках своей конфессии, а в ситуации, когда супруги относятся к разным конфессиям, высока вероятность, что один из них сменит религиозную принадлежность на религиозную принадлежность супруга. Существует т.н. «закон Грили» (“Greeley’s Law”), который описывает, в каком направлении происходит смена конфессии: «в связи с супружеством существует тенденция к религиозным изменениям, такая, что, по крайней мере, в рамках семьи гарантируется конфессиональная однородность. Изменения обычно происходят в направлении конфессии более религиозного партнера»²⁶⁸.

1.4.7. Влияние образования

Традиционно считается, что с повышением уровня образования уровень религиозности должен снижаться, поскольку наука дает альтернативные религиозным объяснения различных явлений, и научное и религиозное мировоззрения несовместимы. Многие исследования показывают, что уровень образования и религиозность действительно связаны обратной зависимостью: чем выше уровень образования, тем ниже религиозность²⁶⁹.

Однако существует ряд исследований, опровергающих это утверждение. Так, исследование Комиссии Карнеги, проведенное в США в 1969 г. (опрошены более 60 тыс. преподавателей вузов) показало, что уровень религиозности профессорско-преподавательского состава (т.е. людей наиболее образованных и в наибольшей степени связанных с наукой) достаточно высок: например, религиозными людьми считают себя, в зависимости от специальности, от 30% до 60%²⁷⁰. Интересным выводом данного исследования было найденное расхождение показателей религиозности в зависимости от специальности: представители естественных наук, а также математики и статистики оказались существенно более религиозными людьми, чем представители социальных наук — это может объясняться тем, что

²⁶⁸ Stark, R., Finke, R. Acts of faith : Explaining the human side of religion. — Berkeley : University of California Press, 2000. — P. 125.

²⁶⁹ Müller, T. S., De Graaf, N. D., Schmidt, P. Which societies provide ...

²⁷⁰ Stark, R., Finke, R. Acts of faith ... — P. 53.

многие теории в рамках социальных наук строились на основании опровержения религиозных идей и открыто противопоставляли себя религии²⁷¹.

Отдельное направление представляют исследования изменений, которые происходят со студентом за время обучения в вузе. Обзор таких исследований представлен в двухтомном мета-аналитическом труде Э. Паскареллы и П. Теренцини «Как вуз влияет на студентов». Исследования, проводившиеся до 1990 г. в большинстве случаев (хотя есть и ряд исключений) фиксировали снижение религиозности в связи с получением высшего образования²⁷², в то время как более современные исследования фиксируют прямую зависимость: во время обучения в вузе религиозность не снижается, а, наоборот, происходит усиление религиозных убеждений, уточнение и переосмысление религиозных верований²⁷³.

Среди российских работ прямую связь между уровнем образования и воцерковленностью православных верующих, измеряемой при помощи методики «В-индекс» В. Чесноковой²⁷⁴, фиксируют исследования Ю. Синелиной, которая строит типологию православных верующих на основании пяти ключевых показателей воцерковленности (посещение храма, причастие, молитва, пост, чтение Евангелия) и сравнивает социально-демографические характеристики полученных типологических групп («воцерковленные», «полувоцерковленные», «начинающие», «невоцерковленные», «нулевая группа»): «“Воцерковленные” православные — это группа с самыми сильными показателями воцерковленности. По социально-демографическим характеристикам она является ... самой образованной из всех типологических групп»²⁷⁵. Более ранние исследования с применением указанной методики фиксируют тот же эффект — доля респондентов с высшим образованием в группе воцерковленных православных, по сравнению с

---

²⁷¹ Там же.

²⁷² *Pascarella, E. T., Terenzini, P. T.* How college affects students : Findings and insights from twenty years of research. — San Francisco : Jossey-Bass, 1991. — P. 280—281.

²⁷³ *Pascarella, E. T., Terenzini, P. T.* How college affects students : A third decade of research. — San Francisco : Jossey-Bass, 2005. — P. 284—285.

²⁷⁴ Чеснокова, В. Ф. Тесным путем ...

²⁷⁵ Синелина, Ю. Ю. О динамике религиозности россиян ... — С. 112—113.

другими группами (менее воцерковленными, нерелигиозными), наиболее высока²⁷⁶.

1.4.8. Влияние друзей

Друзья также являются важными агентами социализации. Так, Э. Адамчик, проанализировав результаты «Национального лонгитюдного исследования здоровья подростков» (National Longitudinal Study of Adolescent Health), проведенного в США в 1995 г., показала, что высокая религиозность ближайших друзей, обучающихся в той же школе, заметно усиливает отрицательную связь между собственной религиозностью подростка и отклоняющимся поведением (воровством)²⁷⁷.

1.4.9. Влияние религиозных организаций и институтов

Церковь как социальный институт, приходы и религиозные общины также являются агентами социализации. Способами передачи ценностей и норм при этом могут быть тексты либо участие в тех или иных практиках (напр., слушание проповеди, участие в богослужении, исповедь, участие во внебогослужебной жизни на приходе и др.).

Именно влияние данного типа агентов религиозной социализации мы рассматриваем в настоящем диссертационном исследовании.

1.5. Основные выводы

В первой главе были рассмотрены основные понятия, используемые в диссертации, в том числе: религиозность, базовые ценности, субъективные нормы, религиозная социализация. Были описаны подходы к операционализации этих понятий, а также результаты предыдущих исследований, изучавших связь религиозности с субъективными нормами и ценностями.

Существует два основных подхода, применяемые для операционализации индивидуальной религиозности в количественных исследованиях — многомерный

---

²⁷⁶ Синелина, Ю. Ю. Измерение религиозности населения ... — С. 36—37.

²⁷⁷ Adamczyk, A. Understanding delinquency with friendship group religious context // Social Science Quarterly. — 2012. — Vol. 93. — No. 2. — P. 482—505.

и иерархический. Религиозность в рамках многомерного подхода оценивается путем разложения на несколько ключевых измерений, в рамках иерархического подхода рассматривается два уровня — общая религиозность и частные проявления. В настоящей работе используется многомерный подход к операционализации религиозности. При выборе измерений мы опираемся на определение религии, данное Дюркгеймом, который выделяет в религии две основные составляющие — верования и ритуалы, а также дополнительную черту — принадлежность к церкви, которая позволяет отличить религию от магии. При выборе индикаторов для оценки указанных измерений мы опираемся на рекомендации Норрис и Инглхарта, которые показали, что для межстрановых исследований наиболее применимыми показателями являются частота посещения религиозных служб и важность Бога.

В настоящей работе рассматривается связь религиозности с базовыми ценностями, измеренными с помощью методики Ш. Шварца. Предыдущие исследования показывают, что по мере движения по ценностному кругу сила связи между религиозностью и ценностями изменяется по синусоиде. Так, наиболее тесная положительная связь наблюдается с ценностью Традиции, наиболее сильная отрицательная — с Гедонизмом. Умеренные положительные корреляции — с Конформностью, Благожелательностью и Безопасностью, умеренные отрицательные — с Риском-Новизной и Самостоятельностью. Связь с Универсализмом, Властью-богатством и Достижением теоретически может быть и отрицательной, и положительной, а может отсутствовать. В странах, где между Церковью и государством существуют напряженные отношения, религиозность в большей мере отрицательно связана с ценностями Власти и Достижения, менее положительно — с ценностями Конформности и Безопасности, и более положительно — с ценностями Универсализма. В целом, религиозные люди более склонны к ценностям Сохранения и Заботы о людях и природе, но при стабильном направлении связи сила связи различается в разных странах. Нами не было обнаружено работ, в которых объясняется такой эффект.

Объяснения межстрановых различий в силе связи религиозности и других показателей обнаруживаются при прочтении статей, рассматривающих связь религиозности с субъективными нормами. Предыдущие исследования показывают, что в целом высокий уровень религиозности связан с более традиционными субъективными нормами, однако сила связи в разных странах различна. Одна из гипотез, предлагаемых для объяснения такого эффекта, состоит в «эффекте дна», когда в странах с гомогенными субъективными нормами населения влияние любых факторов, а не только религиозности, должно быть слабее по сравнению со странами, где многообразие субъективных норм выше. Другое объяснение связано с содержанием теологии доминирующей в стране конфессии. Если религия предполагает веру в могущественного Бога, который интересуется жизнью человека, то связь религиозности с субъективными нормами должна быть сильнее. Третье предлагаемое объяснение связано с социальным контекстом в стране. Если человек живет в обществе, где религия является общепринятым основанием субъективных норм, то сила связи выше. Эта гипотеза — единственная из перечисленных, имеющая альтернативу, теоретически обоснованную возможность обратного эффекта — т.н. «эффект отбора» или «моральных стен вокруг морального сообщества», когда именно в социальном контексте, где религия маргинализована, субъективные нормы религиозных людей будут значительно отличаться от взглядов людей нерелигиозных, и религиозное сообщество будет прилагать больше усилий для передачи своих ценностей и норм последующим поколениям, поскольку общество в целом этой передачи не обеспечивает. Именно эта третья гипотеза послужит отправной точкой для анализа, описываемого в диссертации. Однако в отличие от предыдущих исследований мы рассмотрим другую характеристику религиозного социального контекста — уровень первичной религиозной социализации в стране.

1.6. Гипотезы исследования

Можно предположить, что для более религиозных людей характерны более традиционные субъективные нормы относительно вопросов начала и окончания

жизни, поскольку многие религии защищают именно такое отношение. Так, в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» читаем: «С древнейших времен Церковь рассматривает намеренное прерывание беременности (аборт) как тяжкий грех. Канонические правила приравнивают аборт к убийству. В основе такой оценки лежит убежденность в том, что зарождение человеческого существа является даром Божиим, поэтому с момента зачатия всякое посягательство на жизнь будущей человеческой личности преступно»²⁷⁸. В «Катехизисе Католической Церкви» находим: «Человеческая жизнь должна пользоваться уважением и защитой в абсолютной мере с момента зачатия. С первого же момента его существования за человеком должны быть признаны все права человеческой личности, среди которых — нерушимое право каждого невинного существа на жизнь»²⁷⁹. Различные протестантские деноминации различаются по степени строгости позиции по вопросу недопустимости абортов, поэтому в целом позицию протестантизма принято считать немного более либеральной.

Таким образом, мы формулируем первую гипотезу нашего исследования.

Гипотеза H1: Между религиозностью и субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни наблюдается значимая отрицательная связь. Люди, которые считают, что Бог важен в их жизни, в меньшей степени склонны оправдывать аборты, зачатие in-vitro, эвтаназию и самоубийство.

Изучая причины расхождения в результатах множества исследований взаимосвязи религиозности и правонарушений, проведенных в США, Старк²⁸⁰ предположил, что сила этой взаимосвязи изменяется в зависимости от религиозного социального контекста: она оказалась сильнее в тех регионах, где население в целом более религиозно. Это позволило ему сформулировать гипотезу о том, что религиозные люди следуют религиозным предписаниям только в

---

²⁷⁸ Основы социальной концепции ...

²⁷⁹ Катехизис Католической церкви ...

²⁸⁰ Stark, R. Religion as context ...

социальном контексте, где это принято большинством окружающих. По аналогии, мы можем сформулировать и нашу вторую гипотезу о том, что межстрановые различия в силе связи религиозности с субъективными нормами можно было бы объяснить вариациями уровня религиозности в той или иной стране. В тех странах, где населения более религиозно, и религиозным нормам принято следовать, мы ожидаем увидеть более высокую силу связи религиозности и изучаемых нами субъективных норм. В странах с низким уровнем религиозности населения в целом, где для большинства людей религия не является основанием их субъективных норм, религиозные люди также будут более подвержены другим социализирующим факторам, и связь должна быть более слабой. Результаты предыдущих межстрановых исследований свидетельствуют скорее в пользу этой гипотезы²⁸¹. Таким образом, мы формулируем вторую гипотезу нашего исследования, касающуюся причин межстрановых различий в силе связи между религиозностью и субъективными нормами.

Гипотеза H2.0: Между религиозностью и субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни связь сильнее в тех странах, где население в целом более религиозно, поскольку в таких обществах религия является легитимным основанием для ценностей и норм.

Можно также сформулировать альтернативную ей гипотезу «моральных стен вокруг морального сообщества», предложенную Шиперсом и соавторами (который в их исследовании не подтвердился) о том, что связь индивидуальной религиозности с вопросами морали сильнее в секуляризованных обществах, поскольку в таком социальном контексте религиозным людям приходится

---

²⁸¹ Adamczyk, A., Pitt, C. Shaping attitudes about homosexuality ... ; Bader, C. D., Finke, R. What does God require?... ; Corcoran, K. E., Pettinicchio, D., Robbins, B. Religion and the acceptability ... ; Finke, R., Adamczyk, A. Cross-national moral beliefs ... ; Kelley, J., De Graaf, N. D. National context, parental socialization ... ; Müller, T. S., De Graaf, N. D., Schmidt, P. Which societies provide ... ; Scheepers, P., Te Grotenhuis, M., Van Der Slik, F. Education, religiosity and moral attitudes... ; Verbakel, E., Jaspers, E. A Comparative study on permissiveness ...

защищать свои нормы и ценности от остального общества, заметно от них отличающегося²⁸².

Гипотеза H2.1: Между религиозностью и субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни связь сильнее в тех странах, где население в целом менее религиозно, поскольку в таких обществах религиозным людям приходится чаще обсуждать или обдумывать свои ценности и нормы, если предписываемые религией ценности и нормы отличаются от ценностей и норм окружающих нерелигиозных людей, и, соответственно, в таком социальном контексте выше необходимость в их утверждении и актуализации.

Научная новизна настоящего исследования – в том, что мы предлагаем дополнить объяснения различий в силе связи религиозности с субъективными нормами и ценностями с позиций воздействия социального контекста еще одним фактором. Мы полагаем, что характер (сила) взаимосвязи в значительной степени зависит от наличия или отсутствия первичной религиозной социализации²⁸³. Религия содержит определенный набор установок, норм и ценностей, которые передаются (приобретаются) в ходе социализации. Под первичной религиозной социализацией мы понимаем религиозное воспитание, полученное человеком в детстве, под вторичной — приход к вере (и соответствующие практики) в более позднем возрасте.

Поскольку именно первичная социализация оказывает наиболее значимое влияние на формирование норм и ценностей, мы рассматриваем ее как фактор, объясняющий отсутствие (или очень слабую) связь между религиозностью и ценностями в пост-социалистических странах, где ранняя религиозная социализация практически отсутствовала, и массовое обращение населения к

---

²⁸² Scheepers, P., Te Grotenhuis, M., Van Der Slik, F. Education, religiosity and moral attitudes ... — P. 161.

²⁸³ Снеговая, М. В. Влияние конфессиональной принадлежности на социально-экономические предпочтения и поведение религиозных респондентов (на примере Украины) : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 : защищена 27.10.2011. — М., 2011. — 193 с. ; Meulemann, H. Religiosity in Europe and in the two Germanies : The persistence of a special case — as revealed by the European Social Survey // Church and religion in contemporary Europe. Results from empirical and comparative research / G. Pickel, O. Müller (eds.). — Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. — P. — 35—48.

религии в последние десятилетия не повлекло соответствующего изменения ценностей и норм.

Таким образом, мы формулируем ряд гипотез относительно влияния религиозной социализации.

Одна из них представляет собой альтернативу нашей второй гипотезе о важности религиозного контекста, которая объясняет межстрановые различия по силе связи религиозности и субъективных норм относительно вопросов начала и окончания жизни. Вместо среднего уровня религиозности мы должны обратить внимание на страновой уровень первичной религиозной социализации. Именно уровень первичной религиозной социализации на уровне страны является своего рода «катализатором» для формирования взаимозависимости религиозности и приверженности нормам. Только в тех обществах, где работает социальный механизм передачи религиозных ценностей — первичная религиозная социализация, происходящая при посещении религиозных служб, будет наблюдаться существенная взаимосвязь религиозности с ценностно-нормативными показателями.

Гипотеза НЗ: Между религиозностью и субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни сильная связь наблюдается в странах, где высок уровень первичной религиозной социализации. В странах, где социальный механизм первичной религиозной социализации не работает, эта связь будет более слабой или отсутствующей.

Первичная религиозная социализация также может быть существенным фактором, влияющим на субъективные нормы, на индивидуальном уровне. Мы считаем, что если религия усвоена рано, то она может оказать существенное влияние на субъективные нормы относительно вопросов начала и окончания жизни. В случае отсутствия первичной религиозной социализации приверженность нормам успевает сформироваться раньше религиозности, и в дальнейшем лишь в редких случаях может изменяться (например, в ходе вторичной религиозной социализации, если человек воцерковляется во взрослом возрасте, что, однако не носит массового характера).

Гипотеза H4.0: Наличие первичной религиозной социализации влияет на субъективные нормы относительно вопросов начала и окончания жизни. Люди, посещавшие религиозные службы в детстве и подростковом возрасте, в меньшей степени склонны считать допустимыми аборты, зачатие in-vitro, эвтаназию и самоубийство.

Исследования показали, что в целом наличие в прошлом первичной религиозной социализации повышает частоту религиозных практик (в частности, частоту посещения религиозных служб) в настоящем²⁸⁴. В связи с этим, может быть сформулирована альтернативная гипотеза: первичная религиозная социализация на индивидуальном уровне будет оказывать лишь опосредованное религиозностью в настоящее время воздействие. В этом случае одновременное включение показателей индивидуальной религиозности и религиозной социализации в регрессионные модели приведет к получению статистически незначимого регрессионного коэффициента для наличия первичной религиозной социализации.

Гипотеза H4.1: Наличие первичной религиозной социализации оказывает лишь опосредованное влияние на субъективные нормы относительно вопросов начала и окончания жизни. Люди, посещавшие религиозные службы в детстве и подростковом возрасте, более склонны посещать церковные службы в настоящее время, вследствие чего они в меньшей степени склонны считать допустимыми аборты, зачатие in-vitro, эвтаназию и самоубийство.

Часто люди, которые приходят к вере во взрослом возрасте, достаточно болезненно переживают слом привычной системы ценностей и норм, и возникновение новой. Вследствие этого, новообращенные часто оказываются гораздо более строгими последователями религиозного учения, чем люди, имеющие продолжительный опыт церковной жизни, чья религиозная социализация

---

²⁸⁴ *Ruiter, S., Van Tubergen, F.* Religious attendance in cross-national perspective : A Multilevel analysis of 60 countries // *American Journal of Sociology*. — 2009. — Vol. 115. — No. 3. — P. 863—895 ; *Vaidyanathan, B.* Religious resources or differential returns? Early religious socialization and declining attendance in emerging adulthood // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 2011. — Vol. 50. — No. 2. — P. 366—387 ; *Vermeer, P., Janssen, J., De Hart, J.* Religious socialization and church attendance in the Netherlands from 1983 to 2007 : A panel study // *Social Compass*. — 2011. — Vol. 58. — No. 3. — P. 373—392.

органично проходила в раннем возрасте. Так называемый «эффект неопита» выражается в более строгом следовании предписываемым религией нормам, что может обусловить обратное влияние первичной религиозной социализации. Таким образом, мы формулируем гипотезу об эффекте взаимодействия первичной религиозной социализации и религиозности на индивидуальном уровне, или, другими словами, о различающемся эффекте разных сочетаний первичной и вторичной религиозной социализации.

Гипотеза H5: Отсутствие первичной религиозной социализации у религиозных людей влияет на субъективные нормы относительно вопросов начала и окончания жизни. Люди, не посещавшие религиозные службы в детстве и подростковом возрасте, придя к вере во взрослом возрасте, будут иметь более строгие субъективные нормы относительно абортов, зачатия in-vitro, эвтаназии и самоубийства, в меньшей степени будут склонны их оправдывать, что можно обозначить как «эффект неопита».

Глава 2. Методология, процедуры исследования и используемые базы данных

2.1. Методология межстрановых сравнительных исследований

В нашем исследовании используется методология сравнительного межстранового социального исследования на базе массовых опросов²⁸⁵.

В частности, эта методология подробно описана в монографии А. В. Андреевской «Сравнительные межстрановые исследования в социальных науках», которая дает следующее определение: «Когда мы имеем дело с исследованием, эмпирической основой которого являются данные массовых опросов, а единицей или объектом служит страна, мы говорим о сравнительном социальном межстрановом исследовании на базе опросов»²⁸⁶.

Можно выделить два подхода к определению сравнительного метода — широкий и узкий. В широком смысле сравнение — это общенаучный метод. Для того, чтобы сделать научный вывод о каком-либо объекте или предмете, необходимо сравнить его с другим объектом или предметом. Этот метод используется и в естественных, и в гуманитарных, и в социальных науках. С этой точки зрения любое научное исследование является сравнительным, поскольку для того, чтобы выделить какую-либо характеристику объекта, его необходимо отличить от другого объекта по каким-либо признакам, или же наоборот — найти какие-либо сходства с другим объектом. Именно в этом смысле Э. Дюркгейм

---

²⁸⁵ Андреевская, А. В. Межстрановые сравнительные исследования в социальных науках : методология, этапы развития, современное состояние // Мир России. — 2011. — № 3. — С. 125—154 ; Андреевская, А. В. Сравнительные межстрановые исследования в социальных науках: теория, методология, практика. — М. : Новый хронограф, 2014. — 516 с. ; Резаев, А. В., Стариков, В. С. Сравнительный анализ в социологии: уровни применения и концептуальные проблемы // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2012. — Т. 15. — № 4 (63). — С. 44—62 ; Резаев, А. В., Стариков, В. С., Трегубова, Н. Д. Сравнительная социология : общая характеристика и перспективы развития // Социологический журнал. — 2014. — № 2. — С. 89—113 ; *Comparative methodology : theory and practice in international social research* / E. Øyen (ed.). London: Sage, 1990. — 227 p. ; Ragin, C., Zaret, D. Theory and Method in Comparative Research: Two Strategies // *Social Forces*. 1983. Т. 61. Вып. 3. С. 731—754 Ragin, C., Zaret, D. Theory and method in comparative research : Two strategies // *Social Forces*. — 1983. — Vol. 61. — No. 3. — P. 731—754 ; Smelser, N. *Comparative methods in the social sciences*. — New Orleans : Quid Pro Books, 2013. — 270 p.

²⁸⁶ Андреевская, А. В. Сравнительные межстрановые исследования ... — С. 46.

упоминает о том, что «Сравнительная социология не является особой отраслью социологии; это сама социология, поскольку она перестает быть чисто описательной и стремится объяснять факты»²⁸⁷, а Н. Смелзер пишет: «Я не считаю “сравнительную социальную науку”, или изучение различающихся социальных единиц, независимым от всего остального социально-научного исследования»²⁸⁸. Эту позицию также ярко иллюстрирует высказывание Г.Е. Свонсона: «Невозможно представить себе мышление без сравнения»²⁸⁹.

В узком смысле сравнительное исследование — это особый вид социального исследования, которое представляет собой «изучение больших социальных объектов или макропроцессов по отношению друг к другу»²⁹⁰. Именно такое — более узкое понимание сравнительного исследования применяется в нашей работе.

Можно выделить два подхода к анализу этих «больших социальных объектов» — стран, культур, обществ. Некоторые ученые считают, что их необходимо рассматривать как уникальные целостные образования. В этом случае их невозможно сравнить между собой, поскольку каждая страна, каждая культура, каждое общество представляют собой уникальный сплав истории, культуры, географического положения, экономического развития и т.д. Таким образом, можно изучать только каждое отдельное общество как единое целое, сравнивать общества, страны, культуры невозможно вследствие их уникальности. Этот подход обозначается как «холистический», «качественный» или «ориентированный на кейсы» и противопоставляется «компонентному», «количественному», «ориентированному на переменные» подходу в сравнительных исследованиях, в рамках которого страны рассматриваются как носители определенных универсальных характеристик²⁹¹. Так, например, все страны характеризуются

---

²⁸⁷ Дюркгейм, Э. Метод социологии // Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост., послесл. и прим. А. Б. Гофмана. — М.: Канон, 1995. — С. 7—154.

²⁸⁸ Smelser, N. Comparative methods in the social sciences ... — P. 2.

²⁸⁹ Там же. — P. 3.

²⁹⁰ Андреевкова, А. В. Сравнительные межстрановые исследования ... — С. 25.

²⁹¹ Там же. — С. 33—38; Резаев, А. В., Стариков, В. С. Сравнительный анализ в социологии ... — С. 53—55; Резаев, А. В., Стариков, В. С., Трегубова, Н. Д. Сравнительная социология ... — С. 95—98; Ragin, C., Zaret, D. Theory and method in comparative research ...; Scheuch, E. K. The

определенным уровнем социально-экономического развития, которое можно измерить, в частности, уровнем ВВП на душу населения, Индексом человеческого развития или другими показателями. Отдельные страны могут характеризоваться разным уровнем ВВП, но логика построения этого показателя везде будет одинаковой, поэтому страны можно сравнить на основании этой переменной.

В диссертационном исследовании применяется второй — «ориентированный на переменные» подход, и основным макро-показателем, на основании которого мы будем проводить межстрановые сравнения, является уровень первичной религиозной социализации в стране.

Э. Шойх приводит четырехчастную классификацию сравнительных исследований, пересекая взгляд на общество (как неделимую уникальную целостность или же как набор переменных) с основной целью сравнения (таблица 1)²⁹².

Таблица 1. Классификация сравнительных исследований Э. Шойха по целям исследования

Цель сравнения	Взгляд на общество	
	Общество как неделимая уникальная целостность	Общество как набор переменных
Найти сходства	(1) Найти универсальные закономерности	(2) Показать универсальность гипотезы, ее обоснованность в разных контекстах
Показать различия	(3) Описать уникальные характеристики общества	(4) Определить пространственно-временные координаты феномена

Цель сравнения может состоять в том, чтобы показать различия либо найти сходства между единицами анализа, в то время как контекст (например, страна)

development of comparative research : Towards causal explanations // Comparative methodology: theory and practice in international social research / Øyen E. (ed.). London : Sage, 1990. — P. 19—37.
²⁹² Андреевская, А. В. Сравнительные межстрановые исследования ... — С. 37; Scheuch, E. K. The development of comparative research ... — P. 31.

может рассматриваться как некоторая целостная уникальная «реальность» или же как набор отдельных переменных. В частности, Шойх относит исследования мировых религий М. Вебера к третьему типу, а исследования Р. Инглхарта, которые демонстрируют связь между уровнем экономического развития страны и долей «постматериалистов» — к четвертому. Большинство сравнительных исследований, по мнению Шойха, можно отнести ко второму типу²⁹³.

Наше диссертационное исследование относится в классификации Шойха к четвертому типу — мы фокусируем внимание на различиях и выделяем переменную, которая позволяет классифицировать страны таким образом, чтобы объяснить эти различия.

С. Роккан строит классификацию сравнительных исследований на основании объекта сравнения. Он выделяет три основные группы объектов: страны, культуры, общества. Соответственно, в зависимости от объекта исследования можно выделить три типа сравнительных исследований²⁹⁴. Во-первых, это межстрановые исследования, где объектом сравнения являются страны, государства, имеющие определенные границы. Именно внутри стран обычно и строится выборка населения для участия в массовых социологических опросах. Во-вторых, это кросс-культурные исследования, где «объектом являются различные культуры вне зависимости от государственных границ»²⁹⁵, например, межэтнические исследования. Третий тип — социетальные сравнительные исследования, к которым «относятся те, где проводится изучение большой группы территориальных или культурных общностей от “примитивных” до “переходных” или “развитых”»²⁹⁶. По этой классификации настоящее диссертационное исследование относится скорее к первому типу — представляет собой межстрановое сравнительное исследование, в нем рассматриваются страны, принимавшие участие в Европейском социальном исследовании и Европейском исследовании ценностей. Тем не менее, мы делаем два исключения —

---

²⁹³ Scheuch, E. K. The development of comparative research ... — P. 32.

²⁹⁴ Андрееenkova, A. B. Сравнительные межстрановые исследования ... — С. 42—43.

²⁹⁵ Там же. — С. 43.

²⁹⁶ Там же.

рассматриваем отдельно Западную и Восточную Германию, а также Республику Кипр и Северный Кипр, поскольку по интересующим нас показателям эти регионы существенно различаются между собой (и выборки в Европейском исследовании ценностей были построены таким образом, чтобы иметь возможность отдельно рассматривать эти регионы), что приближает нас в некоторой степени ко второму типу в классификации по объектам исследования — кросс-культурным исследованиям.

Последнее основание для классификации сравнительных исследований, которое мы рассмотрим — это тип данных, используемых как эмпирическая основа для проводимого сравнения. А.В. Андреев выделяет четыре основных типа данных. Первый тип — это «данные, произведенные в процессе жизнедеятельности людей, общества, нации, страны — документы, картины, литература, мифы, юридические акты и т.п.»²⁹⁷. Второй тип представляют собой данные наблюдений и описаний, которые собирались обычно «не с целью сравнения, а, наоборот, с целью выявления и понимания индивидуальных черт и особенностей каждого общества»²⁹⁸. Третий тип — «смешанные» данные, которые часто применяются в качественном («ориентированном на кейсы») подходе к сравнительным исследованиям, включают в себя данные из разнообразных источников, обычно собираемые в рамках одной единицы наблюдения (страны) — «от данных экономической и демографической статистики до данных наблюдений, рассказов, мемуаров»²⁹⁹. Четвертый тип составляют данные статистики и массовых опросов, систематически собиравшиеся именно с целью сравнения. Для обеспечения сравнимости, они характеризуются высокой степенью формализации и стандартизации методов сбора информации³⁰⁰.

Межстрановые массовые социологические опросы населения — Европейское исследование ценностей и Европейское социальное исследование, на основании которых мы проводим анализ, относятся именно к этому — четвертому

---

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ Там же. — С. 44.

²⁹⁹ Там же. — С. 45.

³⁰⁰ Там же. — С. 46.

типу данных. Таким образом, мы применяем методологию сравнительного межстранового социального исследования на базе массовых опросов.

2.2. Базы данных, используемые в настоящем исследовании

В настоящее время имеется множество открытых источников данных социологических исследований, в которых присутствует тема религиозности. Среди крупнейших межстрановых исследовательских программ можно выделить «Всемирное исследование ценностей» (WVS, World Values Survey)³⁰¹, «Европейское исследование ценностей» (EVS, European Values Study)³⁰², «Европейское социальное исследование» (ESS, European Social Survey)³⁰³, «Международную программу социальных исследований» (ISSP, International Social Survey Program)³⁰⁴, «Религион монитор» (Religion Monitor)³⁰⁵ и др. Операционализация понятия «религиозность» в каких-то случаях более, в каких-то — менее подробная, однако в большинстве случаев достаточно подробно бывают представлены два измерения религиозности на индивидуальном уровне — верования и практики, также присутствуют показатели общей религиозности, включающие самоидентификацию с определенным вероисповеданием, оценку собственной религиозности, оценку важности религии или Бога в жизни человека, а также показатели религиозной социализации (истории) респондента.

Наибольшее разнообразие показателей религиозности мы находим в «Международной программе социальных исследований», и исследовании «Религион Монитор», однако здесь мало представлены другие переменные, интересные с точки зрения изучения взаимосвязи религиозности и других показателей. Этому недостатка лишено «Европейское исследование ценностей»,

---

³⁰¹ *World Values Survey* [Electronic resource]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения: 25.10.2017).

³⁰² *European Values Study* [Electronic resource]. URL: <http://www.europeanvaluesstudy.eu/> (дата обращения: 25.10.2017).

³⁰³ *European Social Survey* [Electronic resource]. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org> (дата обращения: 25.10.2017).

³⁰⁴ *International Social Survey Program* [Electronic resource]. URL: <http://www.issp.org/> (дата обращения: 25.10.2017).

³⁰⁵ *Religion Monitor* [Electronic resource]. URL: <https://www.bertelsmann-stiftung.de/en/our-projects/religion-monitor/> (дата обращения: 25.10.2017)

где к развернутой операционализации понятия «религиозность» добавляются возможности пересечения на множество других переменных.

В качестве информационной базы нашего анализа связи религиозности и субъективных норм относительно вопросов начала и окончания жизни выступает Европейское исследование ценностей (EVS — European Values Study) 2008 г., данные которого включают в себя информацию по большинству стран Европы (46 стран, 48 регионов). Массив данных содержит информацию о 67786 респондентах, однако каждый из видов анализа, которые мы проводим, ограничен теми респондентами, которые ответили на участвующие в анализе вопросы. Таким образом, уточненное количество респондентов мы будем указывать непосредственно в таблицах с результатами анализа.

Европейское исследование ценностей — это международное исследование, которое охватывает большинство европейских стран. Как следует из названия, исследование посвящено ценностям, присутствует и достаточно развернутый раздел, посвященный религии. На сегодняшний день доступны данные пяти волн: 1981, 1990, 1999, 2008 и 2018 гг. Состав стран варьирует в зависимости от волны исследования, Россия принимает участие начиная со второй волны. Это одно из первых сравнительных исследований, что позволяет, с одной стороны, задействовать в анализе значительные временные интервалы и фиксировать происходящие в странах изменения, однако с другой стороны — это связано с определенными проблемами методического характера. Так, формулировки некоторых вопросов со временем устаревают, но для обеспечения сопоставимости данных их необходимо сохранять с максимально возможной точностью, что, очевидно, связано с определенными трудностями.

Европейское социальное исследование выделяется среди других межстрановых исследований методической выверенностью и прозрачностью, в нем задействована обширная сеть исследователей, занимающихся именно методической работой. На сайте данного исследования доступен сборник текстов, в которых приводятся основания для операционализации основных понятий и

выбора вопросов, используемых в исследовании³⁰⁶. Европейское социальное исследование проводилось всего в 36-ти странах (число стран зависит от раунда), Анкета исследования состоит из двух модулей: постоянного и изменяемого, постоянный модуль включает в себя раздел по религии. Европейское социальное исследование проводится с 2002 г. один раз в два года, в настоящее время доступны данные девяти раундов. В рамках Европейского социального исследования была проведена большая работа по сопоставлению вопросников на разных языках и приведению их к единому стандарту, однако здесь, по сравнению с другими исследованиями, ограничен набор вопросов о религиозности, доступных для анализа — здесь присутствуют только показатели общей религиозности и религиозные практики, в то время как религиозные верования в анкете не представлены.

В качестве информационной базы нашего анализа связи религиозности и базовых ценностей используются данные Европейского социального исследования 2010 г. и 2012 г., однако в нем отсутствует вопрос о ранней религиозной социализации. Тем не менее, поскольку такой вопрос задавался в Европейском исследовании ценностей, в моделях мы можем одновременно опереться на данные обоих указанных исследований: данные Европейского социального исследования мы применяем на уровне индивидов, а данные Европейского исследования ценностей — на уровне стран. В межстрановой анализ мы включаем все страны, присутствовавшие в Европейском социальном исследовании 2010 г., кроме Израиля, а также делим Германию на две части: Западную и Восточную.

Для анализа связи базовых ценностей и религиозности в России, помимо данных Европейского социального исследования 2012 г., используются данные исследования «Ортодокс монитор»³⁰⁷, проведенного при участии автора. Это

---

³⁰⁶ *Billiet, J.* Proposal for questions on religious identity [Electronic resource] // European Social Survey core questionnaire development. Chapter 9. — [S. 1.], 2002. P. 339—383. URL: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/core_ess_questionnaire/ESS_core_questionnaire_religious_identity.pdf (дата обращения: 25.10.2017).

³⁰⁷ *Orthodox Monitor* [Electronic resource]. URL: <http://socrel.pstgu.ru/RU/grants/orthodoxmonitor> (дата обращения: 25.10.2017).

исследование — социологический опрос, направленный на изучение влияния религии на ценности и практики в различных сферах жизни (семья, гражданская и политическая вовлеченность и др.), а также нацеленный на изучение отношения населения к различным церковным инициативам (в сфере образования, культуры, здравоохранения, социальной работы и др.). Методология исследования разработана в рамках исследовательского семинара «Социология религии» в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете как ответ на существенные проблемы, возникающие в современных исследованиях религиозности в странах, прошедших форсированную секуляризацию. Всероссийские опросы проводились Институтом фонда «Общественное мнение» в течение 2011-2012 гг. Исследование «Ортодокс монитор» включает в себя два типа выборки. Первые два опроса (декабрь 2011 г. и ноябрь 2012 г.) проводились по всероссийской выборке населения в целом, генеральная совокупность — городское и сельское население РФ в возрасте от 18 лет и старше (по 1500 респондентов). Третий опрос (декабрь 2012 г.) — исследование воцерковленной части населения в возрасте от 18 лет и старше, которые относят себя к православному вероисповеданию, исповедуются и причащаются не реже трех раз в год (806 респондентов). Во всех случаях использовалась многоступенчатая стратифицированная территориальная случайная выборка. Метод сбора информации — формализованное личное интервью в режиме «face-to-face» по месту жительства респондентов. Результаты, описываемые в настоящем диссертационном исследовании, были получены в ходе третьего опроса — репрезентативного исследования воцерковленных православных россиян.

В таблице 2 представлены показатели религиозности, доступные в рамках исследований, на основании которых проводится наш дальнейший анализ.

Таблица 2. Операционализация понятия «религиозность» в рамках межстрановых сравнительных исследований

Показатели		ISSP	EVS	WVS	ESS
<i>Общая религиозность</i>					
Самоидентификация респондента с определенным вероисповеданием		+	+	+	+
Оценка собственной религиозности		+	+	+	+
Важность религии	важность религии		+	+	
	важность Бога		+	+	
Религиозная социализация	вероисповедание родителей	+			
	вероисповедание супруга(и)	+			
	посещение религиозных служб родителями респондента в 11-12 лет	+			
	посещение религиозных служб респондентом в 11-12 лет	+	+		
<i>Частные проявления религиозности</i>					
Религиозные верования	вера в Бога	+	+	+*	
	в жизнь после смерти	+	+	+*	
	в существование рая	+	+	+*	
	в существование ада	+	+	+*	
	в религиозные чудеса	+			
	в переселение душ (реинкарнацию)	+	+		
	в нирвану	+			
	в то, что умершие предки обладают способностью влиять на живущих	+			
	в существование дьявола	+			
	в существование ангелов	+			
	в сглаз, порчу	+			
	в амулеты / талисманы	+	+		
	в предвидение будущего	+			
	в духовных целителей	+			
в существование греха		+			
Религиозные практики / поведение	молитва	+	+	+	+
	посещение религиозных служб	+	+	+	+
	участие в деятельности религиозной общины / организации / церкви	+		+	
	наличие предметов религиозного культа	+			
	посещение святых мест с религиозными целями	+			
	соблюдение поста	+			
	общение с Богом без церкви	+	+		

Как уже отмечалось, важным вопросом при сопоставлении данных различных исследований является влияние формулировки вопроса на ответы респондентов. Анализ подобного рода проводился П. Брешоном, однако был ограничен вопросами общей религиозности. В статье «Измерение конфессиональной принадлежности и непринадлежности в основных европейских исследованиях»³⁰⁸ сравниваются ответы на вопрос о вероисповедании, полученные в ходе Европейского исследования ценностей (1999 г.), Международной программы социальных исследований (1999 г.) и Европейского социального исследования (2003 г.). По результатам П. Брешена, формулировка вопроса о вероисповедании с фильтром в Европейском исследовании ценностей³⁰⁹ дает чуть меньший процент верующих во многих европейских странах, чем формулировка без фильтра, используемая в Международной программе социальных исследований.

2.3. Операционализация индивидуальных базовых ценностей

Согласно методике Ш. Шварца, которая применяется в настоящем исследовании, респондентам предъявляется набор описаний некоторого человека (всего 21 описание) и предлагается оценить, насколько такой человек похож на респондента с вариантами ответа: 1) очень похож на меня, 2) в значительной степени похож на меня, 3) немного похож на меня, 4) совсем чуть-чуть похож на меня, 5) не похож на меня, 6) совсем не похож на меня, 7) затрудняюсь ответить.

Измеряемые таким образом базовые ценности образуют круговую структуру и могут быть объединены в ценностные индексы более высокого уровня обобщения: на втором уровне могут быть выделены 10 ценностей: ценности Безопасности, Конформности, Традиции, Самостоятельности, Риска-Новизны, Гедонизма, Достижения и Власти-богатства, Благожелательности и Универсализма. Ценности второго уровня, в свою очередь, образуют четыре

³⁰⁸ Brechon, P. The measuring of confessional membership ...

³⁰⁹ Вопрос-фильтр звучит следующим образом: «Исповедуете ли вы какую-либо религию?». В том случае, если респондент отвечает «да», его спрашивают: «Какую религию вы исповедуете?».

ценностных индекса третьего уровня: Открытость изменениям, Сохранение, Забота о людях и природе³¹⁰, Самоутверждение.

В настоящей работе используется применяемая в рамках Европейского социального исследования модификация Портретного ценностного вопросника (PVQ — Portrait Values Questionnaire) Ш. Шварца³¹¹, включающая 21 описание (таблица 3). При этом межстрановые сравнения проводятся на основании ценностных индексов третьего уровня, а ценностные индексы второго уровня анализируются только на основании данных по России, поэтому мы используем десять ценностных индексов, что обоснованно для внутривосточных исследований.

Таблица 3. Формулировки вопросов Портретного ценностного вопросника Ш. Шварца, используемые в анкете Европейского социального исследования

Ценностные индексы третьего уровня	Ценностные индексы второго уровня	Формулировки вопросов
Открытость изменениям (Openness to Change)	Самостоятельность (Self-Direction)	Для него важно придумывать новое и подходить ко всему творчески. Ему нравится делать все по-своему, своим оригинальным способом.
		Для него важно самому принимать решения о том, что и как делать. Ему нравится быть свободным и не зависеть от других.
	Риск-Новизна (Stimulation)	Ему нравятся неожиданности, он всегда старается найти для себя новые занятия. Он считает, что в жизни важно попробовать много разного.
		Он ищет приключений, и ему нравится рисковать. Он хочет жить полной событиями жизнью.
Гедонизм (Hedonism)	Для него важно хорошо проводить время. Ему нравится себя баловать.	

³¹⁰ Также название данного ценностного индекса (Self-Transcendence) может быть переведено как «Самопреодоление» — такой перевод используют Шварц и соавт., однако перевод «Забота о людях и природе», предложенный В. Магуном и М. Рудневым, точнее отражает заложенный в факторе смысл.

³¹¹ *Schwartz, S. H. A proposal for measuring ...*

Ценностные индексы третьего уровня	Ценностные индексы второго уровня	Формулировки вопросов
		Он ищет любую возможность повеселиться. Для него важно заниматься тем, что доставляет ему удовольствие.
Сохранение (Conservation)	Безопасность (Security)	Для него важно жить в безопасном окружении. Он избегает всего, что может угрожать его безопасности.
		Для него важно, чтобы государство обеспечивало его безопасность во всех отношениях. Он хочет, чтобы государство было сильным и могло защитить своих граждан.
	Конформность (Conformity)	Он убеждён, что люди должны делать то, что им говорят. Он считает, что люди должны всегда следовать правилам, даже если никто за этим не следит.
		Для него важно всегда вести себя правильно. Он старается не совершать поступков, которые другие люди могли бы осудить.
	Традиция (Tradition)	Для него важно быть простым и скромным. Он старается не привлекать к себе внимание.
		Он ценит традиции. Он старается следовать религиозным и семейным обычаям.
Самоутверждение (Self-Enhancement)	Достижение (Achievement)	Для него важно показать свои способности. Он хочет, чтобы люди восхищались тем, что он делает
		Для него важно быть очень успешным. Он надеется, что люди признают его достижения
	Власть-Богатство (Power)	Для него важно быть богатым. Он хочет, чтобы у него было много денег и дорогих вещей
		Для него важно, чтобы его уважали. Он хочет, чтобы люди делали так, как он скажет

Ценностные индексы третьего уровня	Ценностные индексы второго уровня	Формулировки вопросов
Забота о людях и природе / Самопреодоление (Self-Transcendence)	Благожелательность (Benevolence)	Для него очень важно помогать окружающим людям. Ему хочется заботиться об их благополучии
		Для него важно быть верным своим друзьям. Он хотел бы посвятить себя близким людям
	Универсализм (Universalism)	Для него важно, чтобы с каждым человеком в мире обращались одинаково. Он убежден, что у всех должны быть равные возможности в жизни
		Для него важно выслушивать мнение других, отличающихся от него людей. Даже когда он с ними не согласен, он все равно хочет понять их точку зрения
		Он твердо верит, что люди должны беречь природу. Для него важно заботиться об окружающей среде

2.4. Показатели религиозной социализации

Агентами религиозной социализации могут быть: семья (родители передают свои ценности и субъективные нормы детям, дети, вырастая, оказывают влияние на ценности стареющих родителей, супруги в значительной мере влияют друг на друга), социальные сети друзей и родственников, система образования, а также церковь и другие религиозные организации.

В нашей работе мы ограничиваемся изучением влияния лишь одного из агентов социализации — религиозных организаций и институтов, в дальнейшем этот подход может быть расширен путем включения в анализ влияния других агентов социализации.

2.4.1. Первичная и вторичная религиозная социализация

Многие исследования показывают, что наиболее сильны, т.е. действенны процессы *первичной религиозной социализации*, т.е. религиозное воспитание, полученное человеком в детстве, в то время как с течением времени влияние

агентов социализации должно ослабевать, с одной стороны — вследствие снижения интенсивности влияния основного социализирующего агента — семьи (снижения зависимости ребенка от родителей), с другой стороны — поскольку система ценностей человека к определенному возрасту оказывается сформированной и лишь в слабой степени поддается какому-либо изменению на последующих этапах жизни.

Анализируя асимметрию, неравноценность светской и религиозной культуры в современном обществе, С. Лебедев подчеркивает важность данного параметра: «Если фундаментальные основы светской культуры современный человек усваивает буквально “с молоком матери”, то инкультурация основ религиозной культуры — в том случае, если это состоится — происходит гораздо позже, в процессе “вторичной социализации”»³¹².

В Европейском исследовании ценностей первичная религиозная социализация операционализируется при помощи вопроса: «Не считая венчаний, похорон и крещений, как часто Вы посещали религиозные службы, когда Вам было 12 лет?» (чаще, чем раз в неделю; раз в неделю; раз в месяц; по особым религиозным праздникам; раз в год; реже, чем раз в год; никогда, почти никогда; затрудняюсь ответить). Первые три категории мы объединяем в ходе анализа. Возраст 11-12 лет является важной границей в теориях развития личности (напр. Ж. Пиаже³¹³). Вторичная религиозная социализация или, соответственно, ресоциализация — явление, связанное с существенными изменениями образа жизни, также привлекла внимание исследователей и изучалась в рамках понятия религиозной конверсии (обращения)³¹⁴.

---

³¹² Лебедев, С. Д. Две культуры : религия в российском светском образовании на рубеже XX—XXI веков. — Белгород : Изд-во БелГУ, 2005. — С. 55.

³¹³ Пиаже Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология. — М. : Просвещение, 1969. — 659 с.

³¹⁴ Ипатов, Л. П. Типы религиозного обращения в православие женщин в современной России : дис. ... канд. социол. наук : защищена 22.00.06. — М., 2006. — 178 с. ; Уфимцева, Е. И. Особенности воцерковления в оценках православной молодежи // Социологические исследования. — 2013. — № 1. — С. 127—134.

В российской традиции изучения конверсии задействуется понятие «воцерковленность», которое тесно связано с изменением образа жизни, поведения, практик верующего человека в связи с обращением в православие, и, соответственно, принятием определенной системы верований: «Воцерковление — это добровольное признание человеком влияния Церкви через усвоение установленного в ней образа жизни и образа мыслей»³¹⁵.

Одна из важнейших характеристик, отличающих воцерковленных православных — это регулярное причащение. Причастие в православии предполагает довольно серьезную подготовку, пост и исповедь. Человек производит попытку переосмыслить свои взгляды, ценности, изменить поведение. Если это происходит с определенной регулярностью, это может приводить к постепенному изменению базовых ценностей, обусловленному религиозностью. Таким образом, в качестве показателя, свидетельствующего о вторичной религиозной социализации, при анализе данных по России мы используем частоту исповеди и причастия. Этот вопрос редко задается в массовых социологических опросах в России, в международных же исследованиях он отсутствует. В исследовании Ортодокс Монитор используется следующая формулировка: «Как часто Вы исповедуетесь и причащаетесь?» (один раз в неделю или чаще; два-три раза в месяц; один раз в месяц; более четырёх раз в год, но реже, чем раз в месяц; три-четыре раза в год; два раза в год; один раз в год; реже одного раза в год; никогда / практически никогда; затрудняюсь ответить).

2.4.2. Режимы социализации

Существуют исследования, которые показывают, что национальный контекст, включающий социальные сети друзей и родственников, религиозность окружающих, возможности нахождения супруга в рамках своей конфессии и т.п. оказывает существенное социализирующее воздействие сам по себе: если человек родился в стране, где большинство населения религиозно, то его родителям приходится прикладывать меньше усилий для того, чтобы дать своему ребенку

---

³¹⁵ Чеснокова, В. Ф. Тесным путем ... — С. 18.

религиозное воспитание, привить религиозные ценности. Верно и обратное: если родители нерелигиозны, им легче оградить ребенка от религиозного влияния в национальном контексте, где религиозность присутствует лишь в слабовыраженной форме³¹⁶.

Т. Мюллер, Н.Д. де Грааф и П. Шмидт показали, что этот эффект наиболее силен для протестантских стран и практически не заметен для католических, объясняя это различие (со ссылкой на Г. Ленски и ряд других авторов) тем, что католики и протестанты в разной степени полагаются в религиозном воспитании на выходящие за рамки семьи социальные сети, соответственно, по-разному их выстраивая³¹⁷.

Рассматривая вопрос о влиянии социальных изменений на характер религиозности в современном мире, Т. Лукман обращается к социальным механизмам, объясняющим происходящие сдвиги. Он пишет о возрастающей несогласованности индивидуальных систем «предельных» значений (systems of “ultimate” significance) — мировоззрения человека и «официальной» модели религии, которая поддерживается институтом Церкви. Одним из ключевых факторов, определяющих степень согласованности или расхождения, являются характеристики процесса религиозной социализации новых поколений³¹⁸. Так, например, если в обществе происходят изменения, и меняется повседневная жизнь индивидов, разрыв постепенно увеличивается, однако в ситуации, когда социализация в раннем возрасте обеспечивается «официальной» церковью, то каждому новому поколению прививаются традиционные ценности и мировоззрение, а с изменившимися реалиями жизни эти дети сталкиваются лишь позже, когда их система ценностей и представления о мире уже сформировались.

---

³¹⁶ Kelley, J., De Graaf, N. D. National context, parental socialization ... ; Müller, T. S., De Graaf, N. D., Schmidt, P. Which societies provide ...

³¹⁷ Müller, T. S., De Graaf, N. D., Schmidt, P. Which societies provide ...

³¹⁸ Необходимо отметить, что сам Лукман не употребляет термин «религиозная социализация», он пишет о «социализации в религию» (socialization into religion), имея в виду интернализацию индивидом ценностей и видения мира, присущего определенной («официальной») религии. Таким образом, понятие религиозной социализации оказывается несколько шире, чем значение указанного термина у Лукмана, однако достаточно близко к нему по смыслу.

Соответственно, это замедляет процессы расхождения между «официальной» моделью религии и индивидуальными системами «предельных» значений³¹⁹.

Понятие «диффузной религии», введенное Р. Чиприани, также близко применяемому нами подходу. Анализируя религиозную ситуацию в Италии, Чиприани приходит к выводу, что, несмотря на снижение церковной религиозности (которую можно, например, фиксировать по частоте посещения религиозных служб), религия как бы пропитывает все сферы жизни итальянского общества и продолжает играть важную роль в формировании определенного ценностного фона и ориентиров для действия. Для описания такой ситуации Чиприани вводит понятие «диффузная религия»: оно «относится к гражданам, которые ... далеко не полностью покорны предписаниям Католической иерархии, но которые, с другой стороны, отказываются полностью отвергать определенные базовые принципы, представляющие собой часть системы ценностей, поддерживаемой католицизмом»³²⁰.

Религиозность такого рода представляет собой феномен, значительно менее поддающийся прямому измерению при помощи привычных количественных показателей (принадлежность к определенному вероисповеданию, религиозные верования или практики), применяемых в массовых социологических опросах, поскольку «выражается не в привычной религии в рамках Церкви, а в непрерывной переориентации установок и поведения в связи с различными обстоятельствами повседневной жизни: моральными, политическими, экономическими или юридическими»³²¹.

Чиприани рассуждает об изменениях социальной формы религии *на уровне индивида*. Мы же предлагаем перейти на уровень социальной среды, социального контекста, который задается изменившимся режимом религиозной социализации членов того или иного общества в целом.

---

³¹⁹ Luckmann, T. *The invisible religion : The problem of religion in modern society*. — New York : The MacMillan Company, 1967. — P. 83—84.

³²⁰ Cipriani, R. "Diffused religion" and new values in Italy // *The changing face of religion* / J. A. Beckford, T. Luckmann (eds.). — London : Sage Publications, 1988. — P. 24—48.

³²¹ Там же. — P. 29.

В нашем исследовании уровень первичной религиозной социализации на уровне страны является важной переменной макро-уровня. На основании данных Европейского исследования ценностей на уровне страны этот показатель измеряется как доля населения, посещавшего религиозные службы в возрасте 12 лет 1 раз в месяц или чаще.

2.5. Методы анализа данных, применяемые в исследовании

В исследовании проводится многомерный статистический анализ результатов массовых социологических опросов с применением различных методов анализа социологических данных: линейного и многоуровневого регрессионного анализа, корреляционного анализа, анализа линейных распределений и таблиц сопряженности, применяются различные критерии проверки статистических гипотез и др. Анализ данных проводится при помощи программного обеспечения IBM SPSS 24.

Ряд моделей, описываемых в третьей главе диссертации, строятся при помощи многоуровневого регрессионного анализа³²². Рассмотрим этот метод подробнее.

Многоуровневый регрессионный анализ предназначен для анализа данных, имеющих иерархическую структуру. Он позволяет включать в регрессионную модель данные на нескольких уровнях одновременно. Данные межстрановых опросов, представляющие базу для нашего анализа, содержат два уровня: индивидуальный и уровень страны (региона). Индивидуальный уровень представлен ответами отдельных респондентов на вопросы анкеты. На уровне страны мы агрегируем индивидуальные ответы, чтобы получить характеристики социального контекста³²³ в стране.

---

³²² *Handbook of multilevel analysis* / J. de Leeuw, E. Meijer (eds.). New York, NY : Springer, 2008. — 493 p. ; *Hox, J. J. Multilevel analysis : techniques and applications*. — New York : Routledge, Taylor & Francis, 2010. — 382 p. ; *Snijders, T. A. B., Bosker, R. J. Multilevel analysis : An introduction to basic and advanced multilevel modeling*. — Los Angeles, CA : Sage, 2012. — 354 p.

³²³ Помимо агрегированных данных опросов в многоуровневых моделях на уровне стран могут применяться данные государственной статистики, различные показатели социально-экономического развития страны и т.д.

Расчеты многоуровневых регрессионных моделей проводились при помощи программы HLM 7 (Hierarchical Linear and Nonlinear Modeling). Метод: Restricted Maximum Likelihood; Cross-Level-Interaction Model.

Существует ряд особенностей вычисления показателя качества модели в многоуровневой регрессии. В настоящей работе псевдо-R² для двухуровневых регрессионных моделей с варьирующим углом наклона рассчитывался по упрощенной формуле Снайдерса и Боскера³²⁴.

Формулы для расчета R²:

R² на первом (индивидуальном) уровне:

$$R_1^2 = 1 - \frac{\hat{\sigma}^2 + \hat{\tau}_{00}}{\hat{\sigma}_A^2 + \hat{\tau}_{00,A}} \quad (1)$$

R² на втором уровне (уровне стран):

$$R_2^2 = 1 - \frac{\left(\hat{\sigma}^2 / \left(N / \sum_{j=1}^J \frac{1}{n_j}\right)\right) + \hat{\tau}_{00}}{\left(\hat{\sigma}_A^2 / \left(N / \sum_{j=1}^J \frac{1}{n_j}\right)\right) + \hat{\tau}_{00,A}} \quad (2)$$

где:

$\hat{\sigma}_A^2$ и $\hat{\tau}_{00,A}$ — компоненты дисперсии для модели без предикторов (ANOVA)

$\hat{\sigma}^2$ и $\hat{\tau}_{00}$ — компоненты дисперсии для многоуровневой модели со всеми предикторами, с варьирующей константой, но без варьирующих углов наклона

N — количество групп второго уровня (стран)

n_j — количество респондентов в j-й стране

$\sum_{j=1}^J \frac{1}{n_j}$ — гармоническое среднее размера групп второго уровня (количества респондентов в разных странах)

³²⁴ Snijders, T. A. B., Bosker, R. J. Modeled variance in two-level models // Sociological Methods & Research. — 1994. — Vol. 22. — No. 3. — P. 342—363 ; Snijders, T. A. B., Bosker, R. J. Multilevel analysis ... — P. 113—114.

Глава 3. Связь религиозности с базовыми ценностями и субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни: результаты анализа

3.1. Связь религиозности и субъективных норм относительно вопросов начала и окончания жизни

В качестве информационной базы нашего анализа выступает Европейское исследование ценностей (EVS — European Values Study) 2008 г. Данные этого международного сравнительного исследования включают в себя информацию по большинству стран Европы (46 стран, 48 регионов).

В Европейском исследовании ценностей 2008 г. вопрос о субъективных нормах относительно вопросов начала и окончания жизни задавался респондентам в следующей формулировке: «Используя шкалу на этой карте, скажите мне относительно каждого утверждения, которые я буду зачитывать, может ли это всегда быть оправдано («1»), никогда не может быть оправдано («10») или Ваше мнение лежит между этими оценками»:

- самоубийство,
- эвтаназия,
- аборт,
- искусственное оплодотворение или оплодотворение вне организма матери).

Мы рассматриваем все указанные субъективные нормы отдельно, а также объединяем их в обобщенный индекс при помощи суммирования, а затем нормируем таким образом, чтобы значения индекса изменялись в пределах от «0» до «1». Аналогичную подготовку — приведение шкалы в пределы от «0» до «1», позволяющую более легко интерпретировать полученные показатели, мы проводим и с отдельными показателями субъективных норм.

Отношение к каждому из указанных вопросов в значительной мере коррелирует со всеми остальными и образует внутренне согласованный феномен (альфа Кронбаха 0,73).

Более высокие значения как обобщенного индекса, так и отдельных показателей, соответствуют более разрешительному отношению к самоубийству, эвтаназии, аборту, искусственному оплодотворению или оплодотворению вне организма матери, в то время как низкие значения соответствуют более традиционным, консервативным субъективным нормам.

Мы считаем, что обобщенный индекс субъективных норм представляет собой хороший способ измерения латентного фактора традиционализма-модерности в вопросах начала и окончания жизни, стоящий за каждым отдельным компонентом индекса, поскольку помогает снизить влияние систематических смещений в некоторых странах, вызванных специфическим отношением к одному или нескольким из указанных вопросов, которое может быть обусловлено, например, культурными и историческими особенностями тех или иных стран, наличием общественных движений соответствующей направленности, освещением указанных вопросов в СМИ, наличием законов, связанных с запретом или, наоборот, с легализацией эвтаназии, абортов, искусственного оплодотворения, а также с другими факторами.

3.1.1. Субъективные нормы на вопросы начала и окончания жизни в России и европейских странах

Дисперсионный анализ свидетельствует о том, что европейские страны в значительной степени различаются по уровню традиционности субъективных норм относительно вопросов начала и окончания жизни (таблица 4).

Наиболее разрешительные субъективные нормы характеризуют скандинавские и западноевропейские страны (рисунок 2): Швецию, Данию, Францию, Финляндию, Норвегию, Нидерланды, Исландию, Бельгию, Люксембург. Наиболее традиционны Косово, Мальта, Азербайджан, Турция, Молдавия, Грузия, Армения, Кипр. Россия находится в середине списка. По уровню традиционализма субъективных норм она занимает 25-е место в списке из 48 регионов, 17 стран значительно опережают Россию и столько же — значительно отстают от нее по этому

параметру. Различия с Россией незначимы³²⁵ для Эстонии, Греции, Португалии, Словакии, Литвы, Латвии, Венгрии, Австрии, Италии, Северной Ирландии, Западной Германии, Хорватии и Черногории³²⁶.

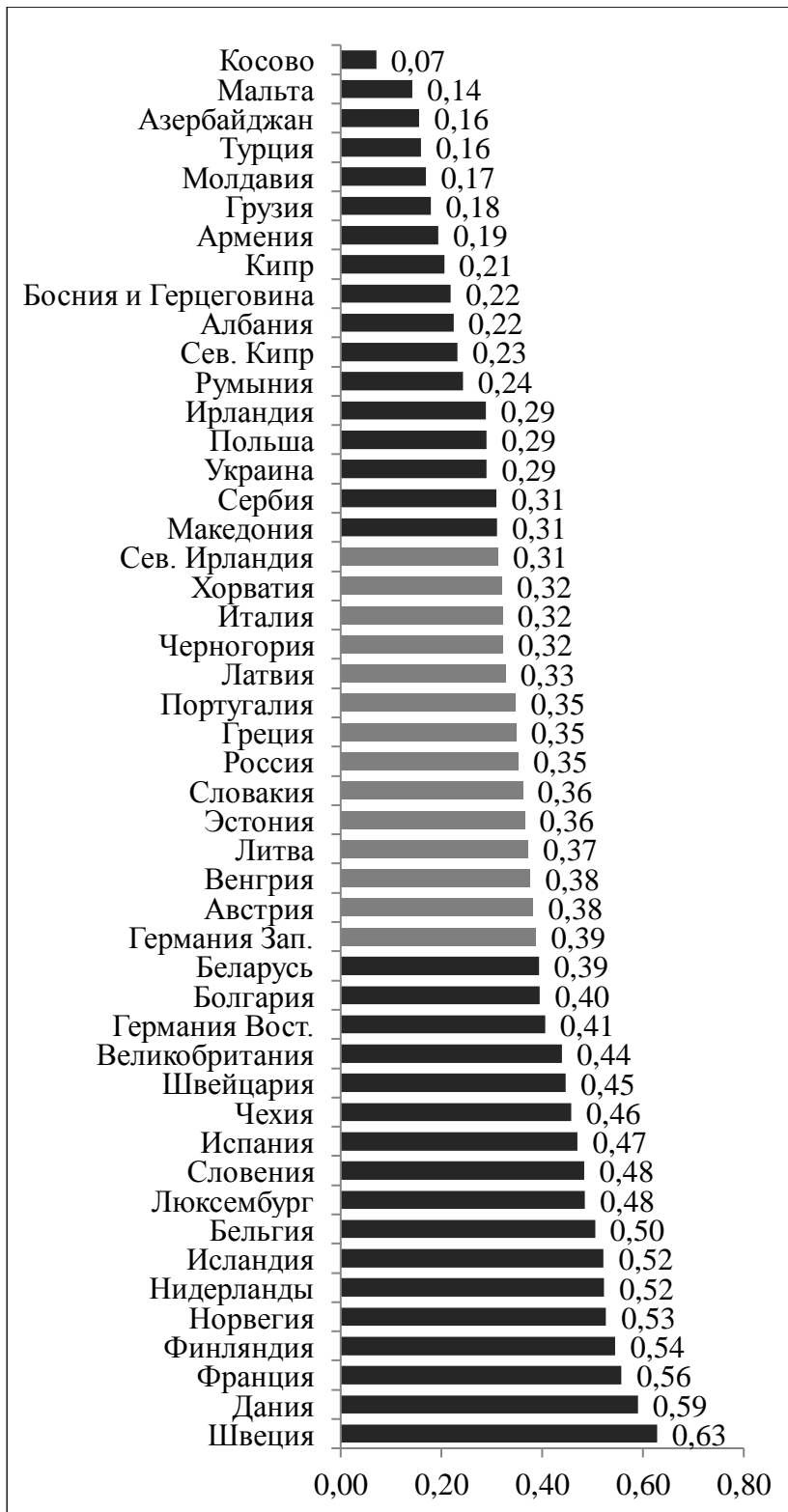
Таблица 4. Дисперсионный анализ: межстрановые различия субъективных норм относительно вопросов начала и окончания жизни

Субъективные нормы	F
Индекс субъективных норм	477***
Аборт	370***
Эвтаназия	335***
Самоубийство	256***
Зачатие in-vitro	262***

*** $p \leq 0,001$.

³²⁵ Для определения статистической значимости различий между всеми странами попарно использовался критерий Тамхена, $p > 0,1$.

³²⁶ На рисунке 2 столбцы диаграммы для этих стран выделены серым цветом.

Рисунок 2. Средние значения индекса субъективных норм относительно вопросов начала и окончания жизни в 48 европейских регионах

3.1.2. Религиозность и субъективные нормы относительно вопросов начала и окончания жизни в целом и в отдельных странах

Мы предполагаем, что для более религиозных людей характерны более традиционные субъективные нормы относительно вопросов начала и окончания жизни, поскольку многие религии воспитывают именно такие субъективные нормы у своих последователей. Такая позиция часто отражена в определенных документах³²⁷, транслируется в форме проповедей и т.д. Итак, проверим первую гипотезу нашего исследования.

Гипотеза H1: Между религиозностью и субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни наблюдается значимая отрицательная связь. Люди, которые считают, что Бог важен в их жизни, в меньшей степени склонны оправдывать аборты, зачатие in-vitro, эвтаназию и самоубийство.

Судя по коэффициентам корреляции, в целом связь действительно оказывается отрицательной (таблица 5). При этом наблюдается примечательный эффект: с обобщенным индексом традиционности субъективных норм корреляция несколько выше, чем с отдельными компонентами. Она составляет -0,44 с индексом в целом, -0,4 с готовностью оправдывать аборт, -0,36 — эвтаназию, -0,31 — самоубийство, -0,24 — зачатие in-vitro. Это могло бы объясняться тем, что корреляция Важности Бога с обобщенным индексом рассчитывалась на меньшем объеме выборки, поскольку в массиве присутствуют пропущенные данные по некоторым отдельным вопросам, однако при расчете на единой базе этот эффект сохраняется. Это свидетельствует в пользу того, что религиозность связана в наибольшей степени именно с той общей латентной характеристикой, которая объединяет четыре отдельных исследуемых аспекта — со степенью традиционности субъективных норм. Что касается отдельных аспектов, корреляция наиболее сильна с субъективными нормами относительно абортов (-0,4) и наименее сильна — с субъективными нормами относительно зачатия in-vitro (-0,24). Вероятно, это обусловлено тем фактом, что допустимость абортов давно и

³²⁷ Напр.: Основы социальной концепции ... ; Катехизис Католической церкви ...

активно обсуждается разными религиями, позиция церкви по этому вопросу однозначна и известна всем. В то же время вопрос зачатия *in-vitro* возник не так давно и не носит массового характера. О самой процедуре неспециалистам известно мало, и для многих людей этот вопрос — скорее медицинского характера, чем религиозного или нравственного. Кроме того, отрицательное отношение церкви к зачатию *in-vitro* связано в первую очередь с определенным элементом этой медицинской процедуры, в принципе, не являющимся обязательным ее компонентом. Тем не менее, корреляция все же значимая и отрицательная.

Таблица 5. Коэффициенты корреляции Пирсона между религиозностью (Важностью Бога) и субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни в 48 европейских регионах

Субъективные нормы	r	N
Индекс субъективных норм	-,44***	56925
Аборт	-,40***	63259
Эвтаназия	-,36***	61600
Самоубийство	-,31***	62804
Зачатие <i>in-vitro</i>	-,24***	61128

*** $p \leq 0,001$.

Во всех странах связь отрицательная, однако можно заметить, что сила связи между религиозностью, измеренной как важность Бога в жизни человека, и субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни существенно колеблется в зависимости от страны. В ряде стран связь между религиозностью и приверженностью предписываемым религией нормам (таблица б) довольно сильна, например, в южноевропейских и западноевропейских странах (так, коэффициент корреляции Пирсона между религиозностью и субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни равен -0,48 в Испании и Нидерландах, -0,47 в Италии, -0,39 в Швейцарии, -0,38 в Бельгии). В то же время, в ряде постсоциалистических стран восточной Европы и странах бывшего СССР связи очень слабые (-0,03 Азербайджане, -0,06 в Армении, -0,1 в Грузии, России и в Косово, -0,11 в Беларуси, -0,13 в Сербии и Черногории, -0,14 в Молдавии, Украине, Эстонии, -0,16 в Болгарии и Румынии). Тем не менее, в некоторых

постсоциалистических странах сила связи — заметная (например, -0,39 в Словении, -0,28 в Восточной Германии, -0,3 в Польше, -0,25 в Венгрии).

Таблица 6. Коэффициенты корреляции Пирсона между религиозностью (Важностью Бога) и субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни

Страны	Индекс субъективных норм		Аборт		Эвтаназия		Самоубийство		Зачатие in-vitro	
	r	N	r	N	r	N	r	N	r	N
Албания	-0,24***	1170	-0,21***	1407	-0,09***	1351	-0,04	1424	-0,30***	1242
Азербайджан	-0,03	1296	-0,07**	1485	-0,01	1450	-0,09***	1425	0,07**	1362
Австрия	-0,35***	1306	-0,33***	1435	-0,26***	1407	-0,25***	1396	-0,18***	1422
Армения	-0,06*	1316	-0,07**	1432	-0,01	1400	0,01	1449	-0,07**	1371
Бельгия	-0,38***	1476	-0,37***	1504	-0,34***	1504	-0,17***	1485	-0,18***	1497
Босния и Герцеговина	-0,20***	1349	-0,20***	1405	-0,13***	1386	-0,16***	1427	-0,10***	1403
Болгария	-0,16***	1036	-0,12***	1278	-0,12***	1152	-0,06*	1267	-0,06*	1217
Беларусь	-0,11***	1250	-0,12***	1381	-0,10***	1310	-0,16***	1348	0,02	1338
Хорватия	-0,31***	1378	-0,32***	1461	-0,24***	1425	-0,26***	1451	-0,14***	1435
Кипр	-0,25***	851	-0,35***	967	-0,20***	903	-0,23***	969	-0,03	936
Сев. Кипр	-0,23***	435	-0,30***	468	-0,06	448	-0,11*	474	-0,12**	462
Чехия	-0,32***	1448	-0,30***	1608	-0,23***	1554	-0,20***	1561	-0,22***	1581
Дания	-0,32***	1400	-0,29***	1472	-0,25***	1459	-0,12***	1441	-0,17***	1476
Эстония	-0,14***	1318	-0,12***	1398	-0,10***	1374	-0,11***	1420	-0,08**	1411
Финляндия	-0,42***	953	-0,40***	1032	-0,31***	1030	-0,30***	1009	-0,18***	1029
Франция	-0,29***	1439	-0,29***	1480	-0,23***	1482	-0,13***	1463	-0,16***	1482
Грузия	-0,10***	1202	-0,17***	1383	-0,05*	1339	-0,14***	1428	0,02	1306
Греция	-0,32***	1259	-0,29***	1364	-0,26***	1323	-0,20***	1366	-0,09**	1321
Венгрия	-0,25***	1452	-0,23***	1482	-0,20***	1472	-0,22***	1478	-0,09***	1486
Исландия	-0,29***	738	-0,30***	785	-0,20***	768	-0,11***	765	-0,10**	790
Ирландия	-0,37***	772	-0,34***	907	-0,38***	891	-0,16***	866	-0,18***	860
Италия	-0,47***	1208	-0,43***	1397	-0,42***	1335	-0,33***	1386	-0,24***	1346

Страны	Индекс субъективных норм		Аборт		Эвтаназия		Самоубийство		Зачатие in-vitro	
	г	N	г	N	г	N	г	N	г	N
Латвия	-0,23***	1229	-0,19***	1379	-0,21***	1358	-0,14***	1420	-0,07**	1349
Литва	-0,17***	1022	-0,16***	1227	-0,14***	1182	-0,14***	1263	-0,11***	1193
Люксембург	-0,35***	1426	-0,31***	1542	-0,29***	1519	-0,22***	1500	-0,16***	1546
Мальта	-0,32***	1007	-0,26***	1478	-0,28***	1384	-0,29***	1405	-0,17***	1082
Молдавия	-0,14***	1197	-0,14***	1465	-0,12***	1396	-0,09***	1477	-0,09**	1277
Черногория	-0,13***	1297	-0,11***	1379	-0,10***	1350	-0,08**	1374	-0,04	1370
Нидерланды	-0,48***	1443	-0,45***	1526	-0,48***	1522	-0,29***	1476	-0,24***	1513
Норвегия	-0,42***	1062	-0,41***	1079	-0,34***	1078	-0,15***	1070	-0,21***	1079
Польша	-0,30***	1310	-0,26***	1432	-0,22***	1415	-0,23***	1426	-0,25***	1380
Португалия	-0,17***	1180	-0,23***	1430	-0,10***	1386	-0,24***	1450	0,01	1329
Румыния	-0,16***	1240	-0,11***	1375	-0,10***	1366	-0,30***	1417	-0,08**	1305
Россия	-0,10***	1106	-0,09**	1302	-0,08**	1256	-0,09**	1318	-0,07*	1271
Сербия	-0,13***	1308	-0,10***	1399	-0,11***	1364	-0,11***	1433	-0,02	1393
Словакия	-0,25***	1175	-0,28***	1307	-0,22***	1305	-0,18***	1308	-0,16***	1291
Словения	-0,39***	1243	-0,39***	1318	-0,32***	1298	-0,17***	1304	-0,23***	1304
Испания	-0,48***	1225	-0,45***	1414	-0,40***	1333	-0,35***	1352	-0,23***	1380
Швеция	-0,36***	819	-0,34***	1018	-0,34***	975	-0,15***	907	-0,19***	991
Швейцария	-0,39***	1101	-0,41***	1186	-0,18***	1158	-0,29***	1171	-0,23***	1194
Турция	-0,13***	2191	-0,21***	2305	-0,10***	2264	-0,16***	2317	0,01	2245
Украина	-0,14***	1075	-0,13***	1358	-0,08**	1242	-0,07***	1382	-0,07**	1248
Македония	-0,22***	1196	-0,21***	1330	-0,21***	1324	-0,04	1329	-0,07**	1320
Великобритания	-0,36***	1356	-0,33***	1501	-0,31	1473	-0,25***	1462	-0,21***	1450
Германия Зап.	-0,34***	974	-0,34***	1020	-0,23	1009	-0,29***	1013	-0,16***	1009
Германия Вост.	-0,28***	855	-0,30***	962	-0,22	928	-0,20***	936	-0,16***	919

Страны	Индекс субъективных норм		Аборт		Эвтаназия		Самоубийство		Зачатие in-vitro	
	r	N	r	N	r	N	r	N	r	N
Сев. Ирландия	-0,35***	403	-0,32***	472	-0,31	447	-0,17***	465	-0,17***	450
Косово	-0,10***	1433	-0,04	1524	-0,10	1505	-0,11***	1531	-0,08**	1467

*** $p \leq 0,001$; ** $p \leq 0,01$; * $p \leq 0,05$.

3.1.3. Причины межстрановых различий в силе связи религиозности с субъективными нормами: гипотеза об уровне религиозности как социальном контексте

Согласно гипотезе Старка³²⁸, межстрановые различия в силе связи религиозности с субъективными нормами можно было бы объяснить разным статусом религии в обществе. В тех странах, где большинство населения достаточно религиозно, и религия считается легитимным основанием для норм, ценностей и действий человека, связь религиозности и изучаемых нами субъективных норм должна быть сильнее. В то же время в странах с высокой степенью секуляризации, где религия не может служить таким основанием, связь должна быть более слабой. Именно такие результаты мы могли бы ожидать, основываясь на предыдущих исследованиях³²⁹. Проверим две альтернативные гипотезы относительно влияния религиозного социального контекста.

Гипотеза H2.0: Между религиозностью и субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни связь сильнее в тех странах, где население в целом более религиозно, поскольку в таких обществах религия является легитимным основанием для ценностей и норм.

Гипотеза H2.1: Между религиозностью и субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни связь сильнее в тех странах, где население в целом менее религиозно, поскольку в таких обществах религиозным людям приходится чаще обсуждать или обдумывать свои ценности и нормы, если предписываемые религией ценности и нормы отличаются от ценностей и норм окружающих нерелигиозных людей, и, соответственно, в таком социальном контексте выше необходимость в их утверждении и актуализации.

³²⁸ Stark, R. Religion as context ...

³²⁹ Adamczyk, A., Pitt, C. Shaping attitudes about homosexuality ... ; Bader, C. D., Finke, R. What does God require?... ; Corcoran, K. E., Pettinicchio, D., Robbins, B. Religion and the acceptability ... ; Finke, R., Adamczyk, A. Cross-national moral beliefs ... ; Kelley, J., De Graaf, N. D. National context, parental socialization ... ; Müller, T. S., De Graaf, N. D., Schmidt, P. Which societies provide ... ; Scheepers, P., Te Grotenhuis, M., Van Der Slik, F. Education, religiosity and moral attitudes... ; Verbakel, E., Jaspers, E. A Comparative study on permissiveness ...

Среди различных показателей религиозности вопрос, который наиболее близок к тому, чтобы оценивать восприятие легитимности основания норм и ценностей на базе религии — это вопрос о важности Бога в жизни человека. Именно этот показатель, усредненный на уровне страны, наиболее часто использовали исследователи, проверявшие гипотезу Старка. Рассмотрим ответы на этот вопрос в разных странах (таблица 7).

Таблица 7. Характеристики странового религиозного социального контекста в 48 европейских регионах

Страны	Средняя важность Бога в стране	Доля населения, посещающего религиозные службы раз в месяц и чаще	Уровень первичной религиозной социализации
Албания	0,66	0,14	0,09
Азербайджан	0,66	0,17	0,20
Австрия	0,53	0,28	0,57
Армения	0,83	0,40	0,29
Бельгия	0,40	0,18	0,67
Босния и Герцеговина	0,79	0,44	0,48
Болгария	0,54	0,15	0,11
Беларусь	0,61	0,19	0,11
Хорватия	0,69	0,42	0,74
Кипр	0,85	0,56	0,84
Сев. Кипр	0,84	0,23	0,26
Чехия	0,32	0,13	0,22
Дания	0,34	0,10	0,21
Эстония	0,39	0,10	0,08
Финляндия	0,47	0,10	0,10
Франция	0,37	0,12	0,63
Грузия	0,89	0,39	0,12
Греция	0,76	0,43	0,73
Венгрия	0,50	0,15	0,44
Исландия	0,54	0,12	0,29
Ирландия	0,69	0,57	0,88
Италия	0,69	0,48	0,85
Латвия	0,52	0,17	0,16
Литва	0,60	0,27	0,35
Люксембург	0,43	0,19	0,70
Мальта	0,90	0,84	0,97

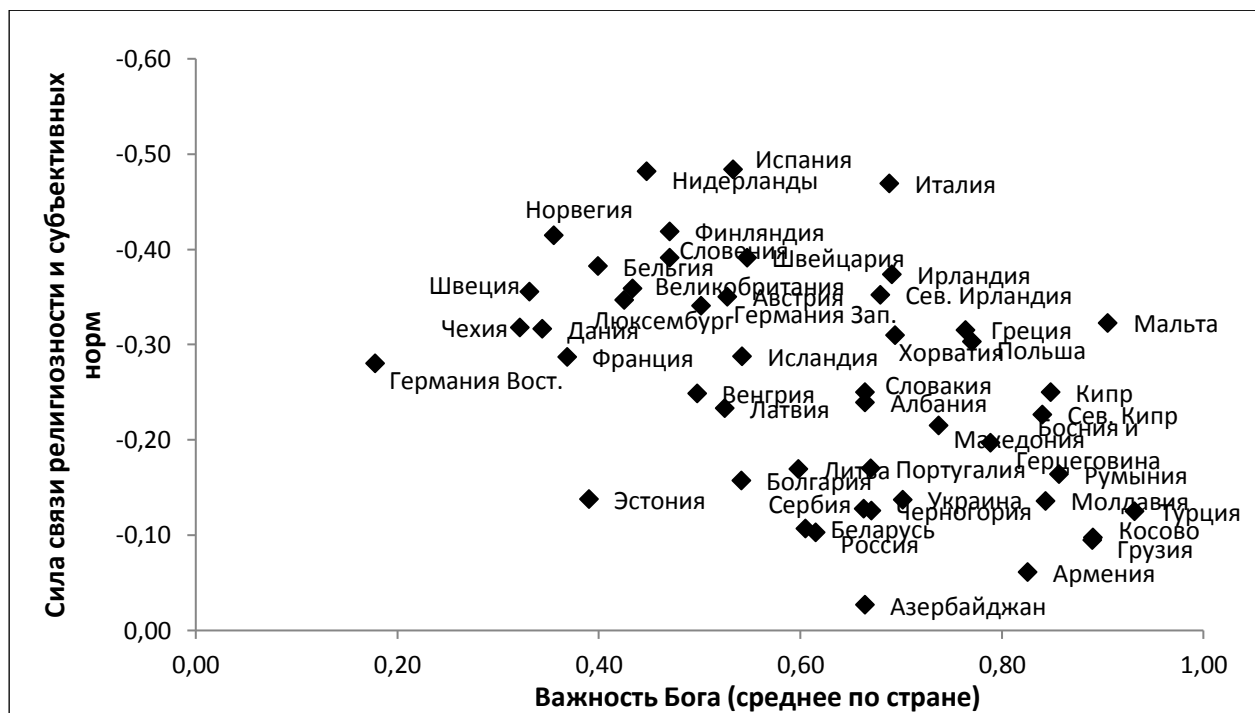

Страны	Средняя важность Бога в стране	Доля населения, посещающего религиозные службы раз в месяц и чаще	Уровень первичной религиозной социализации
Молдавия	0,84	0,30	0,34
Черногория	0,67	0,14	0,11
Нидерланды	0,45	0,26	0,63
Норвегия	0,35	0,12	0,21
Польша	0,77	0,70	0,88
Португалия	0,67	0,47	0,71
Румыния	0,86	0,49	0,58
Россия	0,61	0,14	0,06
Сербия	0,66	0,21	0,19
Словакия	0,66	0,48	0,68
Словения	0,47	0,26	0,70
Испания	0,53	0,26	0,63
Швеция	0,33	0,08	0,14
Швейцария	0,55	0,20	0,70
Турция	0,93	0,37	0,35
Украина	0,70	0,24	0,12
Македония	0,74	0,25	0,16
Великобритания	0,43	0,20	0,58
Германия Зап.	0,50	0,23	0,59
Германия Вост.	0,18	0,08	0,19
Сев. Ирландия	0,68	0,54	0,87
Косово	0,89	0,49	0,38

Данные таблицы показывают, что во многих странах, где мы наблюдаем слабую связь религиозности с субъективными нормами, люди, тем не менее, считают, что Бог важен в их жизни: Болгария, Беларусь, Россия, Сербия и Азербайджан занимают далеко не низкое, а скорее среднее положение по этому показателю среди других стран. Более того, в Черногории, Украине, Армении, Молдавии, Грузии и Косово люди считают, что Бог занимает очень важное место в их жизни, а связь религиозности с субъективными нормами также остается слабой.

Если расположить страны на графике, где по горизонтальной оси отмечена средняя религиозность в стране, измеренная как важность Бога, а по вертикальной оси — сила связи религиозности (важности Бога) с субъективными нормами

относительно вопросов начала и окончания жизни (рисунок 3), то можно увидеть, что гипотеза о влиянии религиозного социального контекста, которая следовала бы объяснительной логике Старка, не подтверждается. Вопреки ожиданиям, мы наблюдаем обратную ситуацию: во всех странах связи отрицательные, но в странах с поддерживающим религиозным социальным контекстом связь заметно более слабая, в то время как в странах, где население нерелигиозно, связь заметно сильнее. Такие результаты скорее согласуются с аргументом «моральных стен вокруг морального сообщества» Шиперса и соавторов (который в их исследовании не подтвердился) о том, что связь индивидуальной религиозности с вопросами морали сильнее в секуляризированных обществах, поскольку в таком социальном контексте религиозным людям приходится защищать свои нормы и ценности от остального общества, заметно от них отличающегося³³⁰.

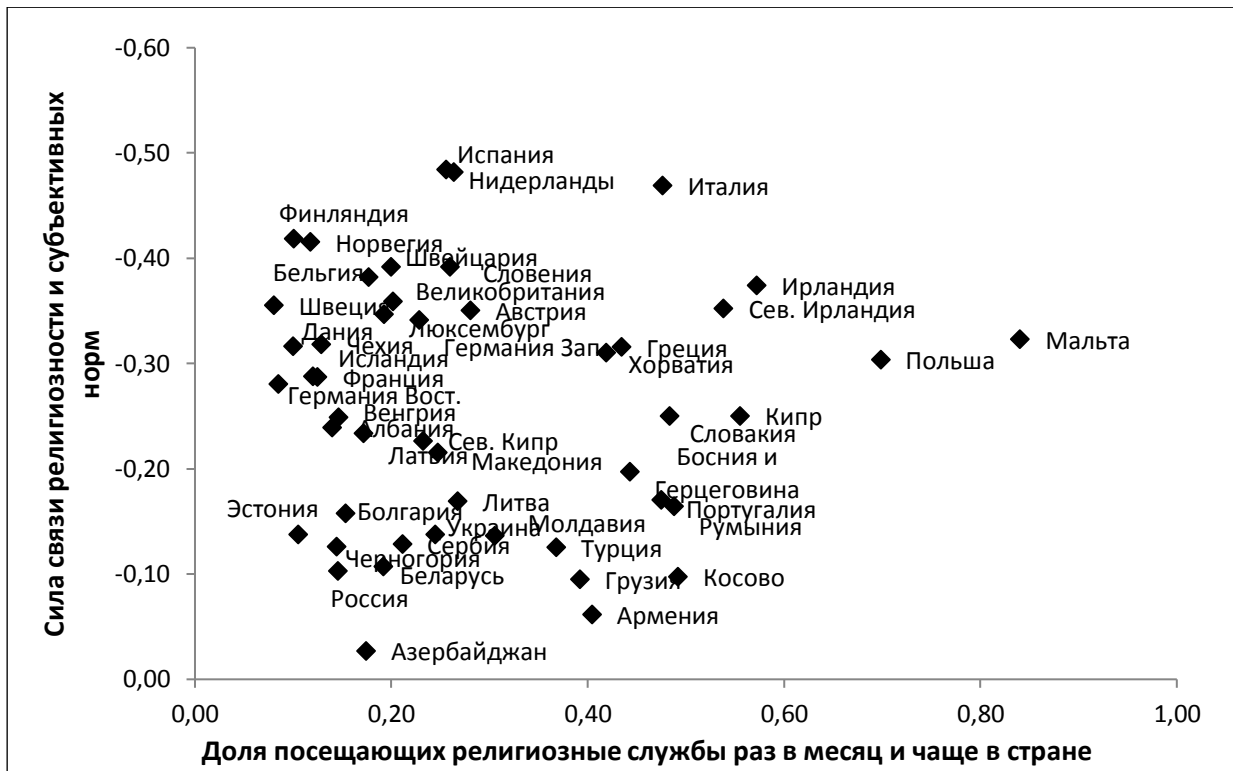

Рисунок 3. Сила связи важности Бога в жизни человека с индексом субъективных норм в зависимости от странового уровня религиозности в 48 европейских регионах (страновой уровень религиозности оценивался по средним оценкам важности Бога)

³³⁰ Scheepers, P., Te Grotenhuis, M., Van Der Slik, F. Education, religiosity and moral attitudes ... — P. 161.

Попытаемся использовать для проверки гипотезы Старка о влиянии религиозного социального контекста другой показатель страновой религиозности — частоту посещения религиозных служб (рисунок 4). Относительное расположение стран по доле населения, которое посещает религиозные службы раз в месяц или чаще, здесь будет несколько иным, в частности, потому, что Россия, Болгария, Эстония, Черногория окажутся слаборелигиозными по этой характеристике. Рассмотрим график, где по горизонтальной оси отмечена средняя религиозность в стране, измеренная как доля населения, посещающего религиозные службы раз в месяц и чаще, а по вертикальной оси — сила связи религиозности (важности Бога) с субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни. График показывает, что эта характеристика религиозности населения не позволяет объяснить межстрановые различия в силе связи между важностью Бога и субъективными нормами по вопросам начала и окончания жизни. Есть группа стран, где при низкой доле практикующих религиозных людей сила связи низкая (сюда можно отнести Россию, Беларусь, Украину, Болгарию, Черногорию, Сербию и др.), однако ей противостоит группа стран, где уровень религиозности населения столь же низок, и при этом сила связи высока (Финляндия, Норвегия, Швеция, Дания, Бельгия, Швейцария, Чехия и др.). Страны с высоким уровнем религиозности населения также демонстрируют заметный разброс по силе связи: в высокорелигиозных Польше и Мальте связь — средняя по силе, в Италии высок как уровень религиозности, так и сила связи, в то время как в Грузии, Армении, Косово при заметной доле населения, регулярно посещающего религиозные службы, связь очень слабая.

Анализ показателя частоты посещения религиозных служб как характеристики социального контекста в стране не подтверждает ни нашу исходную гипотезу (H2) об усиливающем силу связи поддерживающем религиозном социальном контексте, ни альтернативную ей гипотезу Шиперса и соавторов о «моральных стенах вокруг морального сообщества». Данные свидетельствуют об отсутствии влияния среднего уровня религиозности в стране, выраженного в частом посещении религиозных служб.

Рисунок 4. Сила связи важности Бога в жизни человека с индексом субъективных норм в зависимости от странового уровня религиозности в 48 европейских регионах (страновой уровень религиозности оценивался по доле населения, посещающего религиозные службы раз в месяц и чаще)

Полученные выводы подтверждает и более формализованный анализ данных. Так, если рассмотреть страны (регионы) как единицы наблюдения, и рассчитать линейные регрессионные модели на макро-уровне, где зависимой переменной будет сила (по модулю) связи религиозности (важности Бога) с субъективными нормами (корреляция Пирсона) в стране (регионе) в зависимости от среднего уровня религиозности, выраженного двумя рассмотренными показателями (средняя важность Бога по стране и доля населения, посещающего религиозные службы раз в месяц и чаще), то коэффициент для средней важности Бога будет отрицательным ($b=-0,306$; $R^2=0,23$), в то время как в модели, где независимой переменной является доля населения, посещающего религиозные службы раз в месяц и чаще, R^2 оказывается близким к нулю (таблица 8).

Таблица 8. Линейные регрессионные модели на страновом уровне, описывающие силу связи религиозности и субъективных норм в зависимости от странового уровня религиозности (нестандартизованные регрессионные коэффициенты)

Независимые переменные	Модель 1	Модель 2
Константа	0,447***	0,261***
Средняя важность Бога в стране	-0,306***	
Доля населения, посещающего религиозные службы раз в месяц и чаще		-0,001
R^2	0,23	0,00
N	48	48

*** $p \leq 0,001$.

Таким образом, наши данные скорее согласуются с объяснением межстрановых различий в силе связи религиозности с субъективными нормами, сформулированным в рамках нашей альтернативной гипотезы (H2.1). В социальном контексте, где религиозные люди находятся среди нерелигиозного большинства, связь сильнее, вероятно по той причине, что субъективные нормы, предписываемые религией, в таком социальном контексте чаще приходится актуализировать, обсуждать и защищать. Далее мы дополним это объяснение еще одним фактором — уровнем первичной религиозной социализации в стране, который позволит существенно повысить качество модели — долю объясненной дисперсии.

3.1.4. Причины межстрановых различий в силе связи религиозности с субъективными нормами: гипотеза об уровне первичной религиозной социализации как социальном контексте

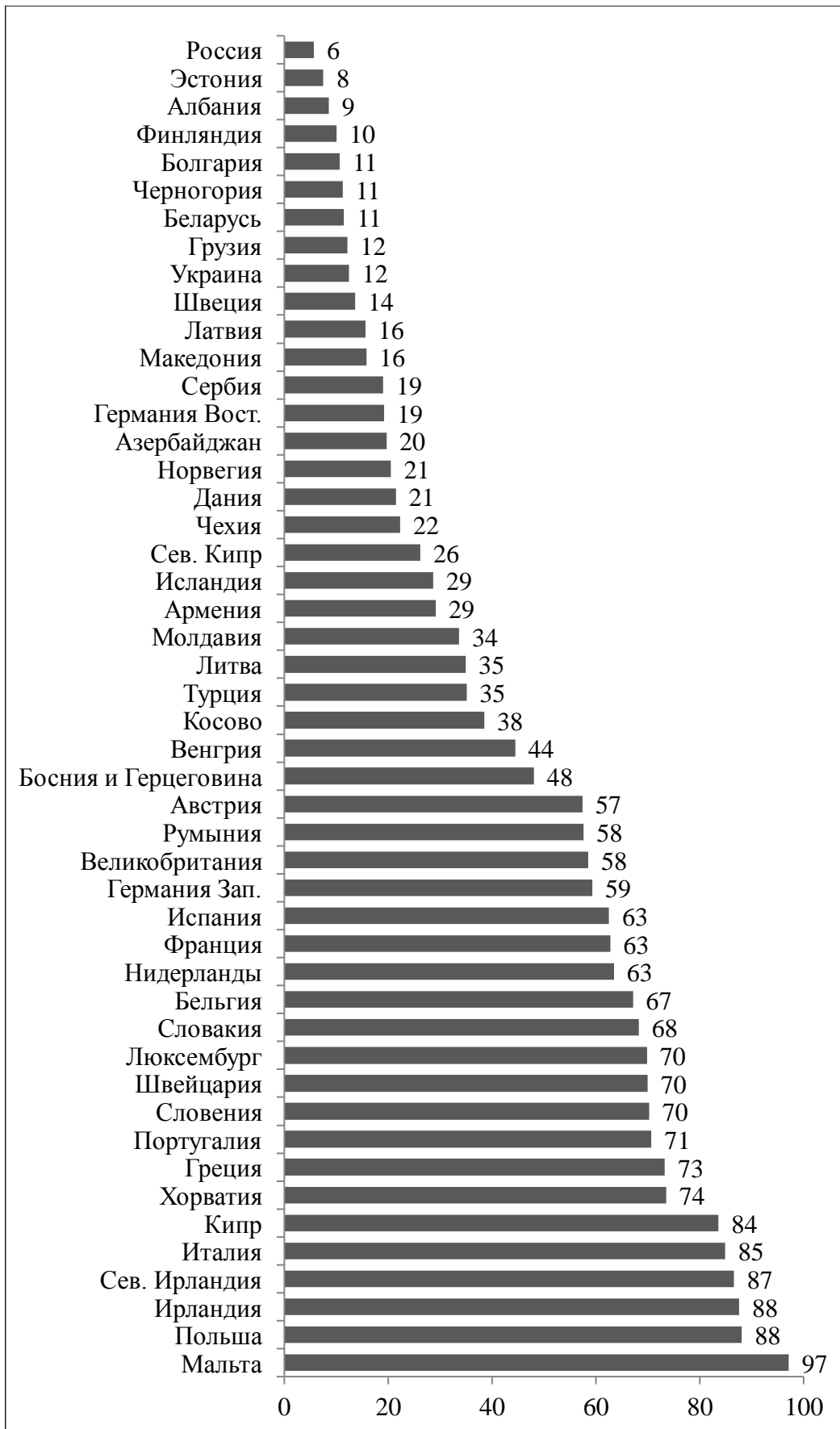
Мы полагаем, что характер (сила) взаимосвязи в значительной степени зависит от наличия или отсутствия первичной религиозной социализации³³¹.

³³¹ Снеговая, М. В. Влияние конфессиональной принадлежности на социально-экономические предпочтения и поведение религиозных респондентов (на примере Украины) : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 : защищена 27.10.2011. — М., 2011. — 193 с. ; Meulemann, H. Religiosity in Europe and in the two Germanies : The persistence of a special case — as revealed by the European Social Survey // Church and religion in contemporary Europe. Results from empirical and comparative research / G. Pickel, O. Müller (eds.). — Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. — P. — 35—48.

В качестве индикатора для оценки получения респондентом первичной религиозной социализации мы выбираем посещение религиозных служб 1 раз в месяц или чаще в возрасте 12 лет³³². На уровне страны он измеряется как доля населения, посещавшего религиозные службы в возрасте 12 лет 1 раз в месяц или чаще. Мы показываем, что данный фактор действует не только на индивидуальном уровне, но оказывает существенное влияние в качестве макро-показателя (на уровне страны, общества в целом), т.е. является важной характеристикой социальной среды, в которой протекала первичная социализация респондента (рисунок 5).

---

³³² Формулировка вопроса: «Не считая венчаний, похорон и крещений, как часто Вы посещали религиозные службы, когда Вам было 12 лет?» (чаще, чем раз в неделю; раз в неделю; раз в месяц; по особым религиозным праздникам; раз в год; реже, чем раз в год; никогда, почти никогда; затрудняюсь ответить). Первые три категории были объединены в ходе анализа.

Рисунок 5. Уровень первичной религиозной социализации в 48 европейских регионах (доля населения, посещавшего религиозные службы в возрасте 12 лет 1 раз в месяц или чаще)

Страны (регионы), участвовавшие в Европейском исследовании ценностей, в существенной степени отличаются уровнем первичной религиозной социализации.

В России этот показатель — наиболее низкий — всего 6% населения. Можно предположить, что важным фактором в изменении показателя уровня первичной религиозной социализации в России является смена поколений. Представители старших поколений, ранний период жизни которых проходил в годы гонений на Церковь, конечно, не могли регулярно посещать службы, в то время как в последние десятилетия это стало возможно. Однако если посмотреть на долю регулярно посещавших религиозные службы в возрасте 12 лет в разных возрастных группах в России, по данным Европейского исследования ценностей 2008 г. (таблица 9), различия хотя и присутствуют, но не являются существенными. Мы наблюдаем лишь небольшое увеличение доли получивших первичную религиозную социализацию в возрастной группе до 24 лет — 10%, а также в группе 25-34 года — 7%, по сравнению с возрастными группами в интервале от 35 до 64 лет, где этот показатель снижается до 3-4%. В самых старших возрастах (65 лет и старше) мы снова наблюдаем некоторое увеличение доли получивших первичную религиозную социализацию до 8%. Вероятно, это было связано с периодом Великой Отечественной войны, когда отношение к церкви было чуть более разрешительным. Таким образом, в России эта характеристика является довольно устойчивой и мало зависит от поколения, к которому принадлежали респонденты, когда им было 12 лет.

Таблица 9. Первичная религиозная социализация в России в разных возрастных группах (на базе Европейского исследования ценностей)

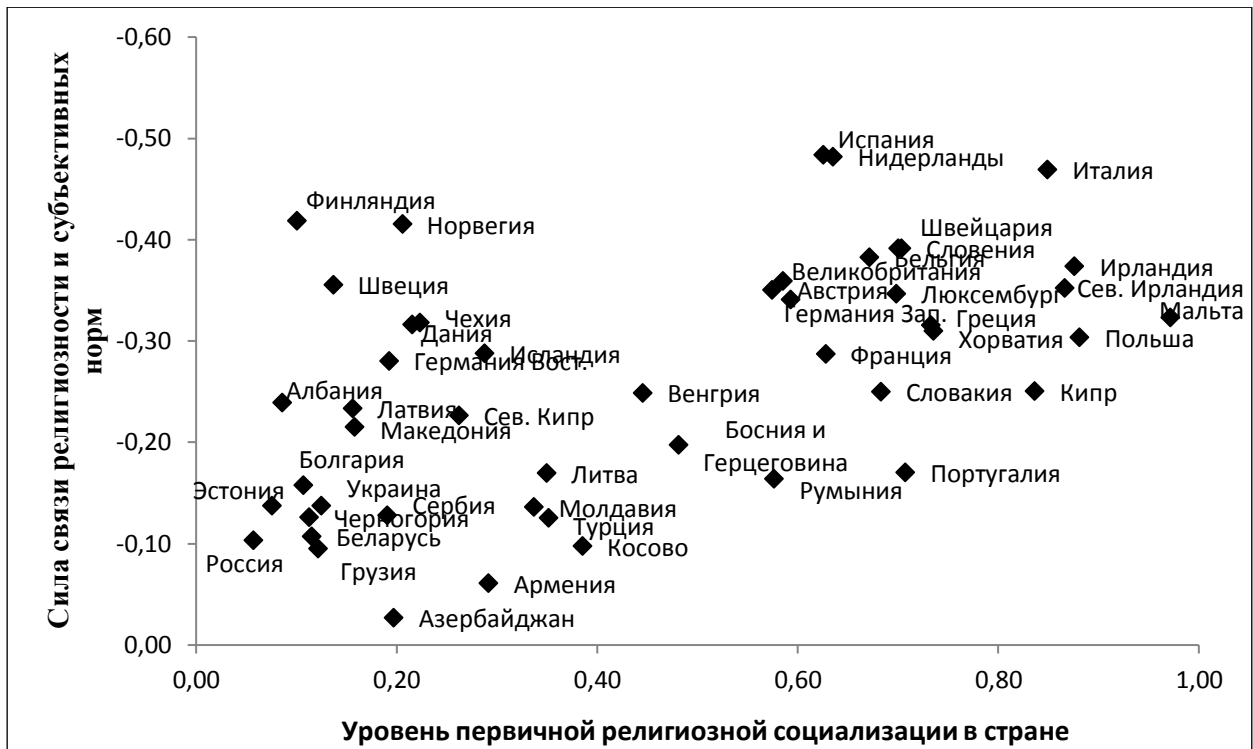
Частота посещения религиозных служб в возрасте 12 лет	Возрастная группа (% по столбцу)							Всего
	до 24 лет	25-34	35-44	45-54	55-64	65-74	75 лет и старше	
1 раз в месяц или чаще	10	7	3	4	3	8	8	6
По особым религиозным праздникам	16	12	15	15	16	19	22	16
Раз в год	8	5	4	5	3	2	3	5
Реже, чем раз в год	10	6	5	7	5	4	4	6
Никогда, почти никогда	48	60	63	60	66	56	54	59
Затрудняют ответить / нет ответа	9	9	10	8	9	10	10	9
<i>N</i>	<i>208</i>	<i>264</i>	<i>242</i>	<i>296</i>	<i>199</i>	<i>170</i>	<i>111</i>	<i>1504</i>

Вернемся к рассмотрению уровня первичной религиозной социализации как фактора, влияющего на интересующие нас связи религиозности и субъективных норм на основании всего множества европейских стран. Глядя на рисунок 5, можно заметить, что именно в тех странах, где отрицательная связь религиозности с субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни наиболее сильная, наблюдается и более высокий уровень первичной религиозной социализации. В то же время, в тех странах (в первую очередь — это постсоциалистические страны), где связь религиозности и субъективных норм значительно более слабая (например, в России — всего $-0,1$, как с обобщенным индексом, так и с отдельными показателями), наблюдается и наиболее низкий уровень религиозной социализации (в России, например, он минимален и составляет всего 6%).

Таким образом, мы переходим к проверке гипотез относительно влияния первичной религиозной социализации. Одна из них состоит в том, что только в тех обществах, где присутствует первичная религиозная социализация, наблюдается и существенная взаимосвязь религиозности с ценностно-нормативными показателями. Эта гипотеза — об эффекте взаимодействия уровня первичной религиозной социализации на макро-уровне и индивидуальной религиозности на уровне индивида.

Гипотеза НЗ: Между религиозностью и субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни сильная связь наблюдается в странах, где высок уровень первичной религиозной социализации. В странах, где социальный механизм первичной религиозной социализации не работает, эта связь будет более слабой или отсутствующей.

На графике (рисунок 6), где по вертикальной оси отмечена сила связи религиозности (Важности Бога) с субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни, хорошо заметно, что с увеличением уровня первичной религиозной социализации в стране (по горизонтальной оси — % населения, посещавшего религиозные службы в возрасте 12 лет раз в месяц или чаще) сила связи увеличивается.

Рисунок 6. Сила связи важности Бога в жизни человека с индексом субъективных норм в зависимости от странового уровня первичной религиозной социализации в 48 европейских регионах

Это подтверждает и линейный регрессионный анализ (таблица 10) на уровне стран (регионов). В модели, где зависимой переменной является сила (по модулю) связи религиозности (важности Бога) с субъективными нормами (корреляция Пирсона) в стране (регионе), а независимой — уровень первичной религиозной социализации, R^2 равен 0,27, регрессионный коэффициент при этом значимый и положительный ($b=0,22$). Это означает, что наша гипотеза хорошо согласуется с данными Европейского исследования ценностей.

В линейной регрессионной модели с двумя предикторами — уровнем первичной религиозной социализации в стране и средней важностью Бога — обе характеристики оказываются значимыми при их одновременном включении в модель³³³. При этом направление воздействия остается прежним для обеих

³³³ Средняя по стране оценка важности Бога и страновой уровень первичной религиозной социализации представляют собой независимые характеристики социального контекста: коэффициент корреляции между ними — низкий ($r=0,2$) и статистически незначимый ($p=0,185$). При этом обе эти характеристики в существенной мере положительно скоррелированы с долей населения в стране, регулярно (раз в месяц и чаще) посещающего религиозные службы (в обоих случаях $r=0,7$; $p<0,001$).

переменных ($b=0,27$ для уровня первичной религиозной социализации, $b=-0,386$ для средней важности Бога в стране³³⁴), а объяснительная сила модели существенно увеличивается ($R^2=0,62$).

Таблица 10. Линейные регрессионные модели на страновом уровне, описывающие силу связи религиозности и субъективных норм в зависимости от странового уровня религиозности и уровня первичной религиозной социализации (нестандартизованные регрессионные коэффициенты)

Независимые переменные	Модель 3	Модель 4
Константа	0,165***	0,379***
Уровень первичной религиозной социализации	0,22***	0,27***
Средняя важность Бога в стране		-0,386***
R^2	0,27	0,62
N	48	48

*** $p \leq 0,001$.

Результаты анализа свидетельствуют о том, что оба показателя дают значимые эффекты. Средняя важность Бога в стране отражает общий уровень религиозности, и его влияние выражается в том, что в обществах с высокой степенью секуляризации религиозные люди отличаются от нерелигиозных по своим субъективным нормам, в то время как в обществах, где религия играет важную роль в жизни людей, религиозные и нерелигиозные люди скорее похожи по своим субъективным нормам. Независимо от этого эффекта, уровень первичной религиозной социализации в стране также имеет заметное воздействие. В обществах, где присутствует социальный механизм первичной религиозной социализации, религиозные люди заметно отличаются от нерелигиозных по субъективным нормам относительно вопросов начала и окончания жизни. Там же,

³³⁴ Стандартизованные коэффициенты для обеих переменных сопоставимы с небольшим перевесом относительного вклада в пользу уровня первичной религиозной социализации: $Beta=0,638$ для уровня религиозной социализации в стране и $Beta=-0,602$ для средней Важности Бога.

где передача религиозных ценностей нарушена, различие в субъективных нормах между религиозными и нерелигиозными людьми минимально.

Итак, религиозная социализация играет важную роль на макро-уровне как характеристика социальной среды, социального контекста. Однако на индивидуальном уровне первичная религиозная социализация также является существенным фактором, влияющим на субъективные нормы. Проверим гипотезы, которые фиксируют ее влияние.

Гипотеза H4.0: Наличие первичной религиозной социализации влияет на субъективные нормы относительно вопросов начала и окончания жизни. Люди, посещавшие религиозные службы в детстве и подростковом возрасте, в меньшей степени склонны считать допустимыми аборты, зачатие in-vitro, эвтаназию и самоубийство.

Альтернативную гипотезу можно сформулировать следующим образом.

Гипотеза H4.1: Наличие первичной религиозной социализации оказывает лишь опосредованное влияние на субъективные нормы относительно вопросов начала и окончания жизни. Люди, посещавшие религиозные службы в детстве и подростковом возрасте, более склонны посещать церковные службы в настоящее время, вследствие чего они в меньшей степени склонны считать допустимыми аборты, зачатие in-vitro, эвтаназию и самоубийство.

Кроме того, мы проверим предположение о взаимодействии факторов посещения религиозных служб и первичной религиозной социализации.

Гипотеза H5: Отсутствие первичной религиозной социализации у религиозных людей влияет на субъективные нормы относительно вопросов начала и окончания жизни. Люди, не посещавшие религиозные службы в детстве и подростковом возрасте, придя к вере во взрослом возрасте, будут иметь более строгие субъективные нормы относительно абортов, зачатия in-vitro, эвтаназии и самоубийства, в меньшей степени будут склонны их оправдывать, что можно обозначить как «эффект неофита».

На следующем этапе анализа был построен ряд многоуровневых регрессионных моделей (таблица 11), в которых уровень первичной религиозной

социализации (измеренный как доля населения, посещавшего религиозные службы в возрасте 12 лет 1 раз в месяц или чаще) мы использовали одновременно в качестве странового макро-показателя и переменной на уровне индивида. Также в модели контролируются показатели, которые по результатам предыдущих исследований могут оказывать влияние на субъективные нормы относительно вопросов начала и окончания жизни: вероисповедание, пол, возраст, образование, семейное положение, доход и статус занятости. Модели строились как для обобщенного индекса субъективных норм, так и для его отдельных компонентов.

По вероисповеданию большинство респондентов в массиве Европейского исследования ценностей 2008 г. являются христианами (католиками, протестантами, православными) или мусульманами, либо не принадлежат ни к какому вероисповеданию. Другие вероисповедания представляют собой группу, слишком малочисленную для статистического анализа, при этом для части из них показатели религиозности, используемые в построенных моделях, могут быть нерелевантны (например, вопрос о важности Бога для буддистов), поэтому мы исключаем их из выборки, на которой проводится дальнейший анализ³³⁵.

Анализ проводился при помощи программы HLM 7 (Hierarchical Linear and Nonlinear Modeling). Метод: Restricted Maximum Likelihood; псевдо-R² для двухуровневой регрессионной модели рассчитан по упрощенной формуле Снайдерса и Боскера³³⁶. Пропущенные данные удалялись. Данные на индивидуальном уровне взвешивались таким образом, чтобы выровнять количество опрошенных в разных странах³³⁷.

---

³³⁵ Анализ на полной выборке, куда эти респонденты были включены, дал практически идентичные результаты, однако это может быть обусловлено очень низкой долей таких респондентов, и методически более корректно проводить анализ без них, либо применять другие показатели религиозности.

³³⁶ *Snijders, T. A. B., Bosker, R. J. Modeled variance in two-level models ... ; Snijders, T. A. B., Bosker, R. J. Multilevel analysis ... — P. 113—114.*

³³⁷ Веса стран для каждой модели вычислялись отдельно на основании количества респондентов без пропущенных значений.

Таблица 11. Многоуровневые регрессионные модели, описывающие связь религиозности и субъективных норм: данные по 48 регионам (нестандартизированные регрессионные коэффициенты)

Независимые переменные	Индекс субъективных норм	Аборт	Эвтаназия	Само-убийство	Зачатие in-vitro
Константа	0,372***	0,429***	0,422***	0,145***	0,533***
<i>Индивидуальный уровень</i>					
Важность Бога	-0,075***	-0,125***	-0,071***	-0,040**	-0,081**
Частота посещения служб	-0,057***	-0,063**	-0,075***	-0,038***	-0,059***
Первичная религиозная социализация	0,024***	0,014	0,041***	0,007 н.з.	0,024***
Частота посещения служб * Первичная религиозная социализация	-0,069***	-0,079***	-0,097***	-0,002 н.з.	-0,083***
Конфессия (контрольная группа — не относящие себя ни к какой конфессии):					
Католицизм	н.з.	-0,022**	н.з.	-0,020**	0,016
Протестантизм	н.з.	н.з.	н.з.	-0,021**	0,028**
Ислам	-0,058***	-0,060***	-0,081***	-0,044***	-0,058**
Православие	0,015**	н.з.	н.з.	-0,024**	0,066***
Пол (0 — м, 1 — ж)	0,027***	0,036***	н.з.	0,010*	0,051***
Возраст (15-108 лет)	-0,001***	-0,0007***	-0,0009***	-0,0004**	-0,0016***
Образование (шкала из 7 пунктов от 0 — неполное начальное или не учился до 1 — высшее)	0,105***	0,125***	0,072***	0,076***	0,144***
Семейное положение (1 — состоит в браке, 0 — не состоит)	-0,015***	-0,018***	-0,017***	-0,023***	н.з.

Доход (шкала из 12 пунктов от 0 — менее 150 евро в месяц до 1 — 10000 евро и более)	0,100***	0,109***	0,091***	0,048***	0,161***
Статус занятости (1 — имеет оплачиваемую работу, 0 — не имеет)	0,012***	0,022***	0,016***	н.з.	0,012**
<i>Страновой уровень</i>					
Уровень первичной религиозной социализации	0,048	-0,030 н.з.	0,090 н.з.	0,125**	-0,044 н.з.
<i>Межуровневый эффект взаимодействия</i>					
Важность Бога (на индивидуальном уровне) * Уровень первичной религиозной социализации (на страновом уровне)	-0,090**	-0,097*	-0,123**	-0,107***	0,005 н.з.
R^2 — индивидуальный уровень	0,26	0,22	0,17	0,12	0,13
R^2 — страновой уровень	0,56	0,57	0,56	0,49	0,42
N — индивидуальный уровень	44249	48443	47328	48160	47036
N — страновой уровень	48	48	48	48	48

*** $p \leq 0,001$; ** $p \leq 0,01$; * $p \leq 0,05$; без звездочек — $p \leq 0,10$; н.з. — не значимо ($p > 0,10$).

Таблица 12. Оценка компонентов дисперсии для многоуровневых регрессионных моделей

	Индекс субъективных норм	Аборт	Эвтаназия	Самоубийство	Зачатие in-vitro
Константа для страны, τ_{00}	0,012***	0,020***	0,019***	0,009***	0,014***
Важность Бога	0,003***	0,006***	0,005***	0,002***	0,005***
Частота посещения служб	0,003***	0,010***	0,005***	0,001***	0,003***
Первичная религиозная социализация	<0,001***	0,001***	0,001***	0,001***	<0,001*
Частота посещения служб * Первичная религиозная социализация	0,002***	0,005***	0,005***	0,002***	0,002**
Индивидуальная дисперсия, σ^2	0,037	0,077	0,092	0,050	0,106

*** $p < 0,001$; ** $p < 0,01$; * $p < 0,05$

В работе представлены результаты расчета ряда многоуровневых регрессионных моделей — для индекса субъективных норм и его отдельных составляющих.

В качестве независимых переменных все они включают на индивидуальном уровне вероисповедание, показатель важности Бога в жизни респондента, а также частоту посещения религиозных служб, характерную для периода жизни, когда проводится опрос, в качестве индикаторов религиозности, а на страновом уровне — уровень первичной религиозной социализации в стране. Модель включает два эффекта взаимодействия переменных: 1) между частотой посещения религиозных служб и наличием первичной религиозной социализации на индивидуальном уровне, а также 2) между уровнем первичной религиозной социализации на страновом уровне и важностью Бога в жизни респондента на индивидуальном уровне. Этот набор независимых переменных позволяет нам показать, что первичная религиозная социализация на макро-уровне играет важную роль для объяснения межстрановых различий в силе связи между религиозностью и субъективными нормами.

Общее влияние уровня первичной религиозной социализации в стране состоит из основного эффекта и эффекта взаимодействия. Основной эффект уровня религиозной социализации в стране в большинстве моделей (за исключением модели для самоубийства) — статистически незначимый. Это означает, что уровень первичной религиозной социализации в стране не влияет сам по себе на субъективные нормы относительно допустимости абортов, зачатия *in-vitro* и эвтаназии. В то же время эффект взаимодействия уровня первичной социализации в стране с важностью Бога на уровне индивида в большинстве моделей оказался значимым и отрицательным (за исключением модели для зачатия *in-vitro*), т.е. он значимо усиливает отрицательное влияние важности Бога на степень разрешительности субъективных норм на индивидуальном уровне. Рассмотрим этот эффект более подробно. Общий эффект важности Бога состоит из основного эффекта этой переменной на уровне индивида и меж-уровневого эффекта взаимодействия с уровнем первичной религиозной социализации в стране.

Основной эффект важности Бога во всех моделях — отрицательный. Это означает, что люди с высоким уровнем религиозности более склонны считать аборт, искусственное оплодотворение, самоубийство и эвтаназию недопустимыми, в то время как менее религиозные люди имеют более разрешительные субъективные нормы. Однако эффект взаимодействия делает угол наклона регрессионной прямой (т.е. силу связи) различным в разных странах.

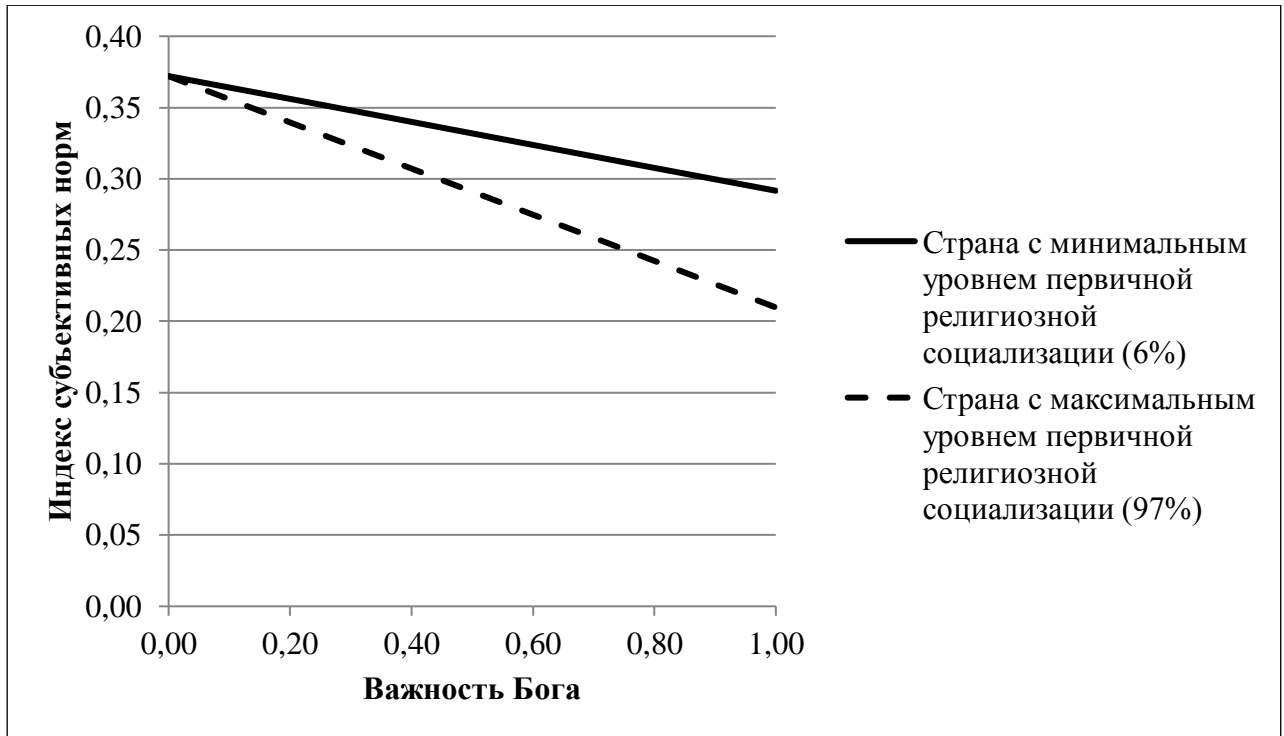
В странах с низким уровнем первичной религиозной социализации (куда вошли в основном постсоциалистические страны, кроме Польши) связь религиозности (важности Бога) с субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни имеет более пологую форму, в то время как в группе стран с высоким уровнем первичной религиозной социализации (куда вошли в основном южноевропейские страны, а также Польша и Ирландия) форма зависимости — более крутая. Чем выше уровень первичной религиозной социализации в стране, тем сильнее отрицательная взаимосвязь религиозности с субъективными нормами по вопросам начала и окончания жизни.

В случаях, когда в регрессионной модели присутствуют эффекты взаимодействия двух независимых переменных, общий эффект каждой независимой переменной на зависимую варьирует в зависимости от значений второй переменной, с которой первая взаимодействует. Этот эффект может усиливаться или ослабляться, а также может изменяться знак регрессионного коэффициента, т.е. при определенных значениях второй независимой переменной влияние может становиться положительным, а при других — отрицательным. В таких случаях, чтобы определить, как именно независимая переменная влияет на зависимую, можно рассчитать условные регрессионные коэффициенты, т.е. те значения регрессионных коэффициентов, которые они принимают при определенных условиях, в частности — в случае максимальных и минимальных значений второй независимой переменной, с которой первая взаимодействует. Такие условные регрессионные коэффициенты для многоуровневых регрессионных моделей, описывающих связь религиозности и субъективных норм, представлены в таблице 13.

Таблица 13. Условные регрессионные коэффициенты для многоуровневых регрессионных моделей, описывающих связь религиозности и субъективных норм

Условный нестандартизированный регрессионный коэффициент		Индекс субъективных норм	Аборт	Эвтаназия	Самоубийство	Зачатие in-vitro
Коэффициент для важности Бога	при минимальном уровне первичной религиозной социализации в стране (6%)	-0,08	-0,131	-0,078	-0,046	-0,081
	при максимальном уровне первичной религиозной социализации в стране: 97%	-0,162	-0,219	-0,19	-0,144	-0,076
Коэффициент для частоты посещения религиозных служб	при отсутствии первичной религиозной социализации	-0,057	-0,063	-0,075	-0,038	-0,059
	при наличии первичной религиозной социализации	-0,126	-0,142	-0,172	-0,04	-0,142
Коэффициент для первичной религиозной социализации	при минимальной частоте посещения религиозных служб (никогда)	0,024	0,014	0,041	0,007	0,024
	при максимальной частоте посещения религиозных служб (раз в неделю и чаще)	-0,045	-0,065	-0,056	0,005	-0,059

Так, можно показать, что влияние религиозности, измеренной при помощи вопроса о важности Бога, варьирует в зависимости от странового социального контекста, а именно — уровня первичной религиозной социализации. В данном случае имеет место межуровневое взаимодействие независимых переменных: важность Бога — это показатель индивидуального уровня, в то время как уровень первичной религиозной социализации — это показатель на уровне страны. Условные регрессионные коэффициенты для оценок важности Бога рассчитывались для двух случаев — для максимального и минимального уровня первичной религиозной социализации в стране. Значение регрессионного коэффициента для оценок важности Бога, отражающего крутизну угла наклона регрессионной прямой для обобщенного индекса субъективных норм (рисунок 7), изменяется в пределах от $-0,080$ для минимального значения уровня первичной религиозной социализации в стране (в нашей выборке такой страной является Россия, где всего 6% населения посещали церковные службы раз в месяц или чаще в возрасте 12 лет) до $-0,162$ для максимального значения уровня первичной религиозной социализации в стране (в нашей выборке таким государством является Мальта — 97% населения), т.е. в стране с наиболее высоким уровнем религиозной социализации влияние важности Бога на субъективные нормы более чем в 2 раза сильнее, по сравнению со страной, характеризующейся минимальным уровнем первичной религиозной социализации. Для модели, где зависимой переменной является допустимость абортов, соответствующие коэффициенты составляют $-0,131$ и $-0,219$. Этот эффект также наблюдается для субъективных норм относительно эвтаназии (коэффициенты $-0,078$ и $-0,190$) и самоубийства (коэффициенты $-0,046$ и $-0,144$) и отсутствует лишь в одной модели, где зависимой переменной выступает отношение к зачатию *in-vitro*.

Рисунок 7. Индекс субъективных норм: границы, в которых изменяется угол наклона регрессионной прямой в зависимости от странового уровня первичной религиозной социализации

Найденный эффект уровня первичной религиозной социализации в стране как показателя макро-уровня подтверждает результаты, описанные в одноуровневых регрессионных моделях таблицы 8. Теперь он воспроизведен при добавлении целого ряда контрольных переменных на индивидуальном уровне (в том числе — ряда социально-демографических факторов), что подтверждает его надежность.

Также модель включает, помимо показателя первичной религиозной социализации на индивидуальном уровне, частоту посещения религиозных служб (которая отвечает в некоторой степени понятию вторичной религиозной социализации), а также взаимодействие между этими факторами. Таким образом, мы показываем, что разные сочетания первичной (посещение религиозных служб в возрасте 12 лет раз в месяц и чаще) и вторичной (частота посещения религиозных служб в настоящее время) религиозной социализации оказывают разное влияние на субъективные нормы. Мы включаем в модель вероисповедание респондента, что позволит сделать выводы о различиях между религиями. Также в эту модель были

включены социально-демографические факторы (пол, возраст, образование, семейное положение, доход и статус занятости), что позволит выявить чистое влияние характеристик религиозности респондента.

Регрессионные коэффициенты для частоты посещения религиозных служб и для важности Бога в жизни респондента оказались статистически значимыми и отрицательным, даже при одновременном включении этих показателей в модель. Этот результат свидетельствует о том, что люди религиозные, как и предполагалось, имеют более традиционные субъективные нормы относительно вопросов начала и окончания жизни, чем нерелигиозные. При этом мы обнаружили значимый негативный эффект взаимодействия между частотой посещения религиозных служб и наличием первичной религиозной социализации. Это означает, что отрицательная взаимосвязь между частотой посещения религиозных служб и субъективными нормами сильнее для респондентов, получивших первичную религиозную социализацию.

Однако влияние первичной религиозной социализации (регулярного посещения религиозных служб в возрасте 12 лет) на индивидуальном уровне оказалось сложнее, чем предполагалось изначально. Рассмотрим подробнее влияние первичной религиозной социализации на индивидуальном уровне. Регрессионный коэффициент, который отвечает за воздействие данного фактора на субъективные нормы относительно вопросов начала и окончания жизни, оказался положительным в моделях, где зависимой переменной выступал обобщенный индекс, а также субъективные нормы относительно эвтаназии и искусственного оплодотворения, и в чуть меньшей степени — аборт, однако одновременно с этим был получен отрицательный коэффициент взаимодействия с показателем частоты посещения религиозных служб. Это означает, что в зависимости от частоты посещения религиозных служб в настоящее время (на момент опроса) меняется знак при коэффициенте для наличия первичной религиозной социализации на уровне индивида.

Если мы говорим о респондентах, которые не посещали религиозные службы на момент опроса, то коэффициент положительный, т.е. при наличии первичной

религиозной социализации нерелигиозные европейцы склонны более толерантно относиться к абортам, искусственному оплодотворению и эвтаназии, по сравнению с теми, кто не имел опыта первичной религиозной социализации. Иными словами, респонденты, отошедшие от религии, более склонны оправдывать девиации от предписываемых религией норм, чем те, кто ни в настоящее время, ни ранее не был активно практикующим последователем религии. Интерпретация такого результата может заключаться в том, что более либерально настроенные респонденты склонны по мере взросления ограничить посещение религиозных служб, поскольку их взгляды вступают в противоречие с церковной доктриной, т.е. слабая или отсутствующая религиозность в данном случае является следствием менее консервативных субъективных норм. Хотя имеющиеся данные не позволяют проверить гипотезу о причинно-следственных отношениях, на фоне полученного нами результата такая интерпретация кажется правдоподобной.

Если респондент в настоящее время (на момент опроса) посещает религиозные службы, и делает это достаточно часто, то знак при общем (суммарном) коэффициенте для религиозной социализации становится отрицательным. Это означает, что если мы говорим о религиозных европейцах, то респонденты, получившие первичную религиозную социализацию, являются носителями более традиционных субъективных норм на вопросы начала и окончания жизни, чем не имевшие опыта регулярного посещения религиозных служб в формативный период. Можно было бы предположить, что «эффект неофита» должен проявляться в том, что респонденты, не имевшие первичной религиозной социализации, пришедшие к вере не так давно, будут иметь более строгие субъективные нормы, в то время как те, кто получил первичную религиозную социализацию, имеющие, соответственно, более длительную религиозную историю, окажутся менее консервативны. Однако полученные нами результаты говорят об обратном и согласуются скорее с нашей основной гипотезой о религиозной социализации: для того, чтобы религиозность оказывала влияние на субъективные нормы, необходимо, чтобы работал социальный механизм, посредством которого эти нормы передаются, причем очень важной оказывается

не только религиозность в настоящее время, но подсоединение к религии в формативный период, первичная религиозная социализация. Наличие первичной религиозной социализации у религиозных людей (посещающих религиозные службы на момент опроса) является фактором, увеличивающим уровень консерватизма их субъективных норм относительно вопросов начала и окончания жизни в связи с более высокой религиозностью.

Сравнение регрессионных коэффициентов для различных вероисповеданий (исключенной категорией, с которой проводится сравнение мусульман, католиков, протестантов и православных, в нашем анализе является отсутствие вероисповедания) показало, что наиболее запрещающие субъективные нормы характеризуют мусульман. Этот результат не зависит от того, рассматриваем ли мы модель для обобщенного индекса, или же какой-либо из отдельных его компонентов. Регрессионный коэффициент для католиков и протестантов в модели для обобщенного индекса субъективных норм оказался незначимым. Это означает, что они не отличаются от респондентов без вероисповедания. Наиболее разрешительно настроены относящие себя к православному вероисповеданию. Регрессионный коэффициент для них в модели для обобщенного индекса оказался положительным и статистически значимым. Это означает, что в целом их субъективные нормы — более разрешающие, чем у людей без вероисповедания. Однако если мы рассмотрим модели для отдельных составляющих индекса, то увидим, что этот результат сохраняется только в модели, где зависимой переменной является отношение к искусственному оплодотворению. Относительно самоубийств православные респонденты имеют в значительной мере запрещающие субъективные нормы, здесь они уступают лишь мусульманам. В то же время православные респонденты практически не отличаются от респондентов без вероисповедания по уровню разрешительности субъективных норм на эвтаназию и аборты. Статистически незначимый регрессионный коэффициент, полученный для православия — это достаточно ожидаемый результат, однако неизвестно, насколько он связан именно с конфессиональными особенностями православия, или же, что более правдоподобно, это часть эффекта страны,

поскольку многие страны, где православие является доминирующей конфессией — это бывшие социалистические страны, где в целом наблюдается более слабая связь религиозности и субъективных норм. Католики, напротив, характеризуются негативным отношением к абортам — вопросу, по которому жестко запрещающая позиция Католической Церкви хорошо известна и многократно выносилась на обсуждение в публичной сфере.

Примечательно, что вопросами, где субъективные нормы представителей основных христианских конфессий полностью совпадали и отличались от субъективных норм респондентов без вероисповедания: это самоубийство, где регрессионные взгляды католиков, протестантов и православных — статистически значимые и отрицательные, и искусственное оплодотворение, где они статистически значимые и положительные. Все конфессии считают самоубийство смертным грехом, что отражается в отношении последователей христианских конфессий. Положительное отношение к искусственному оплодотворению, вероятно, связано с тем, что принадлежащие к христианству европейцы в большей мере ориентированы на рождение детей, чем находящиеся вне церкви.

Общепринятое мнение состоит в том, что последователи протестантизма характеризуются наиболее либеральными субъективными нормами по сравнению, в частности, с католиками. Результаты нашего анализа показали, что это верно лишь отчасти. Различия между этими двумя конфессиями, при контроле других переменных, оказываются очень слабыми, а если речь идет о готовности оправдывать самоубийства, при контроле частоты посещения религиозных служб, показателей первичной религиозной социализации и важности Бога в жизни респондента (а также ряда дополнительных факторов) различия между этими двумя конфессиями отсутствуют. Таким образом, различия между католиками и протестантами, вероятно, обусловлены не столько теологическими, догматическими особенностями этих конфессий, сколько теми факторами, которые выступают в нашей модели в качестве контрольных. Кроме того, необходимо отметить, что регрессионные коэффициенты для принадлежности к тому или иному вероисповеданию были рассчитаны в модели, где контролировались не

только социально-демографические характеристики, но также и уровень религиозности — частота посещения религиозных служб и важность Бога в жизни респондента, т.е., в частности, они могут быть проинтерпретированы как различия между людьми, которые не ходят на службы и считают, что Бог не важен в их жизни, но при этом относят или не относят себя к определенному вероисповеданию.

Также, в качестве контрольных, в модель были включены социально-демографические факторы, такие как: пол, возраст, образование, семейное положение, доход и статус занятости. По результатам анализа, все они характеризуются статистически значимыми регрессионными коэффициентами. Мужчины, по сравнению с женщинами, характеризуются немного более консервативными субъективными нормами.

Представители старших возрастов — более консервативны, по сравнению с молодыми европейцами. Влияние возраста может быть обусловлено рядом различных факторов, которые в настоящей работе мы не можем различить, поскольку анализ проводится на базе одной волны Европейского исследования ценностей. Так, с одной стороны, на индивидуальном уровне по мере взросления и старения субъективные нормы человека сдвигаются от более либеральных норм в молодом возрасте в консервативную сторону. С другой стороны, этот эффект может быть обусловлен сменой поколений. Более молодые когорты, в силу происходящих в обществе изменений (в частности — модернизации) становятся носителями более разрешительных субъективных норм, что и обуславливает выявленную негативную связь с возрастом.

Наличие супруга — фактор, который повышает уровень консерватизма, что является логичным результатом: более традиционные субъективные нормы относительно вопросов начала и окончания жизни реализуются, помимо прочего, в форме выбора оформления официального брака с партнером.

Такие факторы, как более высокий уровень образования и дохода, а также наличие работы, как и ожидалось на основании предыдущих исследований, связаны с более разрешительными субъективными нормами.

3.2. Связь религиозности и базовых ценностей

Далее мы рассматриваем связь религиозности и базовых ценностей (по методике Ш. Шварца) для того, чтобы проверить нашу гипотезу о влиянии уровня первичной религиозной социализации в стране на силу связи религиозности и ценностей. Ранее в настоящей главе мы пришли к выводу, что связь религиозности с субъективными нормами сильнее в тех обществах, где функционирует социальный механизм передачи религиозных ценностей и норм — религиозная социализация. Ту же гипотезу мы попытаемся проверить на основании другого массива данных и на другой зависимой переменной, что позволит повысить надежность этого вывода.

Кроме первичной религиозной социализации важную роль может играть также и вторичная религиозная социализация — изменение ценностей в зрелом возрасте под воздействием религиозности, хотя это явление носит менее массовый характер. Мы рассмотрим его воздействие на примере России, сравнив ценности воцерковленных православных верующих и ценности среднестатистических россиян.

3.2.1. Связь религиозности и базовых ценностей в европейских странах

Далее мы рассматриваем две ценности более высокого уровня (higher order values), или ценностные категории: ценности Сохранения и Открытости изменениям, рассчитанные по методике Ш. Шварца. Мы не анализируем межстрановые различия силы связи религиозности с ценностными индексами Самоутверждения и Заботы о людях и природе, поскольку эти связи (коэффициенты корреляции Пирсона) как в целом, так и в большинстве стран, были очень низкими.

Для расчетов ценностных индексов применялось центрирование: после усреднения отдельных показателей, входящих в состав того или иного индекса, из полученного результата вычиталось индивидуальное среднее по всем (21) ценностным показателям. Такая процедура рекомендуется при использовании методики Ш. Шварца для коррекции систематического смещения, вызываемого

индивидуальными различиями в восприятии и использовании оценочных шкал³³⁸. Более высокое значение индекса соответствует более высокой важности ценности.

Указанные два индекса располагаются в противоположных областях мотивационного круга, при увеличении значимости одной, теоретически, должна снижаться значимость другой: «Ценности Открытости изменениям подчеркивают готовность к новым или преобразующим идеям, действиям и переживаниям. Они контрастируют с ценностями Сохранения, которые акцентированы на избегании изменений, самоограничении и порядке»³³⁹. Использование этих ценностных индексов позволит нам рассмотреть, как и в случае с субъективными нормами, важность следования традиции.

В качестве основной информационной базы выступает Европейское социальное исследование (ESS) 2010 г. Данные этого международного сравнительного исследования включают в себя информацию по 26 европейским странам. В качестве показателя индивидуальной религиозности мы применяем вопрос о частоте посещения религиозных служб. В качестве дополнительного источника информации используется Европейское исследование ценностей (EVS) 2008 г.

В Европейском социальном исследовании вопрос о посещении религиозных служб в раннем возрасте отсутствует, однако он задавался в Европейском исследовании ценностей, что позволяет нам использовать его как показатель странового уровня. Таким образом, в моделях мы комбинируем данные двух указанных исследований: данные Европейского социального исследования применяются на уровне индивидов (вопросы о ценностях, о частоте посещения религиозных служб в настоящее время, социально-демографические показатели: пол, возраст, образование), данные Европейского исследования ценностей — на уровне стран (доля населения страны, посещавшего религиозные службы в

---

³³⁸ *Schwartz, S. H.* A proposal for measuring ... ; *Schwartz, S. H.* Computing scores for the 10 human values [Electronic resource] // Documentation for ESS-1. — [S. 1.], 2003. URL: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS1_human_values_scale.pdf (дата обращения: 24.03.2017).

³³⁹ *Шварц, Ш. [и др.]* Уточненная теория базовых ... — С. 51.

возрасте 12 лет раз в месяц или чаще). В дальнейший анализ мы включаем все страны, присутствовавшие в Европейском социальном исследовании 2010 г., кроме Израиля, поскольку эта страна отсутствовала в выборке Европейского исследования ценностей, а также делим Германию на две части: Западную и Восточную, поскольку характеристики уровня первичной религиозной социализации существенно различались для этих двух регионов. Данные взвешиваются таким образом, что каждая страна (регион) при построении моделей вносит равный вклад.

Данные волны 2010 г. Европейского социального исследования были выбраны для анализа потому, что это период, максимально близко следующий за Европейским исследованием ценностей, полевые работы по которому проводились в течение 2008-2010 гг. Поскольку мы считаем уровень первичной религиозной социализации в стране возможной причиной межстрановых различий в силе связи религиозности с базовыми ценностями, необходимо, чтобы причина по времени предшествовала следствию, в то же время, эти периоды не настолько далеко отстоят друг от друга, чтобы имела место заметная динамика основных изучаемых показателей.

Религиозность респондента мы оцениваем при помощи вопроса о частоте посещения религиозных служб, точная формулировка которого звучит следующим образом: «Если не считать особые случаи, такие как свадьбы или похороны, как часто в последнее время Вы посещаете религиозные службы?»³⁴⁰.

Связи между религиозностью респондентов в настоящее время (измеренной при помощи частоты посещения религиозных служб) и базовыми ценностями Самоутверждения и Заботы о людях и природе на данных Европейского социального исследования не наблюдается (коэффициент корреляции Пирсона равен 0,005 и 0,004 соответственно).

Если рассмотреть коэффициенты корреляции между частотой посещения служб и базовыми ценностями Сохранения и Открытости изменениям, они более

---

³⁴⁰ Для удобства мы перекодировали шкалу ответов на данный вопрос (в анкете она задана в обратном порядке): от «0» — «никогда» до «6» — «каждый день».

заметны и составляют 0,24 ($p \leq 0,001$) и -0,23 ($p \leq 0,001$) соответственно. Почти во всех странах (кроме Болгарии) есть статистически значимая связь (таблица 14): чем выше индивидуальная религиозность, тем более человек привержен ценностям безопасности, следования традициям, послушания (входящим в ценностный индекс Сохранения) и тем менее — ценностям новизны, риска, гедонизма (входящим в ценностный индекс Открытости изменениям). Примечательно, что в разных странах связи — разные по силе. В ряде стран связь между индивидуальной религиозностью и базовыми ценностями Сохранения и Открытости изменениям довольно тесная, в первую очередь — в южноевропейских странах: на Кипре коэффициенты корреляции составляют 0,39 для ценностей Сохранения и -0,37 для ценностей Открытости изменениям, в Испании $r=0,32$ и -0,28, в Греции $r=0,30$ и -0,25. Также довольно сильная связь наблюдается во многих западноевропейских странах: $r=0,28$ и -0,24 в Нидерландах, $r=0,28$ и -0,25 в западной Германии, в Швейцарии $r=0,27$ и -0,19 во Франции $r=0,24$ и -0,21.

В то же время в других странах, в первую очередь — это Россия и другие пост-социалистические страны, указанная связь оказывается значительно более слабой (исключение составляют Польша, где $r=0,30$ для ценностей Сохранения и -0,28 для ценностей Открытости изменениям и Словения, где $r=0,33$ и -0,23 соответственно): в России $r=0,11$ и -0,10, в Болгарии $r=0,03$ и -0,02, в Украине $r=0,11$ и -0,06, в Восточной Германии $r=0,13$ и -0,12. Хотя абсолютные значения коэффициентов корреляции здесь довольно низкие, за счет довольно больших объемов выборки во всех странах, за исключением Болгарии и Украины, они значимы на уровне $p \leq 0,001$. В Украине коэффициент корреляции с ценностным индексом Сохранения значим на уровне $p \leq 0,001$, с ценностным индексом Открытости изменения — на уровне $p \leq 0,05$. В Болгарии оба коэффициента не значимы.

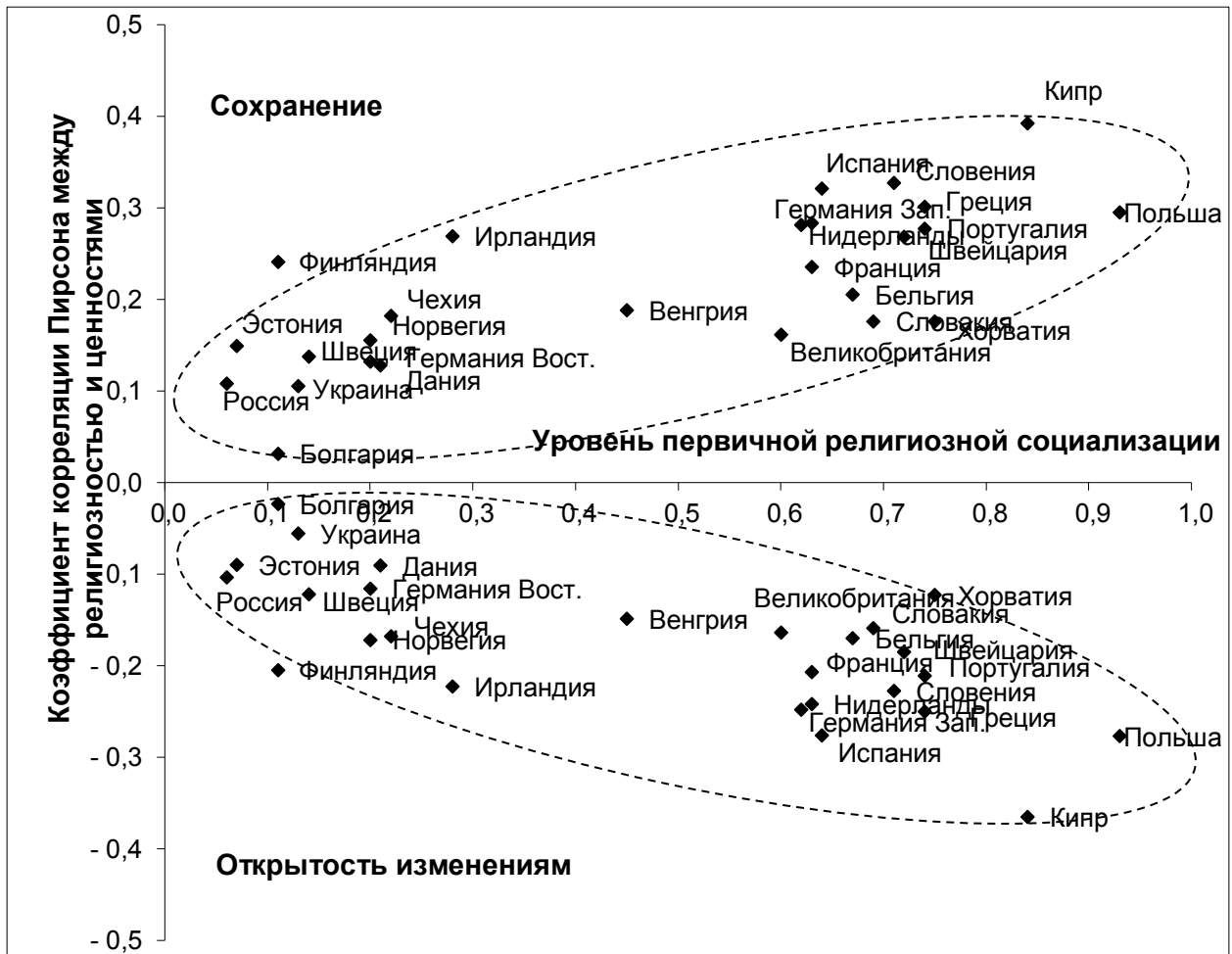
Таблица 14. Коэффициенты корреляции Пирсона между религиозностью (частотой посещения религиозных служб) и базовыми ценностями Сохранения и Открытости изменениям

Страны	Сохранение	Открытость изменениям
Бельгия	0,21***	-0,17***
Болгария	0,03	-0,02
Швейцария	0,27***	-0,19***
Кипр	0,39***	-0,37***
Чехия	0,18***	-0,17***
Германия Зап.	0,28***	-0,25***
Дания	0,13***	-0,09***
Эстония	0,15***	-0,09***
Испания	0,32***	-0,28***
Финляндия	0,24***	-0,21***
Франция	0,24***	-0,21***
Великобритания	0,16***	-0,16***
Греция	0,30***	-0,25***
Хорватия	0,18***	-0,12***
Венгрия	0,19***	-0,15***
Ирландия	0,27***	-0,22***
Нидерланды	0,28***	-0,24***
Норвегия	0,16***	-0,17***
Польша	0,30***	-0,28***
Португалия	0,28***	-0,21***
Россия	0,11***	-0,10***
Швеция	0,14***	-0,12***
Словения	0,33***	-0,23***
Словакия	0,18***	-0,16***
Украина	0,11***	-0,06*
Германия Вост.	0,13***	-0,12***

*** $p \leq 0,001$; ** $p \leq 0,01$; * $p \leq 0,05$

На рисунке 8 по оси Y представлены внутристрановые значения коэффициента корреляции Пирсона между религиозностью и ценностными индексами Сохранения / Открытости изменениям. Коэффициенты корреляции религиозности с ценностным индексом Сохранения представлены выше оси X, с ценностным индексом Открытости изменения — ниже оси X. По оси X представлен страновой уровень первичной религиозной социализации.

Рисунок 8. Сила связи важности Бога в жизни человека с ценностями Сохранения / Открытости изменениям в зависимости от странового уровня первичной религиозной социализации в 26 европейских регионах

Для более строгого объяснения межстрановых различий в силе связи между религиозностью и базовыми ценностями Сохранения и Открытости изменениям были построены две многоуровневые регрессионные модели (таблица 15).

На индивидуальном уровне рассматривается связь религиозности и базовых ценностей с контролем пола, возраста и образования. В качестве странового показателя применяется уровень первичной религиозной социализации в стране. Мы полагаем, что существенные различия между странами в силе связи между религиозностью и базовыми ценностями Сохранения и Открытости изменениям в значительной степени обусловлены различиями в уровне первичной религиозной социализации³⁴¹ как социального контекста.

³⁴¹ Meulemann, H. Religiosity in Europe ...

Таблица 15. Многоуровневые регрессионные модели, описывающие связь религиозности и базовых ценностей Сохранения и Открытости изменениям: данные по 26 регионам (нестандартизованные регрессионные коэффициенты)

Независимые переменные	Сохранение	Открытость изменениям
Константа	-0,33***	0,249***
<i>Индивидуальный уровень</i>		
Частота посещения религиозных служб	0,042***	-0,025***
Пол (0 – женский, 1- мужской)	-0,094***	0,113***
Возраст (в годах)	0,013***	-0,012***
Образование	-0,054***	0,028***
<i>Страновой уровень</i>		
Уровень первичной религиозной социализации	-0,055	0,082
<i>Межуровневый эффект взаимодействия</i>		
Частота посещения религиозных служб (на индивидуальном уровне) * Уровень первичной религиозной социализации (на страновом уровне)	0,043**	-0,046**
R^2 — индивидуальный уровень	0,25	0,20
R^2 — страновой уровень стран	0,27	0,24
N — индивидуальный уровень	47089	47089
N — страновой уровень	26	26

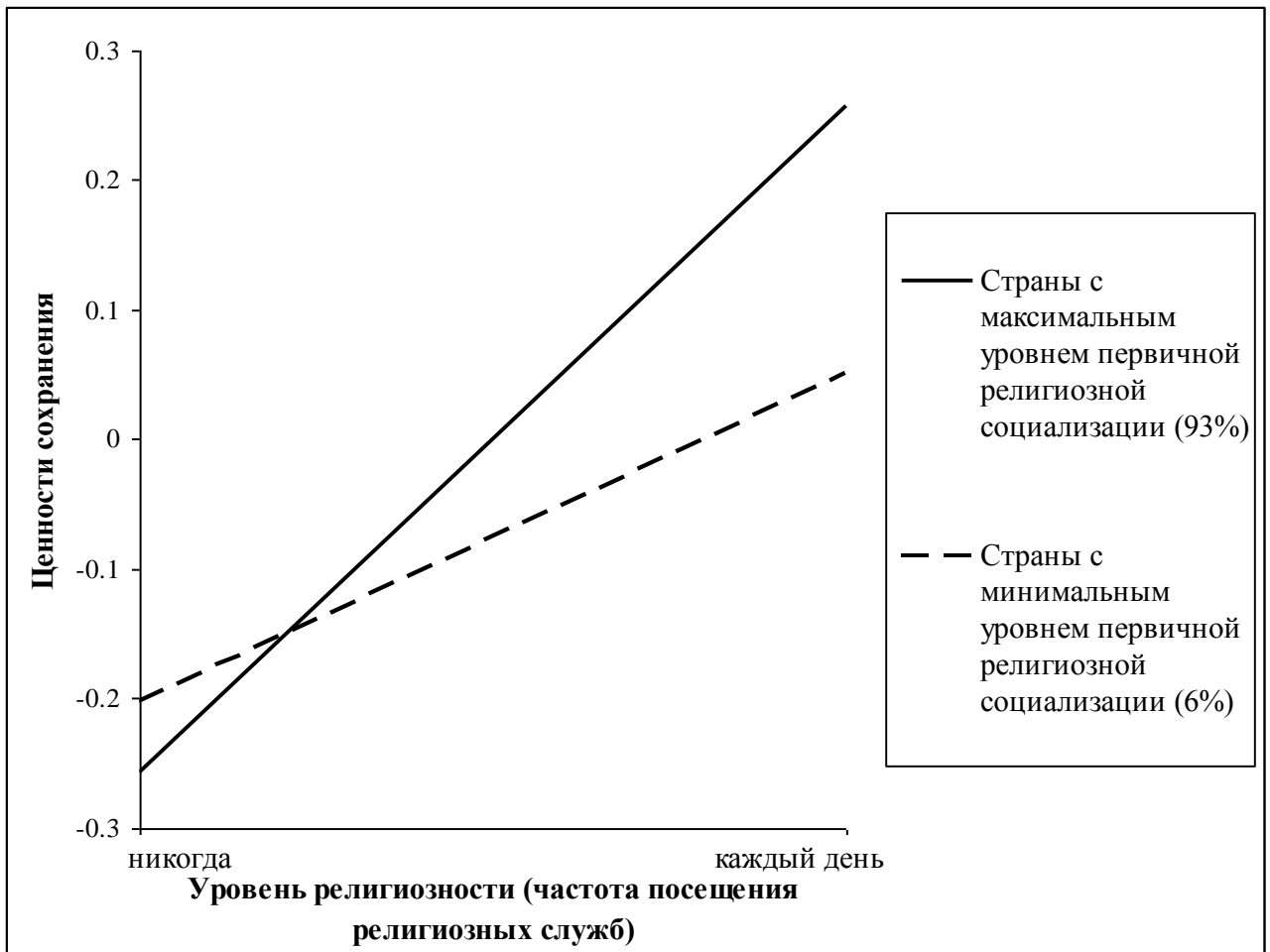
** $p \leq 0,001$; * $p \leq 0,01$.

Анализ проводился при помощи программы HLM 7 (Hierarchical Linear and Nonlinear Modeling). Метод: Restricted Maximum Likelihood; Сходимость (Cross-Level-Interaction Model): 8 итераций; псевдо- R^2 для двухуровневой регрессионной модели рассчитан по упрощенной формуле Снайдерса и Боскера³⁴². Пропущенные данные удалялись. Данные на индивидуальном уровне взвешивались таким образом, чтобы выровнять количество опрошенных в разных странах.

Как и в случае с анализом связи религиозности с субъективными нормами, в данных моделях мы получили значимый межуровневый эффект взаимодействия

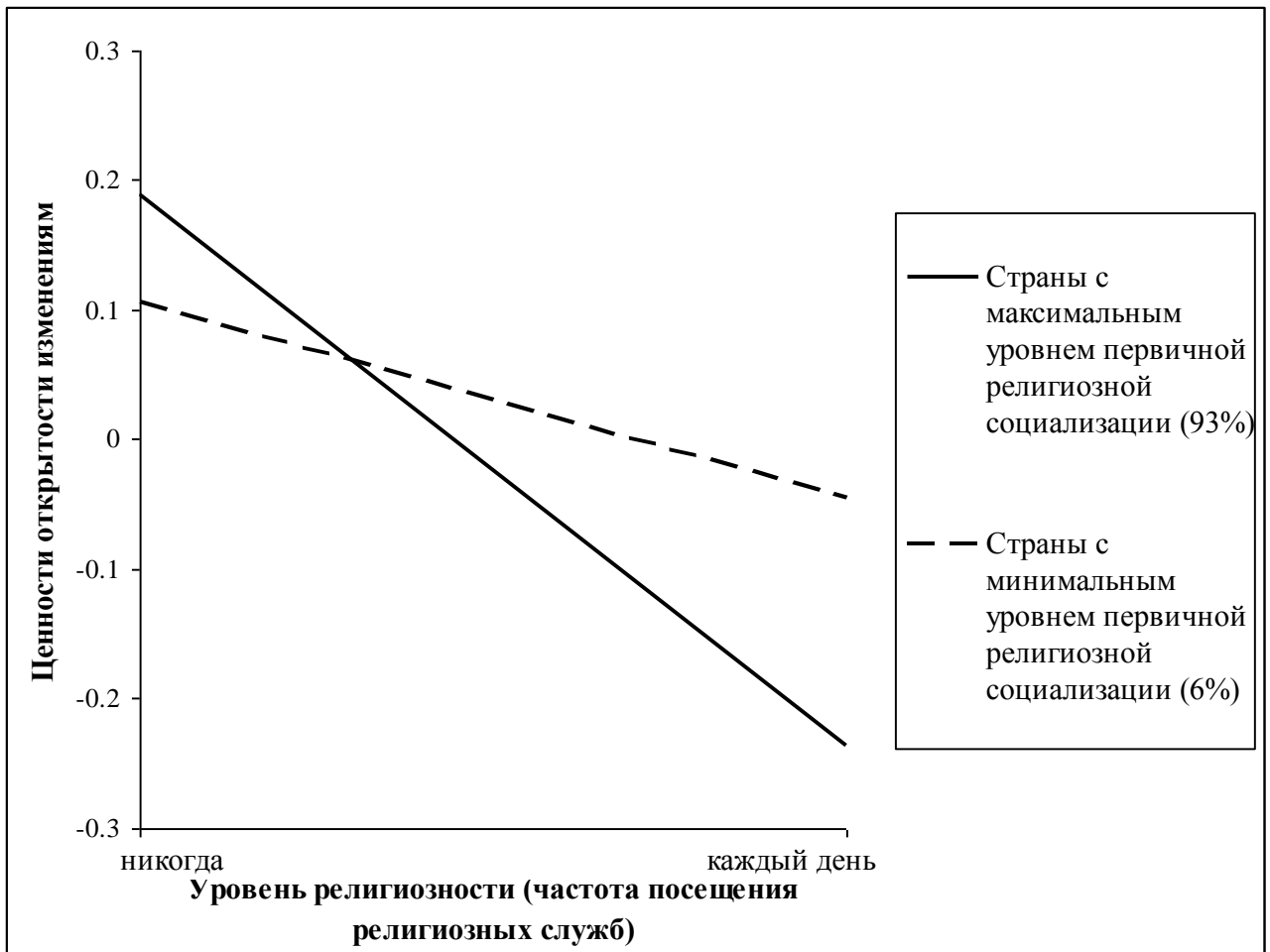
³⁴² Snijders, T. A. B., Bosker, R. J. Modeled variance in two-level models ... ; Snijders, T. A. B., Bosker, R. J. Multilevel analysis ... — P. 113—114.

индивидуальной религиозности и странового уровня первичной религиозной социализации. Полученный результат может служить подтверждением валидности наших выводов, поскольку совпадает с нашими теоретическими ожиданиями. Для того, чтобы вычислить границы, в которых изменяется предсказываемая моделью сила связи религиозности и базовых ценностей Сохранения и Открытости изменениям, необходимо рассчитать условные регрессионные коэффициенты для случая максимального и минимального значения уровня первичной религиозной социализации в странах, входящих в состав нашей выборки. Значение коэффициента b , отражающего крутизну угла наклона регрессионной прямой по ценностям Сохранения (рисунок 9), изменяется в пределах от 0,045 для минимального значения уровня первичной религиозной социализации в стране (в нашей выборке такой страной является Россия, где всего 6% населения посещали церковные службы раз в месяц или чаще в возрасте 12 лет) до 0,083 для максимального значения уровня первичной религиозной социализации в стране (в нашей выборке таким государством является Польша — 93% населения).

Рисунок 9. Ценности Сохранения: границы, в которых изменяется угол наклона регрессионной прямой в зависимости от странового уровня первичной религиозной социализации

Значение коэффициента b , отражающего крутизну угла наклона регрессионной прямой по ценностному индексу Открытости изменениям (рисунок 10), изменяется в пределах от $-0,028$ для минимального значения уровня первичной религиозной социализации в стране (в нашей выборке такой страной является Россия, где всего 6% населения посещали церковные службы раз в месяц или чаще в возрасте 12 лет) до $-0,067$ для максимального значения уровня первичной религиозной социализации в стране (в нашей выборке таким государством является Польша — 93% населения).

Рисунок 10. Ценности Открытости изменениям: границы, в которых изменяется угол наклона регрессионной прямой в зависимости от странового уровня первичной религиозной социализации

В странах с низким уровнем первичной религиозной социализации (куда вошли в основном пост-социалистические страны, кроме Польши) связь религиозности и базовых ценностей Сохранения и Открытости изменениям имеет более пологую форму, в то время как в группе стран с высоким уровнем социализации (куда вошли в основном южноевропейские страны, а также Польша) форма зависимости — более крутая (в первом случае — угол наклона положительный, во втором — отрицательный). Чем выше уровень первичной религиозной социализации в стране, тем большее влияние религиозность оказывает на базовые ценности Сохранения и Открытости изменениям.

3.2.2. Связь религиозности с базовыми ценностями в России

В качестве информационной базы настоящего раздела выступают всероссийское исследование «Ортодокс Монитор»³⁴³ и «Европейское социальное исследование» (6-й раунд, 2012 г., данные по России)³⁴⁴. Исследуемой совокупностью в III опросе «Ортодокс Монитор» (декабрь 2012 г.) было воцерковленное православное население РФ — люди в возрасте от 18 лет и старше, которые относят себя к православному вероисповеданию, исповедуются и причащаются не реже трех раз в год. Перед началом основной полевой части третьего опроса (ноябрь 2012) было проведено установочное исследование по репрезентативной выборке населения в целом (3000 респондентов) для определения социально-демографического состава изучаемой группы. Во всех случаях использовалась многоступенчатая стратифицированная территориальная случайная выборка.

Для анализа, в соответствии с рекомендациями Шварца³⁴⁵, были отобраны респонденты, ответившие на 16 или более вопросов о базовых ценностях из 21 (допускается не более 5 пропущенных значений), а также были исключены респонденты, которые дали более 16 одинаковых ответов. Всего в анализе участвуют 763-769 респондентов из выборки Ортодокс Монитора, и 2332-2337 респондентов из выборки Европейского исследования ценностей, выборки взвешивались для обеспечения репрезентативности³⁴⁶. Для коррекции систематического смещения, вызываемого индивидуальными различиями в восприятии и использовании оценочных шкал, применялось центрирование³⁴⁷:

³⁴³ Более подробная информация о проекте представлена на сайте Исследовательского семинара «Социология религии» ПСТГУ. URL: <http://socrel.pstgu.ru/RU/orthodoxmonitor>.

³⁴⁴ *ESS Round 6 : European Social Survey Round 6 data (2012). Data file edition 2.3* [Electronic resource] / NSD — Norwegian Centre for Research Data, Data archive and distributor of ESS data for ESS ERIC. — Norway, December, 1, 2016. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org> (дата обращения: 20.01.2017).

³⁴⁵ *Schwartz, S. H. Human values. From item to index* [Electronic resource] // European Social Survey Education Net. URL: <http://essedunet.nsd.uib.no/cms/topics/1/4/2.html> (дата обращения: 22.03.2017).

³⁴⁶ Для взвешивания массива Европейского исследования ценностей использовались внутристрановые веса, представленный в массиве (Design weight), для взвешивания массива Ортодокс Монитора использовались веса, рассчитанные на основании результатов нашего установочного исследования.

³⁴⁷ *Schwartz, S. H. Computing scores ...*

после усреднения отдельных показателей, входящих в состав того или иного индекса, из полученного результата вычиталось индивидуальное среднее по всем (21) ценностным показателям. Более высокое значение индекса соответствует более высокой важности ценности. Анализ проводится на основании десяти базовых ценностей по Шварцу и четырех ценностных категорий.

Одним из важнейших показателей религиозности является частота посещения церкви³⁴⁸. В качестве границы, отделяющей респондентов, регулярно посещающих религиозные службы, может быть выбрано ежемесячное посещение. В христианстве предполагается, что верующие должны посещать церковь каждое воскресенье и, согласно 80-му правилу VI Вселенского Собора, если христианин пропускает подряд три воскресные службы без серьезной причины, формально это может быть основанием для отлучения от Церкви. Посещение служб раз в месяц или чаще является достаточным условием, чтобы православный считался воцерковленным по критериям «В-индекса», предложенного В. Чесноковой³⁴⁹.

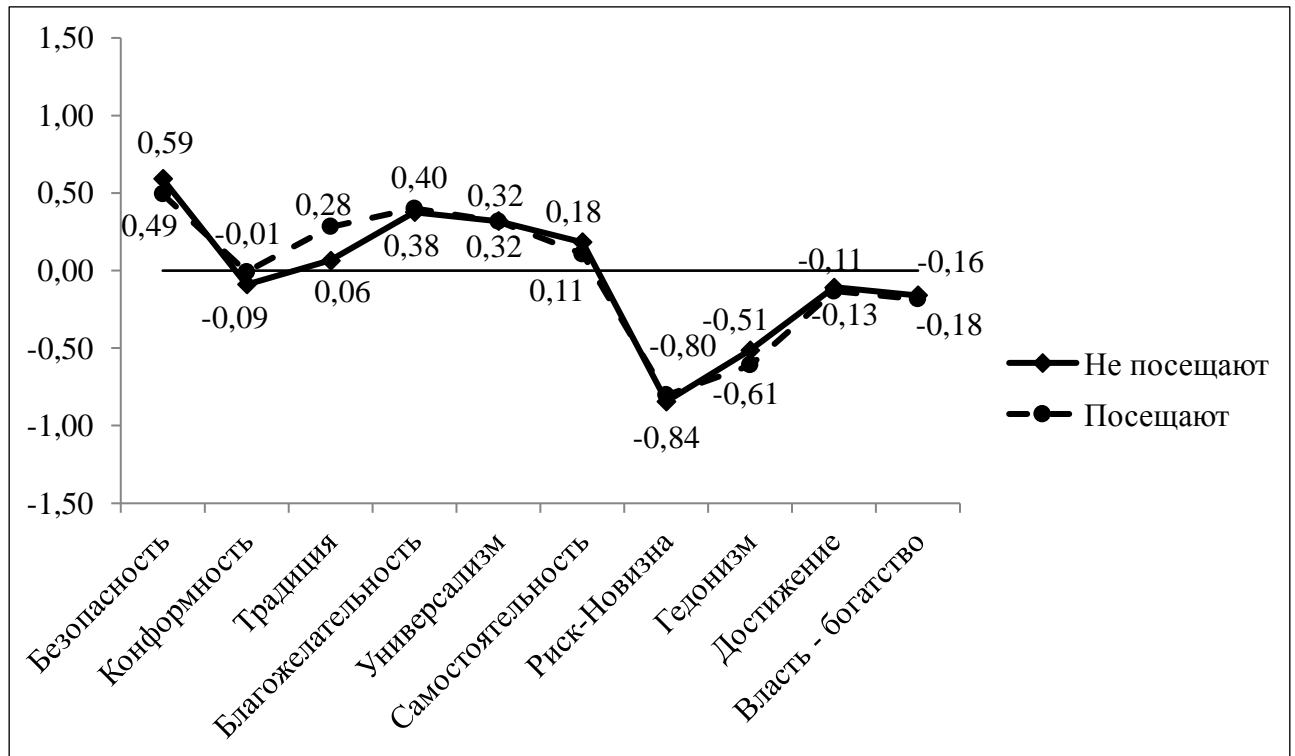
Если на основании Европейского социального исследования сравнить группу посещающих религиозные службы раз в месяц или чаще с теми, кто посещает их реже или никогда, средние значения ценностных индексов окажутся в этих двух группах очень близкими. Рисунок 11 очевидно показывает, что два ценностных профиля практически полностью совпадают, за исключением ценностного индекса Традиции, где посещающие службы раз в месяц (значение индекса 0,28) немного опережают не посещающих (0,06)³⁵⁰. Результат очень слабого влияния религиозности на ценности, основанный на результатах всероссийских массовых социологических опросов, является достаточно ожидаемым, и на этом обсуждение данной темы можно было бы закончить, однако результаты, которые будут

³⁴⁸ Glock, Ch. Y. On the study of religious commitment ... ; Inglehart, R., Norris, P. Sacred and secular...

³⁴⁹ Чеснокова, В. Ф. Тесным путем ...

³⁵⁰ Тест Стьюдента показал, что различия по ценностному индексу Традиции статистически значимы на уровне $p < 0,001$. Также формально статистически значимы ($p < 0,05$) различия по ценностным индексам Безопасности и Самостоятельности, однако в абсолютном выражении эти различия несущественны, и их статистическая значимость — просто следствие большого объема выборки, чем действительно содержательно важных различий. Базы для вычисления ценностных индексов составляют от 413 до 415 респондентов в группе посещающих службы хотя бы раз в месяц и от 1861 до 1866 респондентов в группе не посещающих.

представлены ниже, показывают, что изучаемая взаимосвязь носит более сложный характер, чем можно было бы предположить, задавая в исследовании лишь вопрос о посещении религиозных служб.

Рисунок 11. Средние значения 10 базовых ценностей среди посещающих и не посещающих религиозные службы раз в месяц и чаще в России (на базе Европейского социального исследования)

Неоднократно в наших исследованиях на уровне приходов Русской Православной Церкви мы сталкивались с ситуацией, когда прихожане, входящие в ядро приходской общины, или даже в ее периферию, существенно отличались от среднестатистических россиян по ценностям, установкам, поведению³⁵¹. Одна из важнейших характеристик, отличающих этих людей, ассоциированных с приходами, — это регулярное причащение. Причастие в православии предполагает довольно серьезную подготовку, пост и исповедь. Человек производит попытку

³⁵¹ Забаев, И. В., Орешина, Д. А., Пруцкова, Е. В. Три московских прихода : Основные социально-демографические показатели и установки представителей общин крупных приходов. — М. : Изд-во ПСТГУ, 2016. — 96 с.

переосмыслить свои взгляды, ценности, изменить поведение. Если это происходит с определенной регулярностью, это может приводить к постепенному изменению базовых ценностей, обусловленному религиозностью, что соответствует, на наш взгляд, функционированию механизмов вторичной религиозной социализации. Такой работы над собой может не происходить, если человек только посещает религиозные службы, но не причащается. Однако проверка гипотезы о влиянии именно частоты причастия, а не просто посещения церкви, связана с определенными сложностями. Во-первых, обычно вопрос о частоте причастия не задается в массовых социологических опросах, а те исследования, которые его включают, обычно не включают вопросы о базовых ценностях. Во-вторых, доля населения, причащающегося регулярно — очень низкая. В частности, по данным нашего исследования, доля православных, причащающихся 3-4 раза в год или чаще, в населении России составляла 7%. Вследствие этого, наполненность группы регулярно причащающихся православных в массивах социологических опросов обычно недостаточна, чтобы применять для ее изучения статистические методы³⁵². Эти трудности были преодолены в исследовании Ортодокс Монитор, где выборка репрезентировала именно регулярно причащающихся православных респондентов. Таким образом, мы можем сравнить показатели базовых ценностей в этой группе с показателями населения в целом, полученными в тот же год в Европейском социальном исследовании.

Средние значения ценностных индексов существенно отличаются между воцерковленными россиянами и населением в целом³⁵³. Это отчетливо видно на рисунке 12, где амплитуда графика, на котором представлены ценностные индексы, для воцерковленных православных заметно больше, чем для населения в целом. Так, по ценностям Сохранения средние показатели для воцерковленных россиян,

---

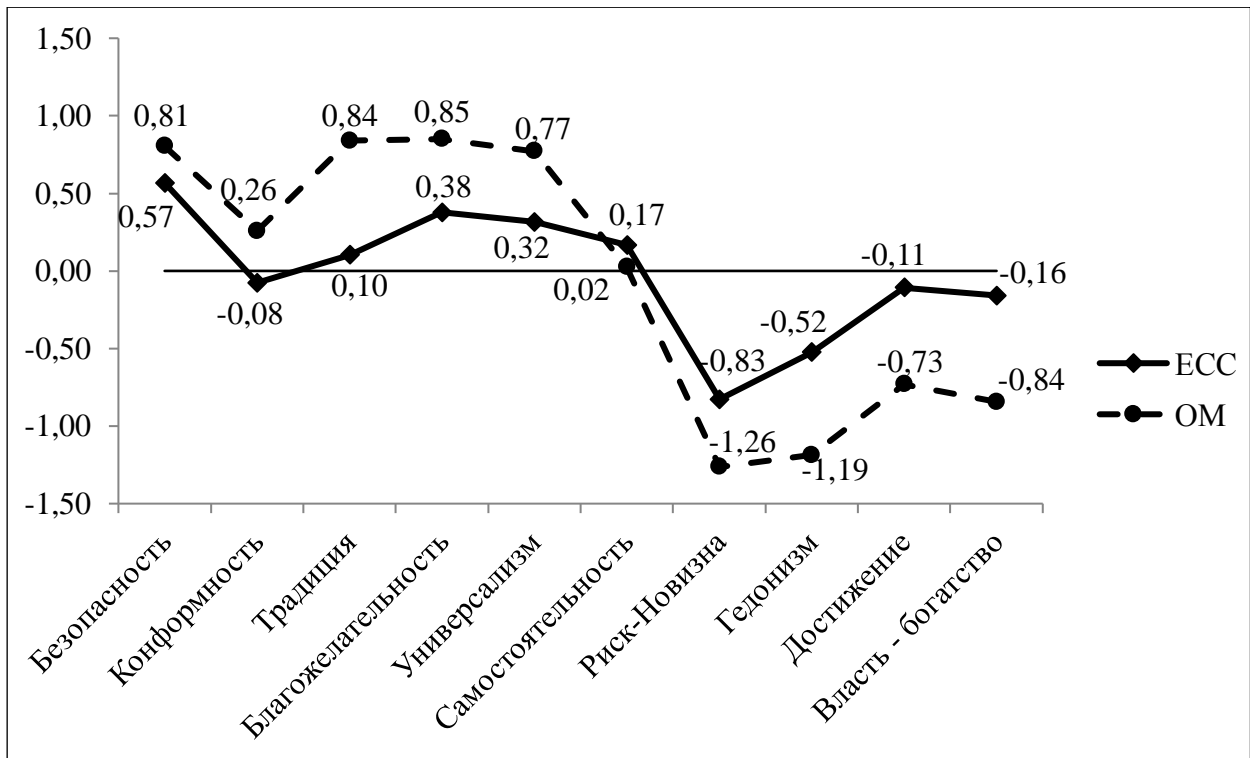
³⁵² Пруцкова Е. В., Маркин К. В. Типология православных россиян: проблема конструирования обобщенного показателя религиозности // Социологические исследования. — 2017. — №8. — С. 95—105.

³⁵³ Тест Стьюдента показал, что различия средних показателей между выборкой воцерковленного населения и населения в целом для всех 10-ти ценностных индексов, описываемых далее, статистически значимы на уровне $p < 0,001$.

опрошенных в рамках исследования Ортодокс Монитор, заметно выше, чем среди населения в целом в Европейском социальном исследовании. По ценностям Безопасности среднее по выборке воцерковленных россиян составило 0,81 (по населению в целом этот показатель составляет 0,57)³⁵⁴, по ценностям Конформности 0,26 (-0,08), по ценностям Традиции 0,84 (0,10). Как и следовало ожидать, воцерковленные православные более привержены ценностям Сохранения, однако примечательно, что различия для разных компонентов Сохранения не одинаковы по абсолютной величине. Так, особенно заметный разрыв наблюдается по ценностям Традиции, которые включают в себя следование религиозным и семейным обычаям, а также важность того, чтобы быть простым и скромным, что отвечает важной составляющей православной культуры — акценту на смирении. В то же время отличия между двумя выборками по Конформности — убеждению, что люди должны делать то, что им говорят и всегда следовать правилам, даже если никто за этим не следит, всегда вести себя правильно, — хотя и остаются заметными, однако более чем в два раза слабее. Самыми важными ценностями, как для населения в целом, так и для воцерковленных православных, оказались ценности Безопасности, и различия между двумя выборками, хотя и присутствуют, но не очень велики (разрыв в три раза меньше, чем по ценностям Традиции).

---

³⁵⁴ Здесь и далее в скобках приведены средние показатели по выборке населения в целом.

Рисунок 12. Средние значения 10 базовых ценностей в России среди населения в целом (на базе Европейского социального исследования — ECC) и воцерковленных православных (на базе исследования «Ортодокс Монитор» — OM)

Воцерковленные люди заметно более привержены ценностям Заботы о людях и природе. Так, среднее по Благожелательности так же высоко, как и по ценностям Традиции и составляет 0,85 (0,38). По Универсализму различия с населением в целом также очень заметны 0,77 (0,32). Воцерковленные православные в большей степени, чем среднестатистические россияне, верят, что люди должны беречь природу, хотят помогать окружающим и заботиться об их благополучии, для них более важно, чтобы с каждым человеком в мире обращались одинаково, они чаще готовы выслушать мнение других людей и попытаться понять их точку зрения, даже если она отличается от их собственной.

Ценности Открытости изменениям немного менее важны для воцерковленных людей, чем для среднестатистического россиянина, однако компоненты, составляющие этот ценностный индекс, заметно отличаются друг от друга. Так, по ценностям Самостоятельности среднее для воцерковленных россиян составляет 0,02 (0,17 по России в среднем), таким образом, различия здесь

минимальны, именно по этой группе ценностей две выборки в наибольшей мере близки. Среднее значение ценностного индекса Самостоятельности, близкое к нулю, означает, что для воцерковленных православных в средней степени важно придумывать новое и подходить ко всему творчески, самому принимать решения о том, что и как делать, им нравится быть свободными и не зависеть от других. В то же время для среднестатистических россиян это чуть более важно. Ценности Риска-Новизны наименее важны для населения России, по сравнению с другими ценностями, тем не менее, здесь разрыв между среднестатистическими россиянами и воцерковленными православными уже более заметен -1,26 (-0,83). Для россиян в целом не очень важно искать приключений, рисковать, жить полной событиями жизнью, постоянно пробовать что-то новое. Для воцерковленных же людей это противоречит их ценностям³⁵⁵. Ситуация относительно ценностного индекса Гедонизма, который расположен на стыке ценностей Открытости изменениям и Самоутверждения, похожа: -1,19 (-0,52). Россияне в целом не склонны придавать слишком большое значение тому, чтобы хорошо проводить время, баловать себя, они не гонятся за каждой возможностью повеселиться и получить удовольствие. Воцерковленные же люди совершенно отвергают эти ценности.

По ценностям Самоутверждения средние значения по выборке населения в целом лишь немного ниже нуля — они скорее не важны. В то же время воцерковленные православные в значительной мере противопоставляют себя этим ценностям. Так, значения по ценностному индексу Достижения — важности быть успешным, показать свои способности и добиться восхищения окружающих — составляют -0,73 (-0,11). Похожая ситуация и с ценностями Власти — стремления добиться уважения окружающих и заставить людей подчиняться, и Богатства — важности того, чтобы иметь много денег и дорогих вещей: -0,84 (-0,16).

Рассмотренные отличия достаточно существенны, однако они могут оказаться лишь следствием заметно отличающегося социально-демографического

---

³⁵⁵ Показательно, что во время проведения опроса несколько воцерковленных женщин расценили формулировку «Она ищет приключений и ей нравится рисковать» как оскорбление, и интервьюерам пришлось уговаривать их не прерывать интервью.

состава опрошенных. Так, среди опрошенных воцерковленных православных существенно больше женщин, поскольку женщин среди воцерковленных людей и в генеральной совокупности (население России) заметно больше, чем мужчин. По всем остальным параметрам отличия от Европейского социального исследования не такие кардинальные, однако присутствуют. Кроме того, в массиве Европейского социального исследования также присутствует некоторое количество воцерковленных россиян, и важные различия могут в определенной степени затеняться таким смешением³⁵⁶. Для того, чтобы проконтролировать воздействие указанных факторов, мы проводим линейный регрессионный анализ, включая в качестве контрольных переменных вопрос о частоте посещения религиозных служб и социально-демографические параметры (пол, возраст, образование), которые, по результатам предыдущих исследований, могут быть связаны с базовыми ценностями.

Анализ проводится на основании объединенного массива данных двух исследований — всероссийского опроса Ортодокс Монитор и Европейского социального исследования. Результаты представлены в таблице 16.

---

³⁵⁶ Вследствие этого выделенные нами различия на самом деле могут быть еще более заметными. Частично этот эффект мы попытаемся проконтролировать далее.

Таблица 16. Линейные регрессионные модели, описывающие силу связи религиозности и базовых ценностей в России (стандартизованные регрессионные коэффициенты)

	Безопасность	Конформность	Традиция	Благожелательность	Универсализм	Самостоятельность	Риск-Новизна	Гедонизм	Достижение	Власть - богатство	Забота о людях и природе	Самоутверждение	Сохранение	Открытость изменениям
Принадлежность к целевой выборке воцерковленного населения (OM=1, ESS=0)	0,1**	0,1**	0,26**	0,23**	0,25**	-0,05**	-0,13**	-0,21**	-0,24**	-0,28**	0,29**	-0,32**	0,23**	-0,2**
Посещение религиозных служб 1 раз в месяц и чаще (да=1, нет=0)	-0,04*	н.з.	0,08**	0,03*	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.	н.з.	-0,03*	0,04**	н.з.
Пол (м=1, ж=0)	-0,11**	н.з.	-0,04**	н.з.	-0,04**	0,08**	0,06**	н.з.	0,03*	0,04**	-0,04**	0,04**	-0,08**	0,07**
Возраст (от 15 до 92)	0,21**	0,3**	0,29**	0,19**	0,28**	-0,1**	-0,31**	-0,32**	-0,26**	-0,16**	0,29**	-0,25**	0,38**	-0,38**
Образование (ниже среднего=1, высшее=6)	-0,06**	-0,06**	-0,13**	-0,03*	-0,05**	0,12**	н.з.	н.з.	0,11**	0,11**	-0,05**	0,13**	-0,12**	0,05**
R^2	0,08	0,12	0,22	0,11	0,17	0,04	0,13	0,17	0,16	0,14	0,21	0,22	0,27	0,23
N	3038	3034	3040	3036	3040	3040	3037	3029	3039	3037	3040	3040	3040	3040

** $p < 0,05$; * $p < 0,10$; н.з. — не значимо ($p > 0,10$).

Результаты анализа показали, что даже при контроле социально-демографических показателей и частоты посещения религиозных служб различия между выборкой воцерковленных православных и выборкой населения в целом остаются существенными при анализе всех базовых ценностей, а также ценностных категорий.

Воцерковленные православные россияне значительно более привержены ценностям Сохранения и Заботы о людях и природе и менее — ценностям Открытости изменениям и Самоутверждения. Регулярное посещение религиозных служб является более слабым фактором, связанным с базовыми ценностями, чем принадлежность к группе воцерковленного населения.

Социально-демографические факторы также оказывают существенно влияние на базовые ценности. Так, ценности Открытости изменениям и Самоутверждения оказались более важны для мужчин, для более высокообразованных респондентов, для более молодых респондентов. В то же время, ценности Сохранения и Заботы о людях и природе, представляющие противоположные полюса ценностного круга, более важны для женщин, для представителей старших возрастов, а также респондентов с более низким уровнем образования.

Представленный анализ показал, что религиозность в России в заметной мере связана с базовыми ценностями, однако эта связь проявляется при сравнении религиозности только у резко различающихся по религиозности групп населения — воцерковленных, регулярно (по меньшей мере 3-4 раза в год) причащающихся православных, с одной стороны, и среднестатистических россиян, которые, в большинстве, хотя и заявляют о своей принадлежности к православному вероисповеданию, но в церковь если и заходят, то лишь изредка, чаще с целью поставить свечку, набрать крещенской воды или освятить куличи на Пасху, чем ведут какую-то целенаправленную работу по переосмыслению своих ценностей и субъективных норм, приведению их в соответствие с религиозным учением. Необходимо сделать оговорку, что возможно также и обратное направление причинно-следственных связей — возможно, именно люди с определенным

ценностным профилем склонны выбирать церковный образ жизни. Этот вопрос требует дополнительного более детального изучения в будущих исследованиях, однако мы склонны полагать, что определенную работу над своими ценностями и субъективными нормами воцерковленные православные все же осуществляют, и отвечает за нее определенный социальный механизм – участие в таинствах исповеди и причастия.

Полученный нами результат может быть следствием двух причин. Первая из них заключается в том, что воцерковленность, индикатором которой является частота причастия, даже при контроле частоты посещения религиозных служб, является существенным фактором, связанным с базовыми ценностями. Конечно, разница в социально-демографических характеристиках опрошенных в исследовании Ортодокс Монитор, по сравнению с Европейским социальным исследованием, очень существенная (особенно по полу и уровню религиозности), и в значительной степени это обусловлено характеристиками группы воцерковленных православных. Однако даже если выделить в Европейском социальном исследовании группу религиозных верующих (посещающих службы раз в месяц и чаще), что приближает их к нашей целевой выборке, и проконтролировать в линейной регрессии основные социально-демографические показатели, по результатам предыдущих исследований оказывающие воздействие на ценности, то базовые ценности в выборке опроса Ортодокс Монитор, тем не менее, будут отличаться очень существенно.

Помимо прямой связи воцерковленности с базовыми ценностями, этот результат может быть отчасти связан с причинами методического характера. Можно предположить, что по ряду причин воцерковленные православные россияне часто не попадают в выборки массовых социологических опросов, а те, кто оказываются в выборках этих опросов наиболее воцерковленными, на самом деле представляют собой группу, довольно близкую по ценностям и установкам к светской части общества. Поэтому при анализе большинства имеющихся данных исследователи приходят к результату, что религиозность лишь слабо связана с базовыми ценностями.

Одним из неожиданных результатов стали обнаруженные значительные различия между воцерковленными православными и среднестатистическими россиянами по ценностям Универсализма. Принято считать, что религиозность связана с партикуляризмом, и в большинстве предыдущих исследований связь религиозности с ценностями Универсализма либо была отрицательной, либо отсутствовала, и лишь изредка была слабой положительной. Наше исследование показало, что воцерковленные православные, значительно чаще, чем среднестатистические россияне, считают важным, чтобы с каждым человеком в мире обращались одинаково, и в большей мере готовы выслушать мнение других людей и попытаться понять их точку зрения, даже если она отличается от их собственной. Также, несмотря на общие низкие показатели по ценностям Открытости изменениям, различия обусловлены в значительной мере отвержением ценностей Гедонизма и Риска-Новизны, в то время как по ценностям Самостоятельности различия со среднестатистическими россиянами минимальны.

Заключение

Мы фиксируем, что в России и в ряде других пост-социалистических стран теоретически обоснованные закономерности, описывающие связь религиозности с субъективными нормами и базовыми ценностями, отсутствуют или слабы, в то время как в других странах они присутствуют и достаточно сильны, в первую очередь — в странах западной и южной Европы.

В диссертационном исследовании предлагается новый ответ на исследовательский вопрос о причинах зафиксированных межстрановых различий. Ключевой фактор, который объясняет, по какой причине в одних странах указанная взаимосвязь — сильная, в то время как в других — слабая или отсутствует, — это уровень первичной религиозной социализации в стране как характеристика социального контекста религиозности.

До настоящего времени существовало несколько подходов к объяснению слабой или отсутствующей связи между религиозностью и ценностями в России и ряде других постсоциалистических стран, в то время как в ряде других стран эта связь сильна. Так, исследователи полагали, что за религиозностью в России стоит некий нерелигиозный фактор, например, этническая или культурная идентичность. С другой стороны, может иметь место т.н. «эффект дна»: если в целом ценности и субъективные нормы в России и ряде других постсоциалистических стран в значительной мере консервативны, это приводит к ситуации относительной гомогенности общества по его отношению к ценностям, в силу чего влияние каких-либо факторов вообще оказывается более слабым. Следующий подход к объяснению данного феномена связан с воздействием социального контекста, в котором находится человек. Так, только в том социальном контексте, где религия важна для большинства населения и воспринимается как легитимное основание для действия, должна наблюдаться существенная связь индивидуальной религиозности и ценностями и нормами. Последнее объяснение подтверждают результаты ряда межстрановых исследований, однако существует и противоположная точка зрения: в ситуации, когда в обществе превалируют секулярные нормы и ценности, религиозная часть населения прилагает больше усилий для передачи религиозных

ценностей и норм следующему поколению, что теоретически должно приводить к усилению влияния религиозности на ценности и субъективные нормы. Проверка гипотезы о социальном контексте религиозности на основании данных Европейского исследования ценностей, проведенная в настоящем исследовании, показала, что средний уровень религиозности в стране, в зависимости от используемого для его измерения показателя, либо не влияет на силу связи религиозности с субъективными нормами на вопросы начала и окончания жизни, либо влияет обратным гипотезе о социальном контексте образом. Тем не менее, предположение о важности социального контекста оказывается продуктивным для объяснения слабой или отсутствующей связи религиозности с нормами и ценностями в России и ряде других постсоциалистических стран, однако нуждается в модификации.

В настоящем диссертационном исследовании мы привели следующее объяснение: существенная взаимосвязь индивидуальной религиозности с нормами и ценностями наблюдается в обществах, где протекает социальный процесс, обеспечивающий передачу религиозных ценностей — первичная религиозная социализация. Воздействие религиозной социализации важно не только на уровне индивида, но и на уровне социального контекста религиозности общества в целом. В социальном контексте религиозности, характеризующемся низким уровнем первичной религиозной социализации, связь религиозности с субъективными нормами относительно вопросов начала и окончания жизни, а также базовыми ценностями «Сохранения» и «Открытости изменениям» оказывается более слабой. Тот же эффект мы наблюдаем на индивидуальном уровне: если говорить о людях религиозных, наличие первичной религиозной социализации усиливает связь религиозности с субъективными нормами.

Прогнозируя возможные сценарии изменения норм или ценностей в той или иной стране в связи с усилением либо ослаблением роли религии, необходимо принимать во внимание социальные процессы, посредством которых реализуется влияние религии на нормы и ценности. Исходя из результатов нашего исследования, при изменении уровня религиозности населения, мы скорее будем

ожидать существенные ценностные сдвиги не сразу, а лишь в том поколении, которое проходит первичную социализацию в ситуации изменившегося места религии в общественной жизни.

В целом обнаруженный нами эффект первичной религиозной социализации на индивидуальном уровне оказался существенно более сложным, чем предполагалось изначально. Процессы, которые происходят с человеком в связи с его религиозностью, невозможно охарактеризовать лишь одной причинно-следственной взаимозависимостью, в них присутствует множество компонент, которые могут оказывать разнонаправленное воздействие. Полученные результаты свидетельствуют в пользу тезиса о том, что имеет место как влияние религиозности на субъективные нормы, так и обратное влияние, когда субъективные нормы определяют, останется ли человек в рядах последователей религии, или, наоборот, сократит частоту религиозных практик, включая полный отказ от посещения религиозных служб. Данный тезис требует дальнейшей проверки на основании данных лонгитюдных панельных исследований.

Упомянем и некоторые ограничения данной работы. За рамками нашего анализа остаются такие механизмы религиозной социализации, как религиозное образование в средней школе и другие религиозные практики, помимо посещения служб (например, чтение священных текстов и участие в таинствах). Другим ограничением для наших выводов является возможное присутствие третьей переменной, оказывающей влияние одновременно на формирование ценностей и на посещение религиозных служб в детстве, а именно — традиционные ценности родителей, передаваемые детям. Кроме того, не исключено воздействие методических факторов. Так, на примере исследования базовых ценностей воцерковленных православных в России мы показали, что нельзя исключить, что по ряду причин воцерковленные православные россияне не попадают в выборки массовых социологических опросов, а те, кто оказываются в выборках этих опросов наиболее воцерковленными, на самом деле представляют собой группу, довольно близкую по ценностям и установкам к светской части общества. Поэтому

при анализе большинства имеющихся данных исследователи приходят к результату, что религиозность лишь слабо связана с базовыми ценностями.

Список литературы

750 определений религии: история символизаций и интерпретации: монография / под ред. Е. И. Аринина. — Владимир : Изд-во ВлГУ, 2014. — 460 с.

Аберкромби, Н., Хилл, С., Тернер, Б. С. Социологический словарь / Н. Аберкромби, С. Хилл, Б. С. Тернер. — М. : Экономика, 2004. — 620 с.

Андреенкова, А. В. Межстрановые сравнительные исследования в социальных науках : методология, этапы развития, современное состояние / А. В. Андреенкова // Мир России. — 2011. — № 3. — С. 125—154.

Андреенкова, А. В. Сравнительные межстрановые исследования в социальных науках: теория, методология, практика / А. В. Андреенкова. — М. : Новый хронограф, 2014. — 516 с.

Астахова Л. С., Пруцкова Е. В. Социализация религиозная / Л. С. Астахова, Е. В. Пруцкова // Энциклопедический словарь социологии религии / Под ред. М. Ю. Смирнова. — СПб. : Платоновское философское общество, 2017. — С. 343—345.

Безрогов, В. Г. Между Сталиным и Христом : религиозная социализация детей в советской и постсоветской России (на материалах воспоминаний о детстве) / В. Г. Безрогов // Антропологический форум. — 2006. — № 4. — С. 130—162.

Белинская, Е. П. Система ценностей личности в перспективе толерантности / Е. П. Белинская // Век толерантности. — 2003. — № 5. — С. 61—72.

Вебер, М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Теоретическая социология: Антология : в 2 ч. Часть 1 / пер. с англ., фр., нем., ит. ; сост. и общ. ред. С. П. Баньковской. — М. : Книжный Дом «Университет», 2002. — С. 70—146.

Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения / М. Вебер ; пер. с нем. ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. — М. : Прогресс, 1990. — С. 44—272.

Вебер, М. Протестантские секты и дух капитализма // Избранные произведения / М. Вебер ; пер. с нем. ; сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова ; предисл. П. П. Гайденко. — М. : Прогресс, 1990. — С. 273—306.

Великий пост — 2021. Аналитический обзор ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/velikii-post-2021> (дата обращения : 07.04.2021).

Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс. — М. : Эдиториал УРСС, 1999. — 704 с.

Гудков, Л. Д. Общество с ограниченной вмняемостью / Л. Д. Гудков // Вестник общественного мнения : Данные. Анализ. Дискуссии. — 2008. — № 1 (93). — С. 8—32.

Гузельбаева Г. Я. Агенты религиозной социализации в постсекулярный период : Роль в трансформации ценностно-нормативной системы / Г. Я. Гузельбаева // Казанский социально-гуманитарный вестник. — 2015. — №4(17). — С. 21—26.

Гуттман, Л. Основные компоненты шкального анализа / Л. Гуттман // Математические методы в современной буржуазной социологии : сборник статей / общ. ред. Г.В. Осипова. — М. : Прогресс, 1966. — С. 288—343.

Дубин, Б. В. Массовая религиозная культура в России (тенденции и итоги 1990-х годов) / Б. В. Дубин // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. — 2004. — № 3 (71). — С. 35—44.

Дубин, Б. В. О поколенческом механизме социальных сдвигов / Б. В. Дубин // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития / общ. ред. Т. И. Заславской. — М. : Аспект Пресс, 1995. — С. 237—247.

Дюркгейм, Э. Метод социологии // Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э. Дюркгейм ; пер. с фр., сост., послесл. и прим. А. Б. Гофмана. — М. : Канон, 1995. — С. 7—154.

Дюркгейм, Э. Самоубийство : Социологический этюд / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. с сокр. ; под ред. В. А. Базарова. — М. : Мысль, 1994. — 400 с.

Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии / Э. Дюркгейм // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология / пер. с англ., нем., фр. ; сост. и общ. ред. А. Н. Красникова. — М. : Канон+, 1998. — С. 174—231.

Емельянов, Н. Н. Анализ секуляризации в России со стороны предложения / Н. Н. Емельянов // Христианское чтение. — 2017. — № 1. — С. 152—188.

Емельянов, Н. Н. Парадокс религиозности : Откуда берутся верующие? / Н.Н. Емельянов // Мониторинг общественного мнения : Экономические и социальные перемены. — 2018. — № 2. — С. 32—48.

Забаев, И. В., Орешина, Д. А., Пруцкова, Е. В. Три московских прихода : Основные социально-демографические показатели и установки представителей общин крупных приходов / И. В. Забаев, Д. А. Орешина, Е. В. Пруцкова. — М. : Изд-во ПСТГУ, 2016. — 96 с.

Забаев, И. В., Орешина, Д. А., Пруцкова, Е. В. Три московских прихода : Основные социально-демографические показатели и установки представителей общин крупных приходов. — М. : Изд-во ПСТГУ, 2012. — 96 с.

Зоркая, Н. А. Православие в безрелигиозном обществе / Н. А. Зоркая // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. — 2009. — № 2 (100). — С. 65—85.

Ивин, А. А. Логика оценок и норм. Философские, методологические и прикладные аспекты / А. А. Ивин. — М. : Проспект, 2016. — 320 с.

Ивин, А. А., Никифоров, А. Л. Нормативное высказывание // Словарь по логике / А. А. Ивин, А. Л. Никифоров. — М. : Гуманитарный издательский центр «Владос», 1997. — С. 226—228.

Инглхарт, Р., Вельцель, К. Модернизация, культурные изменения и демократия : последовательность человеческого развития / Р. Инглхарт, К. Вельцель. — М. : Новое издательство, 2011. — 464 с.

Ипатова, Л. П. Типы религиозного обращения в православие женщин в современной России : дис. ... канд. социол. наук : защищена 22.00.06 / Л. П. Ипатова. — М., 2006. — 178 с.

Карандашев, В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности : концепция и методическое руководство / В. Н. Карандашев. — СПб. : Речь, 2004. — 70 с.

Катехизис Католической церкви. — 4-е изд. — М. : Культурный центр «Духовная библиотека», 2001. — 813 с.

Кублицкая, Е. А. Динамика процесса десекуляризации в мегаполисе / Е. А. Кублицкая // Наука. Культура. Общество. — 2016. — № 3. — С. 104–123.

Лапин, Н. И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов / Н. И. Лапин // Социологические исследования. — 2010. — № 1. — С. 28—36.

Лебедев С. Д. Проправославный консенсус в России начала XXI века как феномен религиозной ситуации / С. Д. Лебедев // Научный результат. Серия: Социология и управление. — 2015. — Т. 1. — № 1. — С. 14—21.

Лебедев, С. Д. Две культуры : религия в российском светском образовании на рубеже XX—XXI веков / С. Д. Лебедев. — Белгород : Изд-во БелГУ, 2005. — 250 с.

Лебедева, Н. М., Татарко, А. Н. Ценности культуры и развитие общества / Н. М. Лебедева, А. Н. Татарко. — М. : Издательский дом ГУ-ВШЭ, 2007. — 527 с.

Локосов, В. В., Синелина, Ю. Ю. Взаимосвязь религиозных и политических ориентаций православных россиян / В. В. Локосов, Ю. Ю. Синелина // Религия в самосознании народа (религиозный фактор в идентификационных процессах) / под ред. М. П. Мчедлова. — М. : Институт социологии РАН, 2008. — С. 135—158.

Магун, В. С. Движение от традиционных семейных норм к современным : сравнение России и Франции / В. С. Магун // Вестник Института социологии. — 2011. — № 2. — С. 107—116.

Магун, В. С. Диспозиции и реальное поведение личности / В. С. Магун // Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности : Диспозиционная концепция / В. А. Ядов [и др.]. — 2-е расширенное изд. — М. : ЦСПиМ, 2013. — С. 150—202.

Магун, В. С. Потребности и психология социальной деятельности личности / В. С. Магун. — Л. : Наука, 1983. — 176 с.

Магун, В. С. Субъективные нормы на семью у россиян и французов : традиционное и современное / В. С. Магун // Родители и дети, мужчины и женщины

в семье и обществе / общ. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской. — Вып. 2 — М. : НИСП, 2009. — С. 139—162.

Магун, В. С., Руднев, М. Г. Альтернативные структуры ценностных переменных Ш. Шварца в Европе / В. С. Магун, М. Г. Руднев // XV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества : в 4-х книгах. Книга 4 / отв. ред. Е. Г. Ясин. — М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. — С. 488—499.

Магун, В. С., Руднев, М. Г. Базовые ценности двух поколений россиян и динамика их социальной детерминации / В. С. Магун, М. Г. Руднев // XII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества : в 4-х книгах. Книга 3 / отв. ред. Е. Г. Ясин. — М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. — С. 87—97.

Магун, В. С., Руднев, М. Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте / В. С. Магун, М. Г. Руднев // *Общественные науки и современность*. — 2010. — № 3. — С. 5—22.

Магун, В. С., Руднев, М. Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте (окончание) / В. С. Магун, М. Г. Руднев // *Общественные науки и современность*. — 2010. — № 4. — С. 5—17.

Магун, В. С., Руднев, М. Г. Базовые ценности россиян и других европейцев (по материалам опросов 2008 года) / В. С. Магун, М. Г. Руднев // *Вопросы экономики*. — 2010. — № 12. — С. 107—130.

Магун, В. С., Руднев, М. Г. Дифференциация европейского населения по приверженности ценностям традиции/рациональности и выживания/самовыражения / В. С. Магун, М. Г. Руднев // XIII Международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах. Книга 2 / отв. ред. Е. Г. Ясин. — М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012. — С. 527—540.

Магун, В. С., Руднев, М. Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами / В. С. Магун,

М. Г. Руднев // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. — 2008. — № 1(93). — С. 33—58.

Магун, В. С., Руднев, М. Г. Межпоколенная динамика базовых ценностей: постсоциалистические страны в сравнении со странами Западной и Северной Европы / В. С. Магун, М. Г. Руднев // XIV Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества: в 4-х книгах. Книга 3 / отв. ред. Е. Г. Ясин. — М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2014. — С. 537—548.

Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. — 3-е изд. — СПб. : Питер, 2002. — 352 с.

Ментус В. Традиционная ценностная ориентация и религиозность — многоуровневый анализ в странах Европы / В. Ментус // Научный результат. Социология и управление. — 2021. — Т. 7. — № 3. — С. 34—40.

Мчедлова, М. М. Роль религии в современном обществе // Социологические исследования. — 2009. — № 12. — С. 77—84.

Нибур, Р. Опыт интерпретации христианской этики / Р. Нибур // Христос и культура. Избранные труды Ричарда Нибура и Рейнхольда Нибура (сборник) / под ред. Е. Н. Балашовой. — М. : Юрист, 1996. — С. 375—513.

Общественное мнение — 2020 / Левада-Центр. — М. : Аналитический Центр Юрия Левады («Левада-Центр»), 2020. — 152 с.

Основы социальной концепции Русской Православной Церкви [Электронный ресурс]. — М, 2000. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 25.10.2017).

Отто, Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным / Р. Отто ; пер. с нем. А. М. Руткевич. — СПб. : Изд-во С.-Петербургского университета, 2008. — 272 с.

Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс ; общ. ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. — 2-е изд. М. : Академический проект, 2002. — 880 с.

Пиаже, Ж. Избранные психологические труды. Психология интеллекта. Генезис числа у ребенка. Логика и психология / Ж. Пиаже. — М. : Просвещение, 1969. — 659 с.

Пруцкова Е. В., Маркин К. В. Типология православных россиян: проблема конструирования обобщенного показателя религиозности / Е. В. Пруцкова, К. В. Маркин // Социологические исследования. — 2017. — №8. — С. 95—105.

Резаев, А. В., Стариков, В. С. Сравнительный анализ в социологии: уровни применения и концептуальные проблемы / А. В. Резаев, В. С. Стариков // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2012. — Т. 15. — № 4 (63). — С. 44—62.

Резаев, А. В., Стариков, В. С., Трегубова, Н. Д. Сравнительная социология : общая характеристика и перспективы развития / А. В. Резаев, В. С. Стариков, Н. Д. Трегубова // Социологический журнал. — 2014. — № 2. — С. 89—113.

Рощина, Я. М. Роль религии в жизни Россиян / Я. М. Рощина // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. — 2018. — №8. — С. 100-112.

Руднев, М. Г., Магун, В. С. Ценностный консенсус и факторы ценностной дифференциации населения России и других европейских стран / М. Г. Руднев, В. С. Магун // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. — 2011. — Т. 11. — № 4. — С. 81—96.

Руднев, М. Г., Савелькаева, А. С. Роль культурных и индивидуальных ценностей в отношении к эвтаназии / М. Г. Руднев, А. С. Савелькаева // XVI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества : в 4-х книгах. Книга 4 / отв. ред. Е. Г. Ясин. — М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2016. — С. 84—93.

Рязанова С. В. Роль регионального фактора в формировании локальной конфессиональной ситуации / С. В. Рязанова // Вестник Пермского федерального исследовательского центра. — 2019. — №1. — С. 55—62.

Синелина, Ю. Ю. Динамика процесса воцерковления православных / Ю. Ю. Синелина // Социологические исследования. — 2006. — № 11. — С. 89—97.

Синелина, Ю. Ю. Измерение религиозности населения России : православные и мусульмане : суеверное поведение россиян / Ю. Ю. Синелина. — М : Наука, 2006. — 112 с.

Синелина, Ю. Ю. О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах её изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман) / Ю. Ю. Синелина // Социологические исследования. — 2013. — № 10. — С. 104—115.

Смирнов, М. Ю. Возможно ли отказаться от концепта религиозности при исследовании религии? / М. Ю. Смирнов // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. — 2015. — Т. 16. — Вып. 2. — С. 145—153.

Снеговая, М. С. Влияние конфессиональной принадлежности на социально-экономические предпочтения и поведение религиозных респондентов (на примере Украины) : дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 : защищена 27.10.2011 / М. С. Снеговая. — М., 2011. — 193 с.

Тиллих, П. Систематическая теология / П. Тиллих ; пер. Т. Лифинцева и др. — М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. — Т. 1—2. — 462 с.

Тихомандрицкая, О. А., Дубовская, Е. М. Особенности социально-психологического изучения ценностей как элементов когнитивной и мотивационно-потребностной сферы / О. А. Тихомандрицкая, Е. М. Дубовская // Мир психологии. — 1999. — № 3. — С. 80—90.

Узланер, Д. А. Конец «проправославного консенсуса» : религия как новый раскол российского общества / Д. А. Узланер // Новое литературное обозрение. — 2020. — № 3 (163) — С. 96—116.

Уфимцева, Е. И. Особенности воцерковления в оценках православной молодежи / Е. И. Уфимцева // Социологические исследования. — 2013. — № 1. — С. 127—134.

Фабрикант, М. С. Традиционное и современное в субъективных нормах на семейно-гендерные отношения : россияне в сравнении с другими европейцами / М. С. Фабрикант // XV Апрельская международная научная конференция по

проблемам развития экономики и общества : в 4-х книгах. Книга 3 / отв. ред. Е. Г. Ясин. — М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2015. — С. 69—81.

Фабрикант, М. С., Магун, В. С. Семейные ценности россиян и европейцев / М. С. Фабрикант, В. С. Магун // Демоскоп Weekly. — 2014. — № 613/614. — С. 1—15.

Филатов, С. Б., Лункин, Р. Н. Статистика российской религиозности : магия цифр и неоднозначная реальность / С. Б. Филатов, Р. Н. Лункин // Социологические исследования. — 2005. — № 6. — С. 35—45.

Фурман, Д. Е., Каарияйнен, К. Религиозность в России рубеже XX—XXI столетий / Д. Е. Фурман, К. Каарияйнен // Общественные науки и современность. — 2007. — № 2. — С. 78—95.

Чеснокова, В. Ф. Тесным путем : Процесс воцерковления населения России в конце XX века / В. Ф. Чеснокова. — М. : Академический Проект, 2005. — 304 с.

Шварц, Ш. [и др.] Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей : применение в России / Ш. Шварц, Т. П. Бутенко, Д. С. Седова, А. С. Липатова // Психология. Журнал Высшей школы экономики. — 2012. — Т. 9. — № 1. — С. 43—70.

Шохин В. К. Философия ценностей и ранняя аксиологическая мысль / В. К. Шохин. — М. : Изд-во РУДН, 2006. — 456 с.

Ядов, В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности : Диспозиционная концепция / В. А. Ядов [и др.]. — 2-е расширенное изд. — М. : ЦСПиМ, 2013. — 376 с.

Adamczyk, A. The effects of religious contextual norms, structural constraints, and personal religiosity on abortion decisions / A. Adamczyk // Social Science Research. — 2008. — Vol. 37. — No. 2. P. 657—672.

Adamczyk, A. Understanding delinquency with friendship group religious context / A. Adamczyk // Social Science Quarterly. — 2012. — Vol. 93. — No. 2. — P. 482—505.

Adamczyk, A., Pitt, C. Shaping attitudes about homosexuality : The role of religion and cultural context / A. Adamczyk, C. Pitt // *Social Science Research*. — 2009. — Vol. 38. — No. 2. — P. 338—351.

Agadjanian, A. From urban landscape to national culture: Russia's conspicuous religious simulacra and enduring, if fragile, secularity / A. Agadjanian // *Social Compass* — 2021. — No. 1. — P. 1—18.

Allport, G. W., Ross, M., J. Personal religious orientation and prejudice / G. W. Allport, M. J. Ross // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 1967. — Vol. 5. — No. 4. — P. 432—443.

Alwin, D. F. Cohort replacement and changes in parental socialization values / D. F. Alwin // *Journal of Marriage and the Family*. — 1990. — Vol. 52. — No. 2. — P. 347.

Alwin, D. F., McCammon, R. J. Generations, cohorts, and social change / D. F. Alwin, R. J. McCammon // *Handbook of the life course* / J. T. Mortimer, M. J. Shanahan (eds.). — New York, NY : Kluwer Academic Publishers, 2003. P. 23—49.

Bader, C. D., Finke, R. What does God require? Understanding religious context and morality / C. D. Bader, R. Finke // *Handbook of the sociology of morality* / S. Hitlin, S. Vaisey (eds.). — New York : Springer, 2010. P. 241—254.

Bader, C. D., Froese, P. Images of God : The effect of personal theologies on moral attitudes, political affiliation, and religious behavior / C. D. Bader, P. Froese // *Interdisciplinary Journal of Research on Religion*. — 2005. — Vol. 1. — No. 11. — P. 1—24.

Batson, C. D. Religion as prosocial : Agent or double agent? / C. D. Batson // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 1976. — Vol. 15. — No. 1. — P. 29—45.

Batson, C. D., Schoenrade, P. A. Measuring religion as Quest : 1) Validity concerns / C. D. Batson, P. A. Schoenrade // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 1991. — Vol. 30. — No. 4. — P. 416—429.

Batson, C. D., Schoenrade, P. A. Measuring religion as Quest : 2) Reliability concerns / C. D. Batson, P. A. Schoenrade // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 1991. — Vol. 30. — No. 4. — P. 430—447.

Bengtson, V. L. [et. al.] A longitudinal study of the intergenerational transmission of religion / V. L. Bengtson, C. E. Copen, N. M. Putney, M. Silverstein // *International Sociology*. — 2009. — Vol. 24. — No. 3. — P. 325—345.

Billiet, J. Proposal for questions on religious identity [Electronic resource] / J. Billiet // *European Social Survey core questionnaire development. Chapter 9*. — [S. l.], 2002. P. 339—383. URL: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/core_ess_questionnaire/ESS_core_questionnaire_religious_identity.pdf (дата обращения: 25.10.2017).

Bochinger Ch. Spirituality / Ch. Bochinger // *The Brill dictionary of religion* / K. von Stuckrad (ed.). — Leiden : Brill, 2006. — Vol. 4: S-Z. — P. 1808—1809.

Boehnke, K., Hadjar, A., Baier, D. Parent-child value similarity : The role of Zeitgeist / K. Boehnke, A. Hadjar, D. Baier // *Journal of Marriage and Family*. — 2007. — Vol. 69. — No. 3. — P. 778—792.

Brechon, P. The measuring of confessional membership and non-membership in major European surveys / P. Brechon // *Social Compass*. — 2009. — Vol. 56. — No. 2. — P. 163—178.

Chaves, M. *Congregations in America* / M. Chaves. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 2004. — 304 p.

Chaves, M. Rain dances in the dry season : overcoming the religious congruence fallacy / M. Chaves // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 2010. — Vol. 49. — No. 1. — P. 1—14.

Cipriani, R. “Diffused religion” and new values in Italy / R. Cipriani // *The changing face of religion* / J. A. Beckford, T. Luckmann (eds.). — London : Sage Publications, 1988. — P. 24—48.

Clayton, R. R., Gladden, J. W. The five dimensions of religiosity : Toward demythologizing a sacred artifact / R. R. Clayton, J. W. Gladden // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 1974. — Vol. 13. — No. 2. — P. 135—143.

Cohen, A. B., et. al. Social versus individual motivation : implications for normative definitions of religious orientation / A. B. Cohen, D. E. Hall, H. G. Koenig, K.

G. Meador // *Personality and Social Psychology Review*. — 2005. — Vol. 9. — No. 1. — P. 48—61.

Cohen, J. [et. al.]. Public acceptance of euthanasia in Europe : a survey study in 47 countries / J. Cohen, P. van Landeghem, N. Carpentier, L. Deliens // *International Journal of Public Health*. — 2014. — Vol. 59. — No. 1. — P. 143—156.

Cohen, J. [et. al.]. Trends in acceptance of euthanasia among the general public in 12 European countries (1981-1999) / J. Cohen, I. Marcoux, J. Bilsen, P. Deboosere, L. Deliens // *The European Journal of Public Health*. — 2006. — Vol. 16. — No. 6. — P. 663—669.

Comparative methodology : theory and practice in international social research / E. Øyen (ed.). London: Sage, 1990. — 227 p.

Corcoran, K. E., Pettinicchio, D., Robbins, B. Religion and the acceptability of white-collar crime : A cross-national analysis / K. E. Corcoran, D. Pettinicchio, B. Robbins // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 2012. — Vol. 51. — No. 3. — P. 542—567.

Davidov, E., Schmidt, P., Schwartz, S. H. Bringing values back in : The adequacy of the European Social Survey to measure values in 20 countries / E. Davidov, P. Schmidt, S. H. Schwartz // *Public Opinion Quarterly*. — 2008. — Vol. 72. — No. 3. — P. 420—445.

Döring, A. K. [et. al.] Assessing values at an early age : The picture-based value survey for children (PBVS—C) / A. K. Döring, A. Blauensteiner, K. Aryus, L. Drögekamp, W. Bilsky // *Journal of Personality Assessment*. — 2010. — Vol. 92. — No. 5. — P. 439—448.

Durkheim, E. The Elementary forms of the religious life / E. Durkheim. — London : George Allen and Unwin Ltd, 1964. — 476 p.

Ebaugh, H. R. F., Haney, C. A. Church attendance and attitudes toward abortion : Differentials in liberal and conservative churches / H. R. F. Ebaugh, C. A. Haney // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 1978. — Vol. 17. — No. 4. — P. 407—413.

Emelyanov, N. The temporal structure of the activities of priests and the substantive effects of religious life in contemporary Russia / N. Emelyanov // *Russian Sociological Review*. — 2016. — Vol. 15. — No. 4. — P. 176—201.

ESS Round 6 : European Social Survey Round 6 data (2012). Data file edition 2.3 [Electronic resource] / NSD — Norwegian Centre for Research Data, Data archive and distributor of ESS data for ESS ERIC. — Norway, December, 1, 2016. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org> (дата обращения: 20.01.2017).

European Social Survey [Electronic resource]. URL: <http://www.europeansocialsurvey.org> (дата обращения: 25.10.2017).

European Values Study [Electronic resource]. URL: <http://www.europeanvaluesstudy.eu/> (дата обращения: 25.10.2017).

Faulkner, J. E., De Jong, G. F. Religiosity in 5-D : An empirical analysis / J. E., Faulkner, G. F. de Jong, // *Social Forces*. — 1966. — Vol. 45. — No. 2. — P. 246—254.

Fichter, J. H. Sociological measurement of religiosity / J. H. Fichter // *Review of Religious Research*. — 1969. — Vol. 10. — No. 3. — P. 169—177.

Finke, R., Adamczyk, A. Cross-national moral beliefs : The influence of national religious context / R. Finke, A. Adamczyk // *The Sociological Quarterly*. — 2008. — Vol. 49. — No. 4. — P. 617—652.

Fontaine, J. R. J. [et. al.]. Consequences of a multidimensional approach to religion for the relationship between religiosity and value priorities / J. R. J. Fontaine, B. Duriez, P. Luyten, J. Corveleyn, D. Hutsebaut // *International Journal for the Psychology of Religion*. — 2005. — Vol. 15. — No. 2. — P. 123—143.

Fukuyama, Y. The major dimensions of church membership / Y. Fukuyama // *Review of Religious Research*. — 1961. — Vol. 2. — No. 4. — P. 154—161.

Gay, D. A., Ellison, C. G., Powers, D. A. In search of denominational subcultures : Religious affiliation and “pro-family” issues revisited / D. A. Gay, C. G. Ellison, D. A. Powers // *Review of Religious Research*. 1996. — Vol. 38. — No. 1. — P. 3—17.

Genia, V. A psychometric evaluation of the Allport-Ross I/E scales in a religiously heterogeneous sample / V. Genia // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 1993. — Vol. 32. — No. 3. — P. 294—290.

Gennerich, C., Huber, S. Value priorities and content of religiosity — new research perspectives / C. Gennerich, S. Huber // *Archive for the Psychology of Religion*. — 2006. — Vol. 28. — No. 1. — P. 253—267.

Gibbs, J. O., Crader, K. W. A Criticism of two recent attempts to scale Glock and Stark's dimensions of religiosity : A research note / J. O. Gibbs, K. W. Crader // *Sociological Analysis*. — 1970. — Vol. — No. — P. 107—114.

Glass, J., Bengtson, V. L., Dunham, C. C. Attitude similarity in three-generation families : Socialization, status inheritance, or reciprocal influence? / J. Glass, V. L. Bengtson, C. C. Dunham // *American Sociological Review*. — 1986. — Vol. 51. — No. 5. — P. 685—698.

Glock, Ch. Y. On the study of religious commitment / Ch. Y. Glock // *Religious Education*. — 1962. — Vol. 57. — Sup. 4. — P. 98—110.

Glock, Ch. Y. The religious revival in America? / Ch. Y. Glock // *Religion and the face of America* / J. C. Zahn (ed.). — Berkeley : University of California Press, 1959. — P. 25—42.

Gorsuch, R. L., McPherson, S. E. Intrinsic/extrinsic measurement : I/E-Revised and single-item scales / R. L. Gorsuch, S. E. McPherson // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 1989. — Vol. 28. — No. 3. — P. 348—354.

Halman, L., Van Ingen, E. Secularization and changing moral views : European trends in church attendance and views on homosexuality, divorce, abortion, and euthanasia / L. Halman, E. van Ingen // *European Sociological Review*. — 2015. — Vol. 31. — No. 5. — P. 616—627.

Handbook of multilevel analysis / J. de Leeuw, E. Meijer (eds.). New York, NY : Springer, 2008. — 493 p.

Hill, P. C. Measurement in the psychology of religion and spirituality : Current status and evaluation / P. C. Hill // *Handbook of the psychology of religion and spirituality* / R. F. Paloutzian, C. L. Park (eds.). — New York, NY : Guilford Press, 2005. — P. 43—61.

Hitlin, S., Piliavin, J. A. Values : reviving a dormant concept / S. Hitlin, J. A. Piliavin // *Annual Review of Sociology*. — 2004. — Vol. 30. — No. 1. — P. 359—393.

Hood, R. W., Hill, P. C., Spilka, B. The psychology of religion : An empirical approach / R. W. Hood, P. C. Hill, B. Spilka. — 4th edition. — New York : The Guilford Press, 2009. — 636 p.

Hox, J. J. Multilevel analysis : techniques and applications / J. J. Hox. — New York : Routledge, Taylor & Francis, 2010. — 382 p.

Huber, S. Religion Monitor 2008 : Structuring principles, operational constructs, interpretive strategies / S. Huber // What the world believes : analyses and commentary on the Religion Monitor 2008 / M. Rieger (ed.). — Gütersloh : Verlag Bertelsmann Stiftung, 2009. — P. 17—51.

Huber, S., Huber, O. W. The Centrality of Religiosity Scale (CRS) / S. Huber, O. W. Huber // Religions. — 2012. — Vol. 3. — No. 3. — P. 710—724.

Inglehart, R. Modernization and postmodernization: cultural, economic, and political change in 43 societies / R. Inglehart. — Princeton : Princeton University Press, 1997. — 453 p.

Inglehart, R. The silent revolution : Changing values and political styles. — Princeton : Princeton University Press, 1977. — 482 p.

Inglehart, R., Norris, P. Sacred and secular : religion and politics worldwide / R. Inglehart, P. Norris. Cambridge, New York : Cambridge University Press, 2004. — 329 p.

International Social Survey Program [Electronic resource]. URL: <http://www.issp.org/> (дата обращения: 25.10.2017).

Jelen, T. G. Respect for life, sexual morality, and opposition to abortion / T. G. Jelen // Review of Religious Research. — 1984. — Vol. 25. — No. 3. — P. 220—231.

Joas, H. Do we need religion? : On the experience of self-transcendence / H. Joas. — Boulder, CO: Routledge, 2008. — 164 p.

Karpov, V., Lisovskaya, E., Barry, D. Ethnodoxy : How popular ideologies fuse religious and ethnic identities / V. Karpov, E. Lisovskaya, D. Barry // Journal for the Scientific Study of Religion. — 2012. — Vol. 51. — No. 4. — P. 638—655.

Kelley, J., De Graaf, N. D. National context, parental socialization, and religious belief : Results from 15 nations / J. Kelley, N. D. de Graaf // *American Sociological Review*. — 1997. — Vol. 62. — No. 4. — P. 639—659.

King, M. B. Measuring the religious variable : Nine proposed dimensions / M. B. King // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 1967. — Vol. 6. — No. 2. — P. 173—190.

King, M. B., Hunt, R. A. Measuring the religious variable : Amended findings / M. B. King, R. A. Hunt // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 1969. — Vol. 8. — No. 2. — P. 321—323.

King, M. B., Hunt, R. A. Measuring the religious variable : National replication / M. B. King, R. A. Hunt // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 1975. — Vol. 14. — No. 1. — P. 13—22.

King, M. B., Hunt, R. A. Measuring the religious variable : Replication / M. B. King, R. A. Hunt // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 1972. — Vol. 11. — No. 3. — P. 240—251.

Kirkpatrick, L. A., Hood, R. W. Intrinsic-extrinsic religious orientation : The boon or bane of contemporary psychology of religion? / L. A. Kirkpatrick, R. W. Hood // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 1990. — Vol. 29. — No. 4. — P. 442—462.

Lee, J. A., Soutar, G., Louviere, J. The Best-Worst scaling approach : An alternative to Schwartz's Values Survey / J. A. Lee, G. Soutar, J. Louviere // *Journal of Personality Assessment*. — 2008. — Vol. 90. — No. 4. — P. 335—347.

Lenski, G. E. The religious factor : A sociological study of religion's impact on politics, economics, and family life / G. E. Lenski. — New York : Doubleday & Co, 1961. — 381 p.

Leong, F. T. L., Zachar, P. An evaluation of Allport's religious orientation scale across one Australian and two United States samples / F. T. L. Leong, P. Zachar // *Educational and Psychological Measurement*. — 1990. — Vol. 50. — No. 2. — P. 359—368.

Letki, N. Investigating the roots of civic morality : Trust, social capital, and institutional performance / N. Letki // *Political Behavior*. — 2006. — Vol. 28. — No. 4. — P. 305—325.

Lim, Ch., Putnam, R. D. Religion, social networks, and life satisfaction / Ch. Lim, R. D. Putnam // *American Sociological Review*. — 2010. — Vol. 75. — No. 6. — P. 914—933.

Luckmann, T. The invisible religion : The problem of religion in modern society / T. Luckmann. — New York : The MacMillan Company, 1967. — 128 p.

Magun, V., Rudnev, M. Basic human values of Russians : both different from and similar to other Europeans / V. Magun, M. Rudnev // NRU Higher School of Economics Basic research program working papers. Series “Sociology”. — 2013. — No. 23. — 36 p.

Magun, V., Rudnev, M. The life values of the Russian population / V. Magun, M. Rudnev // *Sociological Research*. — 2010. — Vol. 49. — No. 4. — P. 3—57.

Magun, V., Rudnev, M., Schmidt, P. Within- and between-country value diversity in Europe : A typological approach / V. Magun, M. Rudnev, P. Schmidt // *European Sociological Review*. — 2016. — Vol. 32 — No. 2 — P. 189—202.

McCutcheon, A. L. Sexual morality, pro-life values, and attitudes toward abortion : A simultaneous latent structure analysis for 1978-1983 / A. L. McCutcheon // *Sociological Methods & Research*. — 1987. — Vol. 16. — No. 2. — P. 256—275.

McIntosh, W. A., Alston, J. P. Acceptance of abortion among white catholics and protestants, 1962 and 1975 / W. A. McIntosh, J. P. Alston // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 1977. — Vol. 16. — No. 3. — P. 295—303.

McIntosh, W. A., Alston, L. T., Alston, J. P. The Differential impact of religious preference and church attendance on attitudes toward abortion / W. A. McIntosh, L. T. Alston, J. P. Alston // *Review of Religious Research*. — 1979. — Vol. 20. — No. 2. — P. 195—213.

McKinnon, A. Sociological definitions, language games, and the “essence” of religion / A. McKinnon // *Method and Theory in the Study of Religion*. — 2002. — Vol. 14. — No. 1. — P. 61—83.

Measures of religiosity / P. C. Hill, R. W. Hood (eds.). — Birmingham, AL : Religious Education Press, 1999. — 531 p.

Meuleman, B., Billiet, J. Religious involvement : Its relation to values and social attitudes / B. Meuleman, J. Billiet // *Cross-cultural analysis : Methods and applications* / E. Davidov, P. Schmidt, J. Billiet (eds.). — New York : Taylor and Francis, 2011. — P. 173—206.

Meulemann, H. Religiosity in Europe and in the two Germanies : The persistence of a special case — as revealed by the European Social Survey / H. Meulemann // *Church and religion in contemporary Europe. Results from empirical and comparative research* / G. Pickel, O. Müller (eds.). — Wiesbaden : VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2009. — P. — 35—48.

Müller, T. S., De Graaf, N. D., Schmidt, P. Which societies provide a strong religious socialization context? Explanations beyond the effects of national religiosity / T. S. Müller, N. D. de Graaf, P. Schmidt // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 2014. — Vol. 53. — No. 4. — P. 739—759.

Norenzayan, A., Shariff, A. F. The origin and evolution of religious prosociality / A. Norenzayan, A. F. Shariff // *Science*. — 2008. — Vol. 322. — No. 5898. — P. 58—62.

Oishi, S. [et. al.]. The measurement of values and individualism-collectivism / S. Oishi, U. Schimmack, E. Diener, E. M. Suh // *Personality and Social Psychology Bulletin*. — 1998. — Vol. 24. — No. 11. — P. 1177—1189.

Orthodox Monitor [Electronic resource]. URL: <http://socrel.pstgu.ru/RU/grants/orthodoxmonitor> (дата обращения: 25.10.2017).

Parks-Leduc, L., Feldman, G., Bardi, A. Personality traits and personal values : A Meta-analysis / L. Parks-Leduc, G. Feldman, A. Bardi // *Personality and Social Psychology Review*. — 2015. — Vol. 19. — No. 1. — P. 3—29.

Pascarella, E. T., Terenzini, P. T. How college affects students : A third decade of research / E. T. Pascarella, P. T. Terenzini. — San Francisco : Jossey-Bass, 2005. — 827 p.

Pascarella, E. T., Terenzini, P. T. How college affects students : Findings and insights from twenty years of research / E. T. Pascarella, P. T. Terenzini. — San Francisco : Jossey-Bass, 1991. — 894 p.

Petersen, L. R., Mauss, A. L. Religion and the “right to life” : Correlates of opposition to abortion / L. R. Petersen, A. L. Mauss // *Sociological Analysis*. — 1976. — Vol. 37. — No. 3. — P. 243—254.

Pollack, D. Säkularisierung — ein moderner Mythos? Studien zum religiösen Wandel in Deutschland / D. Pollack. — Tübingen : Mohr Siebeck, 2003. — 333 s.

Ragin, C., Zaret, D. Theory and method in comparative research : Two strategies / C. Ragin, D. Zaret // *Social Forces*. — 1983. — Vol. 61. — No. 3. — P. 731—754.

Religion Monitor [Electronic resource]. URL: <https://www.bertelsmannstiftung.de/en/our-projects/religion-monitor/> (дата обращения: 25.10.2017).

Roccas, S. [et. al.] The Big Five personality factors and personal values / S. Roccas, L. Sagiv, S. H. Schwartz, A. Knafo // *Personality and Social Psychology Bulletin*. — 2002. — Vol. 28. — No. 6. — P. 789—801.

Roccas, S., Schwartz, S. H. Church-state relations and the association of religiosity with values : A study of catholics in six countries / S. Roccas, S. H. Schwartz // *Cross-Cultural Research*. — 1997. — Vol. 31. — No. 4. — P. 356—375.

Rohan, M. J. A Rose by any name? The values construct / M. J. Rohan // *Personality and Social Psychology Review*. — 2000. — Vol. 4. — No. 3. — P. 255—277.

Rokeach, M. Part I. Value systems in religion / M. Rokeach // *Review of Religious Research*. — 1969. — Vol. 11. — No. 1. — P. 3—23.

Rokeach, M. The nature of human values / M. Rokeach. — New York; London : Free Press, 1973. — 438 p.

Rudnev, M., Magun, V., Schmidt, P. The stability of the value typology of Europeans : Testing invariance with confirmatory latent class analysis / M. Rudnev, V. Magun, P. Schmidt // *NRU Higher School of Economics Basic research program working papers. Series “Sociology”*. — 2014. — No. 51. — 41 p.

Ruiter, S., Van Tubergen, F. Religious attendance in cross-national perspective : A Multilevel analysis of 60 countries / S. Ruiter, F. van Tubergen // *American Journal of Sociology*. — 2009. — Vol. 115. — No. 3. — P. 863—895.

Saler, B. Conceptualizing religion : Some recent reflections / B. Saler // *Religion*. — 2008. — Vol. 38. — No. 3. — P. 219—225.

Saroglou, V., Delpierre, V., Dernelle, R. Values and religiosity : a Meta-analysis of studies using Schwartz's model / V. Saroglou, V. Delpierre, R. Dernelle // *Personality and Individual Differences*. — 2004. — Vol. 37. — No. 4. — P. 721—734.

Scheepers, P., Te Grotenhuis, M., Van Der Slik, F. Education, religiosity and moral attitudes : Explaining cross-national effect differences / P. Scheepers, M. Te Grotenhuis, F. van der Slik // *Sociology of Religion*. — 2002. — Vol. 63. — No. 2. — P. 157—176.

Scheuch, E. K. The development of comparative research : Towards causal explanations / E. K. Scheuch // *Comparative methodology: theory and practice in international social research* / Øyen E. (ed.). London : Sage, 1990. — P. 19—37.

Schwartz, S. H. [et. al.]. Refining the theory of basic individual values / S. H. Schwartz, J. Cieciuch, M. Vecchione, E. Davidov, R. Fischer, C. Beierlein, A. Ramos, M. Verkasalo, J.-E. Lönnqvist, K. Demirutku, O. Dirilen-Gumus, M. Konty // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 2012. — Vol. 103. — No. 4. — P. 663—688.

Schwartz, S. H. A proposal for measuring value orientations across nations [Electronic resource] / S. H. Schwartz // *European Social Survey core questionnaire development*. Chapter 7. — [S. 1.], 2003. P. 259—290. URL: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/core_ess_questionnaire/ESS_core_questionnaire_human_values.pdf (дата обращения: 25.10.2017).

Schwartz, S. H. An overview of the Schwartz theory of basic values [Electronic resource] / S. H. Schwartz // *Online Readings in Psychology and Culture*. — 2012. — Vol. 2. — No. 1. — 20 p. URL: <http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/11/> (дата обращения: 24.03.2017).

Schwartz, S. H. Basic individual values : Sources and consequences / S. H. Schwartz // *Handbook of value : Perspectives from economics, neuroscience, philosophy,*

psychology and sociology / T. Brosch, D. Sander (eds.). — Oxford : Oxford University Press, 2016. — P. 63—84.

Schwartz, S. H. Computing scores for the 10 human values [Electronic resource] / S. H. Schwartz // Documentation for ESS-1. — [S. l.], 2003. URL: http://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/ESS1_human_values_scale.pdf (дата обращения: 24.03.2017).

Schwartz, S. H. Human values. From item to index [Electronic resource] // European Social Survey Education Net. URL: <http://essedunet.nsd.uib.no/cms/topics/1/4/2.html> (дата обращения: 22.03.2017).

Schwartz, S. H. Universals in the content and structure of values : Theoretical advances and empirical tests in 20 countries / S. H. Schwartz // Advances in experimental social psychology / M. Zanna (ed.). — San Diego, CA : Academic Press, 1992. — P. 1—65.

Schwartz, S. H., Huismans, S. Value priorities and religiosity in four western religions / S. H. Schwartz, S. Huismans // Social Psychology Quarterly. — 1995. — Vol. 58. — No. 2. — P. 88—107.

Sherkat, D. E. Religious socialization : Sources of influence and influences of agency / D. E. Sherkat // Handbook of the sociology of religion / M. Dillon (ed.). — Cambridge : Cambridge University Press, 2003. — P. 151—163.

Sherkat, D. E. Religious socialization and the family : An examination of religious influence in the family over the life course: PhD Thesis / D. E. Sherkat. — Durham, NC : Duke University, 1991. — 404 p.

Shuman, H., Scott, J. Generations and collective memories / H. Shuman, J. Scott // American Sociological Review. — 1989. — Vol. 54. — No. — P. 359—381.

Sibley, C. G., Bulbulia, J. A. How do religious identities and basic value orientations affect each other over time? / C. G. Sibley, J. A. Bulbulia // The International Journal for the Psychology of Religion. — 2014. — Vol. 24. — No. 1. — P. 64—76.

Smelser, N. Comparative methods in the social sciences / N. Smelser. — New Orleans : Quid Pro Books, 2013. — 270 p.

Snijders, T. A. B., Bosker, R. J. Modeled variance in two-level models / T. A. B. Snijders, R. J. Bosker // *Sociological Methods & Research*. — 1994. — Vol. 22. — No. 3. — P. 342—363.

Snijders, T. A. B., Bosker, R. J. Multilevel analysis : An introduction to basic and advanced multilevel modeling / T. A. B. Snijders, R. J. Bosker. — Los Angeles, CA : Sage, 2012. — 354 p.

Spates, J. L. The Sociology of values / J. L. Spates // *Annual Review of Sociology*. — 1983. — Vol. 9. — No. — P. 27—49.

Stark, R. Gods, rituals, and the moral order / R. Stark // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 2001. — Vol. 40. — No. 4. — P. 619—636.

Stark, R. Religion as context : Hellfire and delinquency one more time / R. Stark // *Sociology of Religion*. — 1996. — Vol. 57. — No. 2. — P. 163—173.

Stark, R., Finke, R. Acts of faith : Explaining the human side of religion / R. Stark, R. Finke. — Berkeley : University of California Press, 2000. — 350 p.

Stark, R., Glock, Ch. Y. American piety : The nature of religious commitment. — Berkeley : University of California Press, 1968. — 250 p.

Stern, P. C., Dietz, T., Guagnano, G. A. A Brief Inventory of Values / P. C. Stern, T. Dietz, G. A. Guagnano // *Educational and Psychological Measurement*. — 1998. — Vol. 58. — No. 6. — P. 984—1001.

Thomas, W., Znaniecki, F. The Polish peasant in Europe and America : Monograph of an immigrant group. Volume 1. Primary-group organization / W. Thomas, F. Znaniecki. — Boston : The Gorham Press, 1918. — 526 p.

Thornton, A., Young-DeMarco, L. Four decades of trends in attitudes toward family issues in the United States : The 1960s through the 1990s / A. Thornton, L. Young-DeMarco // *Journal of Marriage and Family*. — 2001. — Vol. 63. — No. 4. — P. 1009—1037.

Turner, J. H. Theoretical principles of sociology / J. H. Turner. — New York : Springer, 2010. — 369 p.

Vaidyanathan, B. Religious resources or differential returns? Early religious socialization and declining attendance in emerging adulthood / B. Vaidyanathan // *Journal for the Scientific Study of Religion*. — 2011. — Vol. 50. — No. 2. — P. 366—387.

Van Herk, H., Poortinga, Y. H. Current and historical antecedents of individual value differences across 195 regions in Europe / H. van Herk, Y. H. Poortinga // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. — 2012. — Vol. 43. — No. 8. — P. 1229—1248.

Verbakel, E., Jaspers, E. A Comparative study on permissiveness toward euthanasia : Religiosity, slippery slope, autonomy, and death with dignity / E. Verbakel, E. Jaspers // *Public Opinion Quarterly*. — 2010. — Vol. 74. — No. 1. — P. 109—139.

Vermeer, P., Janssen, J., De Hart, J. Religious socialization and church attendance in the Netherlands from 1983 to 2007 : A panel study / P. Vermeer, J. Janssen, J. de Hart // *Social Compass*. — 2011. — Vol. 58. — No. 3. — P. 373—392.

Widdows, H. Religion as a moral source : Can religion function as a shared source of moral authority and values in a liberal democracy? / H. Widdows // *The Heythrop Journal*. — 2004. — Vol. 45. — No. 2. — P. 197—208.

Woodrum, E., Davison, B. L. Reexamination of religious influences on abortion attitudes / E. Woodrum, B. L. Davison // *Review of Religious Research*. — 1992. — Vol. 33. — No. 3. — P. 229—243.

World Values Survey [Electronic resource]. URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/> (дата обращения: 25.10.2017).

Wulff, D. M. Psychology of religion : Classic and contemporary / D. M. Wulff. — New York : John Wiley & Sons, 1997. — 760 p.